

Александр Темной

Джина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Иногда покупка сувенира может изменить человеку жизнь, открыть глаза на многие вещи, которых он раньше не замечал. Именно это произошло с Андреем Светловым, который купил на рынке кувшин и выпустил из него сущность по имени Джина, которая спокойную, размеренную жизнь Андрея перевернула с ног на голову.

- [Александр Темной](#)
 - [Глава 1. Египетский кувшин](#)
 - [Глава 2. История Джины](#)
 - [Глава 3. Не вполне честные способы отъёма денег у граждан](#)
 - [Глава 4. «Развод» Станислава Игоревича и ещё кое-что](#)
 - [Глава 5. Приключения сексуального характера](#)
 - [Глава 6. Джина снова в теле](#)
 - [Глава 7. Битва титанов](#)
 - [Глава 8. Книга Знаний и прочие приключения](#)
 - [Глава 9. Операция в Сирии](#)
 - [Глава 10. Спасение Вани Боброва](#)
 - [Глава 11. Занавес](#)

Александр Темной
Джина

Глава 1. Египетский кувшин

Андрей Светлов посмотрел на настенные часы. Было только шесть вечера. До празднования Нового года оставалось шесть часов, а до прихода Насти — три часа. Времени в запасе было много — вагон и маленькая тележка, а оставалось всего-то — порезать салат «оливье», умастить его майонезом и поставить тарелку на стол. Остальное уже было готово: ёлка светилась разноцветными огоньками, стол ломился от спиртного и закусок, на экране телевизора пьяные герои выясняли, кто должен лететь в Ленинград.

Пропищал мобильник. Это был Костя, друг детства.

— Алло! — Андрей уверен, что Костя звонит, чтобы узнать, что нужно принести с собой, но ничего нести не нужно, и так всё есть.

— Привет, — Костя хрипит в трубку.

— Что у тебя с голосом? — спрашивает Светлов, но уже знает ответ на свой вопрос. Во всяком случае, догадывается.

— Простыл, — отвечает Константин. — Кха-кха!.. Мы с Леной сегодня к тебе не придём. Извини!

— А я так хотел с тобой выпить водки под бой курантов! — Андрей пытается говорить шутливо, но при этом хмурится. Как, как этот бугай умудрился простыть перед самым Новым годом? А ведь Андрей так ждал его, так на него надеялся. Если Костик не придет, вечер будет кислым.

— Ничего... Кха-кха!.. Выпьем, когда вылечусь.

— Ладно, лечись, — Светлов вздыхает.

— Ага, пока! — Частые гудки в трубке.

Андрей смотрит на свой смартфон. Не столько на заставку экрана с красивой полуголой блондинкой, сколько на часы. Времени ещё остаётся много, но настроение чуть-чуть ухудшилось. Глядя на экранных алкашей, Андрей подумал, а не хряпнуть ли ему чуть-чуть, для поднятия настроения?

Внутренний голос шепчет: «Зачем тебе это нужно? Ты же не алкоголик... Скоро начнут подтягиваться гости, с ними и выпьешь. А лучше не пить до появления Насти»

Светлов согласно кивает своему отражению в зеркале, выключает телевизор, проходит на кухню и продолжает делать то, что он делал весь день, с самого утра — режет варенные овощи. Чтобы не было скучно, включил магнитолау. Вкусно пахнущее пространство кухни тут же заполнил хриплый голос Чеда Крюгера, солиста группы «Nickelback».

Под стук ножа по разделочной доске в голову приходит

мысль: почему Чед расстался с Аврил Лавин? Что они не поделили? Оба — чертовски талантливые люди. Могли бы дуэт создать и с гастролями по миру ездить, такие бабки могли бы зашибать! А так, взяли и расстались, разбежались в разные стороны, как тараканы по кухне. Аврил Лавин мало того, что поёт хорошо, она ещё и красавица. Он, Андрей, никогда бы с ней не развёлся, несмотря на то, что имя у неё звучит, как отрывок. Получается, что хоть в чем-то он перещеголял Чеду Крюгера, каким бы звезданутым тот ни был: Настя красивее Аврил Лавин, её имя и фамилия не такие рыготные — Анастасия Панова; она не бросала Светлова (пока); благодаря тому, что Настя — дочь босса, Андрей сделал карьеру в фирме «Торгоптима», поднявшись от торгового представителя до заместителя генерального директора. А ведь это не всякому дано — трахать дочь директора!

Стоило ему вспомнить про Настю, началось набухание в промежности.

— А вот это не вовремя! — произнес Андрей, обращаясь к своему «другу».

— Ye-e-e-s! — пропел Чед Крюгер, как бы соглашаясь с ним.

Песня закончилась, Светлов услышал, как в недрах его «двушки» надрывается мобильник. Прошел в гостиную. Он ещё не взял телефон в руку, не «алёкнул», но уже был уверен, что это звонит кто-то из друзей, чтобы сказать, что он тоже не сможет прийти.

Предчувствия Андрея не обманули. Звонила Марина, жена Стаса. Если бы её номер не определился, Андрей бы не понял, кто звонит.

— Андрюша, здравствуй! — Её голос дрожит. Слышится хлюпанье. Неужели, плачет?

— Привет, Мариша. — Что с тобой...

— Знаешь, мы, похоже, к тебе не придём.

«А кто бы сомневался?» — думает он, а вслух спрашивает:

— Почему?

Молчание. После долгой паузы:

— Мы со Стасиком в аварию попали.

— Как вы так умудрились влететь? — Андрей удивлён. Он знает, что у Марины со Стасом на двоих больше двадцати лет водительского стажа.

— Да не мы влетели, а в нас... — Снова послышались хлюпающие звуки. — ...когда мы из гипермаркета возвращались. — Машина всмятку, у Стасика нога сломана. У меня сломана рука и двенадцать швов на лице...

— Вы в больнице?

— Нет, уже дома. — На заднем плане слышится

приглушенный голос Стаса: «Марина! Принеси попить!» — Ну, ладно... С Наступающим тебя!

Частые гудки.

Андрей нажимает кнопку завершения вызова, бросает телефон на диван, тяжело опускается на его краешек. Какое-то время сидит, глядя в одну точку. «Это какой-то пипец получается, — думает он. — В кои-то веки решил с друзьями Новый год отметить, а тут — на тебе!.. Борисовы не придут, Синцовы — тоже. Кто остается? Настя и Пинигины? Какого хрена я столько готовил? Говорила мне Настюха, что нужно было всё в магазине купить, так я её не послушал, а зря. Решил её, понимаешь, своим кулинарным искусством покорить. Столько времени, денег и сил впустую потратил... Баран твердолобый!»

Черт с ними, с деньгами и силами. Главное, что настроение испорчено. Уже не новогоднее. Пинигины его точно не поднимут. С этими только на похороны можно ходить. У них всегда одинаково кислые рожи, да и пригласил он их только потому, что Настя попросила. Она с Алёной Пинигиной когда-то в одном классе училась, а ему, Андрею, в своё время «посчастливилось» работать в одной фирме с Костей. Светлов тогда дико радовался, когда зануду-Костика сначала перевели в другой отдел, а потом и вовсе уволили. Да насрать на него, на Костика. Придет — флаг ему в руки, не придёт — тоже неплохо. Главное — чтобы Настя пришла. Тогда Новый год начнется с секса. Это будет неплохое начало.

А пока...

Он прошел на кухню, продолжил резать салат «Олевие».

Откуда-то из-под стола вылез толстый кот. Кот и «двушка» — всё, что оставили Андрею родители, уезжая в 2007-м в Санкт-Петербург. И, если квартира — вещь ценная, нужная, то тупого котяру Светлов воспринимал так, словно это нечто бесполезное, мусор, от которого нужно избавляться. Нужно, но нельзя: матушка во время каждого сеанса общения по Скайпу спрашивает: «А как там мой котик?». И тогда Светлову приходится показывать ей его и, улыбаясь фальшивой улыбкой, демонстративно гладить. Маман даже не представляет, как в эти мгновения её сынку хочется котяру схватить за шкурку и выкинуть из квартиры и из своей жизни! Ну, достал он его: то нагадит во всех углах, то обои обдерёт, то залезет в шкаф и на одежде затяжек наделает, то беспричинно носится и вякает среди ночи, спать не даёт. Вот падла! Андрей даже не помнил его имя, всегда называя Ходячей Жопой, Жирным Ублюдком или Куском Говна. Когда дело касалось кормёжки, кот на все имена отзывался. А всё-таки, как его зовут — Васька? Барсик? Пофиг!

И вот этот Жирный Ублюдок начал мурлыкать и тереться своим тол-стым телом об ногу Андрея, оставляя на новых джинсах клочки шерсти. Бросив взгляд на полную кошачьего корма миску Куска Говна, Светлов дернул ногой, пытаясь дать пинка Ходячей Жопе, но кот, несмотря на свои габариты, выскочил из кухни со скоростью пули. А Андрей, отвлекшись на него, резанул ножом по пальцу на левой руке. Потекла тонкая струйка крови. Стекая с пальца, она капала на разделочную доску.

— Вот ведь дерьмо! — Светлов подскочил к мойке, подставил палец под струю холодной воды. Кровь ненадолго остановилась, но потом снова закапала. Жгущая боль припекала подушечку пальца. Тогда Андрей решил сделать себе повязку. Открыв дверцу навесного шкафчика, он потянулся рукой за коробкой с медикаментами. И тут на него сверху посыпались упаковки салфеток, половник, ситечко, механический миксер, свечи и прочая ерунда, копившаяся на кухне годами. В лоб больно ударила старая — ещё с советских времён — жестяная банка то ли с чаем, то ли со специями. И тут голос Светлова взвился до визга: — Дерьмо!

Пока Андрей делал повязку, он не переставал сыпать матерными ругательствами и в адрес кота, и в адрес ситуации, в которой он оказался, и в адрес Костика. Не забыл он упомянуть и Синцовых, ради которых потратился на блевотные мидии, вспомнил и Борисовых, из-за которых ему пришлось потратиться на дорогое вино и коньяк — вино и водку они, видишь ли, не пьют! Уроды зажавшиеся!

Бранную тираду прервал очередной телефонный звонок.

«Только бы не Настя, — думал Андрей, беря трубку в руку. — Если звонит Настюха, это значит, что она, скорее всего, тоже не придет. Только бы это была не она! Я так хочу встретить Новый год с ней! Пусть это будут Пинигины!»

Светлов посмотрел на дисплей смартфона. Высветилось: «Пингвин». Именно так про себя Андрей называл Васю Пинигина, а его жену Иру — соответственно, Пингвинихой. В таком виде он их и занес в список контактов. И мелодия контакта — нечто глупое, из детского мультфильма. Хотя как-то их звонки должны поднимать настроение, да? Правда, накануне Нового года звонок Пингвина, вопреки обыкновению, настроение не улучшил.

— Алло! — Светлов включил громкую связь, положил телефон на кухонный стол.

— Привет, Андрей! — Голос Пингвина явно не хриплый, но слегка рас-строенный. — С Наступающим тебя!

— И тебя! — отвечает Светлов, поднимая с пола и убирая в

шкафчик всё то, что на него несколько минут назад сыпалось сверху. Хотя он с вероятностью 99,9 % знает, почему звонит Вася, но на всякий случай спрашивает: — Вы приедете? Всё по плану?

В его голосе слышны радостные нотки. Но это радость не от того, что позвонил товарищ, а от того, что не позвонила Настя. Значит, Настёна по-любому придёт, а вечер и первая ночь- 2016 пройдут по плану. Шикарно пройдут. И не надо будет подстраиваться ни под Борисовых, ни под Синцовых, ни под Пинигиных. Никто мешать не будет!

— Нет, — вздохнув, отвечает Пингвин. Усиленный динамиками смартфона, его вздох напоминает шум осеннего ветра — такой же сильный и противный. — Ко мне мама из Кирова приехала. Привезла кучу всяких там подарков от родни... Планирует пробыть у нас до конца Новогодних каникул. Поэтому мы с Иришей не сможем к тебе приехать. Сам понимаешь, не оставлять же мне маму одну в Новый год, правильно? И к тебе она ехать не хочет, стесняется. Вот мы и решили отпраздновать в тесном семейном кругу.

— Понимаю, — Светлов захлопывает шкафчик, убрав в него самое последнее — картонную коробку с медикаментами. — Мама — это святое. Встреть с ней Новый год. Поздравь от меня Ираиду Семёновну, пусть 2016-й год у неё будет успешным.

— Ага, — Пингвин снова вздыхает. — А ты не обижаешься?

— Конечно, нет! Я всё понимаю! — Андрей пытается придать голосу как можно больше тепла, а сам думает: «Клади уже трубку, дебил! Ты мне уже надоел, я устал от тебя!»

— С Наступающим...

— И тебя с наступающим Новым годом! — Пинигин говорит ещё что-то, но Андрей не стал дослушивать и оборвал связь.

Порезанный палец дал о себе знать уколom боли. Светлов вскрикнул, смартфон выпал из его руки. Упал сначала на край стола, с него свалился на табуретку, а уж с неё соскочил на пол. Приземлился прямо на дисплей.

— Вот говно, — Андрей поднял с пола телефон, глянул на дисплей, чтобы узнать время и увидел большую трещину, бегущую зигзагами по всему чёрному экрану. — Это был новый телефон! Говно китайское!

В следующее мгновение Светлов сделал то, чего не делал никогда, и считал, что это делают только неадекваты — разбил телефон об стену. Смартфон разлетелся на кусочки, одна из кафельных плиток у мойки треснула пополам. Верхняя половинка этой плитки упала Андрею на голову, когда он веником сметал в совок части того, что когда-то было целым и называлось средством коммуникации.

Боль в ушибленной голове была такой, словно в неё попала не поло-винка сраной плитки, а воткнулся топор. От злости Андрей ударил кулаком по стене (разумеется, туда, где не было плитки), но к боли в голове тут же добавилась ноющая боль в правой руке и резь в пальце на левой.

Тут уж он не стал материться, так как крыть матом, кроме себя, было некого. Поэтому, массируя правую руку, Светлов молча разогнулся, бросив на пол веник и совок, подошел к холодильнику и открыл его. Там, в морозилке, лежало то, что он называл «лекарство от всех болезней и от глупости» — горилка с перцем. Он не хотел её пить ни до приезда Насти, ни до наступления Нового года, так как знал, что от этого напитка очень быстро «выпадет в осадок», но ничего с собой поделать не мог — слишком уж много неприятностей для одного вечера, слишком плохое настроение. А что может поднять настроение, превратить его из дерьмового в новогоднее? Конечно, горилка. И только она одна, родимая!

В памяти всплыли слова мамы, которые она произнесла во время по-следнего сеанса общения по Скайпу: «Андрюша, ты только не пей в Новый год, пожалуйста! На тебя алкоголь, особенно крепкий, действует крайне негативно...»

Как всегда, он пообещал тогда маме не пить и в тот же вечер довёл себя до состояния невменяемости в компании соседа Ромы, у которого в тот день была «денюха».

И вот сейчас, глядя на покрытую инеем бутылку горилки, лежащую в морозилке, Светлов вдруг начал сомневаться в правильности принятого решения. Но, пока голове крутились слова мамы: «Андрюша, ты только не пей... Андрюша, ты только не пей... Андрюша, ты только не пей», одна рука потянулась к бутылке, вторая достала из навесного шкафчика рюмку. Тут же послышалось знакомое: «буль-буль-буль», и спустя мгновение огненная вода заплескалась по пищеводу, наполняя организм теплом, отесняя на второй, а то и на третий планы и слова мамы, и мелкие неприятности.

Да, он знает, что быстро пьянеет. Но ведь от одной рюмки у него, как говорится, башню не снесёт, правильно? До прихода Насти всё выветрится. Уж он-то это знает. Уж он-то — мужик взрослый, опытный, имеющий за спиной годы тренировок и экспериментов. И где он только ни тренировался, ни экспериментировал с алкоголем: в поездах, в самолётах, на лекциях в институте, в подъезде, в сауне, в лесу, на рыбалке, на деловых встречах, на корпоративах. А один раз даже на крыше небоскреба «Высоцкий» в Екатеринбурге, высота которого — 188,3 м. И он был уверен, что и в этот раз всё будет нормально.

Важно, чтобы не было «передоза». А его и не будет, ведь должна приехать Настя, поэтому нужно быть трезвым. Тогда и секс будет волшебным!

Нарезая салат, сам не заметил, как выпил ещё две рюмочки. Закусил тем же «Оливье». Салат получился вкусным.

Слушать «Nickelback» в какой-то момент надоело. Включил «Limp Bizkit». Когда зазвучала песня «Walking Away» из альбома «Gold Cobra», Андрей вспомнил, как Настя под эту самую песню танцевала для него стриптиз — сначала медленно, потом ускоряясь, сбрасывая с себя одежду, пока не осталась в том, в чем мать родила. Она танцевала, как настоящая стриптизёрша, а потом мастерски отсосала, как настоящая проститутка. Это было волшебное и абсолютно бесплатно, за исключением энной суммы, оставленной в ресторане! Вспомнив этот маленький эпизод их отношений, Светлов заулыбался, зажав набухший член между ног.

Под настроение пошла ещё одна рюмочка. Стало гораздо лучше.

Обещание, данное маме, стало стираться из памяти, как нечто ненужное. Настя...

Прошлепав с полной салатницей «Оливье» в гостиную, Андрей глянул на часы. Было только полвосьмого. Это означало, что до прихода Настюхи вся горилка из организма выветрится и можно считать, что Андрюша сегодня не пил. Или почти ничего не пил.

Поставив тарелку на единственное свободное место на столе — ближе к краю, рядом с мясной нарезкой, — Светлов включил телевизор. Как всегда, по всем каналам крутили до смерти надоевшую скучнятину: заезженные фильмы, глупые песни попсовиков, несмешных юмористов.

— Нет! Так дело не пойдёт! — Андрей достал с полки серванта диск с фильмом «Очень страшное кино», воткнул его в DVD-проигрыватель.

Откуда-то из-за подлокотника дивана вылез кот. Когда взгляды Ходячей Жопы и Светлова встретились, котяра снова спрятался, в очередной раз показав чудеса маскировки.

Нет, Андрей не считал «Очень страшное кино» шедевром, но это — реально смешной фильм, смеясь над героями которого можно запросто убить час-полтора и поднять себе настроение. То есть, то, что нужно, особенно, под Новый год.

И он ржал до слёз все эти полтора часа, хохотал до колик в животе. Пока не запищал дверной звонок. Поставив фильм на паузу, Светлов встал с дивана и пошел открывать дверь.

Это была Настя! Боже, как она была восхитительна! От неё пахло дорогим парфюмом, на ней была шикарная норковая шуба,

а под шубой — белое вечернее платье с декольте, которое обтягивало её стройную фигуру и словно говорило: «Сорви меня с Насти, доберись до того, что скрыто подо мной! Сделай это!»

И он, словно подчиняясь голосу платья, поцеловал Настю, прижав к себе одной рукой, а второй слегка сжал её ягодицы. В планах было зайти ещё дальше — отодрать Настюху прямо в прихожей, но подруга, как всегда, всё испортила.

— Фу, Дюша! Ну, ты почему выпил, не дождавшись меня? — Она легонько хлопнула его по щеке и отстранилась. — Пахнешь, как сапожник!

— Я... я — Светлов замешкался, не зная, что ответить. Он-то думал, что всё давно выветрилось. Оказывается, нет! — Это я так, для дезинфекции! — Он показал ей палец, обмотанный бинтом.

— Беденький, — Настя погладила повязку. — Тебе больно?

— Так, царапина. До свадьбы заживет... Ну, что же мы стоим? Прошу к столу!

Они прошли в гостиную. Увидев заставленный алкоголем и закусками стол, Настя всплеснула руками.

— И это всё приготовил ты?

— Да. Я думал, что ещё гости подойдут, но они...

— Какой же ты у меня молодец! — Она обвила шею Светлова руками, хотела поцеловать его в губы, но передумала. — Только почисть зубы, пожалуйста!

— Как скажешь, — улыбнувшись, ответил Андрей, а про себя подумал: «Вот ведь сучка! Нашла ведь до чего докопаться. Я выпил-то всего... — И тут его взгляд упал на стоящую у подлокотника дивана бутылку из-под горилки. Огненной жидкости в ней было — грамм семьдесят, не больше. И в этих жалких граммульках, на самом доньшке плавал скукоженный перчик.

Когда Светлов увидел эту бутылку, он не поверил своим глазам. Получается, что, пока он смотрел фильм, он всё это время прибухивал. Но как так получилось, что он даже не запомнил этого? Увы, ответа на этот вопрос в его голове не было. Было только Новогоднее настроение (которое всё-таки пришло), ощущение какой-то детской радости и счастья. При этом пьяным себя Андрей не чувствовал. Он до последнего цеплялся за надежду, что, быть может, эта бутылка осталась с какого-нибудь другого праздника, но память услужливо подсказала ему, что в последний раз он пил горилку в начале ноября, после этого сделал капитальную уборку в квартире и все пустые бутылки выкинул. К тому же, он не смог бы не заметить пустую бутылку, стоящую рядом с диваном, в течение столь долгого промежутка времени.

«И всё-таки, я сделал это! Я выжрал бутылку в одно рыло и пытаюсь изображать трезвого... Но я и чувствую себя абсолютно трезвым. Я — в полном порядке. И, если больше бухать не буду, всё у меня будет зашибись: я замечательно проведу вечер, оттрахаю Настеньку и завтра буду себя чувствовать огурцом!» — так думал Андрей, когда чистил зубы и брызгал себе на лицо прохладную воду.

Когда он вышел из ванной комнаты, то увидел, что Настя уже открыла бутылку шампанского и разлила по бокалам. Она обворожительно улыбалась. Её порочные губы так и напрашивались на поцелуй. Андрей не смог устоять и нагнулся, чтобы поцеловать Настю, но она отстранилась и протянула ему бокал.

— Дюша, давай выпьем за уходящий год, а? Ведь он был таким класс-ным! Сам посуди: в этот год мы начали встречаться, оба сделали неплохую карьеру в фирме... Давай!

— Нась, ты только не подумай ничего такого, но я не хочу больше пить! — Светлов принял из рук подруги бокал и поставил его на стол. Видя, как сползла улыбка с её лица, а брови угрожающе сдвинулись, он попытался немного смягчить ситуацию: — Я уже выпил и пока не хочу. Давай, ты сама...

— Не поняла! — она произнесла это с ударением на последний слог. — То есть ты с кем-то там успел выпить, а со мной не хочешь, да?

— Нет, Нась, ты всё не так поняла... — Из последних сил пытался оправдываться Андрей, но, уже услышав «не поняла» с ударением на последний слог, понял, что объяснения её не устроят.

— Может, ты за уходящий год не хочешь со мной выпить, а? Может, самое большое наше достижение в этом году для тебя — не достижение вовсе, а?.. Может, ты думаешь, что я — алкашка и буду пить одна, а? — не унималась она. Её глаза гневно сверкали, готовые вот-вот начать метать молнии. — Если бы я хотела выпить одна, я бы, наверное, не тащилась в этот дерьмовенький район и осталась бы дома, да? Смотри на меня!

— Да! — подняв глаза, сказал Светлов.

— Что «да»?

— Ты бы могла остаться дома... — Он уставился в пол, не в силах выдержать её тяжелый взгляд. Его руки мяти салфетку, а мозг пытался принять правильное решение. Получалось, самым правильным было — выпить это сраное шампанское, а потом — будь, что будет.

— И ты хочешь мне испортить праздник, да?

— Нет, — Андрей сделал глоток. — За уходящий год, самый

лучший год в моей жизни. За год, в который я влюбился в тебя, радость моя!

— Вот так-то, — Настя улыбнулась победной улыбкой. — А теперь давай поцелуемся!

Они поцеловались. Этот поцелуй будет единственным приятным вос-поминанием о том вечере. Но Светлов тогда этого ещё не знал. Он допил бокал, прислушиваясь к ощущениям своего организма. Организм не среагировал никак. Только слабенькое тепло в районе желудка.

«Может, я и не выпаду в осадок?» — подумал Андрей, наливая себе и Насте ещё по бокалу. Они снова выпили и поцеловались. Это был тост за любовь.

А потом были ещё тосты и поцелуи. Закончилась одна бутылка шам-панского, на подходе была вторая.

По телевизору показывали какой-то концерт, но Светлову было на него насрать — он медленно, но верно выпадал в осадок. А после очередного бокала даже без тоста он начал основательно вязнуть в болоте алкогольного опьянения.

«Вот ведь сука тупая! — думал он, глядя на раздваивающуюся Настю, сидящую напротив него с бокалом в руке. — Сама-то трезвая, а я уже в говно... И знал ведь, что нельзя шампанское пить, но Настька заставила. Потом меня же обвинит в том, что вечер ей испортил!»

С каждой секундой то, чего Андрей боялся — опьянение — наваливалось на него всё больше и больше, склоняя голову к столу, делая тело вялым и непослушным. Надежды на волшебный секс таяли. Понимая это, Светлов, напряг ту часть мозга, которая ещё могла думать, и пришел к выводу, что нужно срочно пойти проветриться. И повод был — праздничный салют. Правда, изначально он планировал устроить его сразу же после обращения Президента.

— Одевайся, — обратился Светлов к Насте, доставая из шкафа картонную коробку — подарок от китайского партнера по бизнесу.

— Зачем? — непоняла Анастасия. — Скоро же Новый год.

— Пофиг, — пробормотал Андрей, направляясь с коробкой в прихожую.

Дальше произошло то, что можно назвать провалами. Но не в памяти, а в сознании. В течение предновогоднего вечера и новогодней ночи Светлов ненадолго выбирался из этих провалов, но потом снова проваливался.

В первый раз он вылез из провала, когда воткнул в снег ракету и поджег фитиль. В тот момент он понял, что его качает, а это значит, что свежий воздух и мороз, вопреки ожиданиям, его

не отрезвили. Если и отрезвили, то совсем чуть-чуть. Так, что это практически не ощущалось.

Провал.

Из провала Андрея выдернул Настин визг. В платье она носится по заснеженной игровой площадке, вокруг неё толпится народ. Сосед Рома втаптывает дымящуюся шубу в снег.

— Дурак! Идиот! — кричит она.

— Надо было поглубже в снег её воткнуть, — с укоризной говорит Роман. — Тогда бы её ветром не уронило. Ладно, хоть в шубу ей ракета попала, а если бы в лицо!

— Оденся, — Светлов снимает с себя дублёнку, пытается накинуть её на плечи Насте.

— Да пошел ты! — Настя отталкивает его.

Андрей падает на спину. Наступает очередное погружение в небытие, из которого он выплывает лишь в подъезде.

Настя идет впереди, он тащится позади неё. Они подходят к лифту. Светлов чувствует злость Насти и запах паленой шерсти. Его гложет чувство вины. Вот накосячил, так накосячил! Не по-детски, по-взрослому! Он всей душой хочет хоть как-то снять напряженность, поднять своей подруге настроение, но не знает, как. Рука натыкается на что-то в кармане дубленки. Он достаёт это «что-то». Оказывается, это хлопушка. Интересно, как она в карман попала? Сейчас он поднимет её над головой Насти и сделает ей дождик из разноцветных конфетти. Это должно ей поднять настроение и немного смягчить его участь. Сейчас...

Внезапно Настя разворачивается. Она смотрит Светлову в глаза, от-крывает свой порочный, напoмаженный рот, чтобы что-то сказать, скорее всего — что-то важное. И тут рука Андрея дергает за верёвочку. Причем, в тот момент он не хотел приводить в действие эту чертову хлопушку, готов был чем угодно поклясться, что не хотел, но рука сама по себе дернулась. Раздался хлопок, и целый рой конфетти, мгновенно вырвавшийся из картонной гильзы, ударил Насте в лицо. Она вскрикнула, отвернулась от Светлова. По подергивающимся плечам Андрей понял, что она плачет.

— Настюха, но ты же сама... — пытается оправдываться Андрей.

Она разворачивается. Ничего не говорит, просто смотрит на него широко раскрытыми, красными глазами, под которыми размазалась тушь. Её лицо тоже красное, злое. Она размахивается и бьет Светлова кулаком в челюсть.

«Не по-женски сильный удар!» — успевает подумать Андрей в падении, прежде чем в очередной раз «провалиться».

Он пришел в себя, если можно так сказать, уже в своей

квартире, сидя за праздничным столом. Рядом с ним сидит Настя. Лицо её по-прежнему красное, но не злое. Из коридора доносится слабый запах паленой шерсти. И надо бы предупредить Настю, что Толстая Тварь обязательно попытается оттрахать её шубу, но Андрей молчит. Он не хочет лишний раз напоминать подруге об испорченной шубе, да и самому вспоминать об этом неприятном казусе не хочется. А, судя по звукам, доносящимся из прихожей, которые не мог заглушить даже работающий телевизор, кот уже приступил к реализации своего коварного плана и вовсю дручитнорку. Можно было бы сказать, что он лишает её невинности, но она уже дырявая. Не исключено, что именно в эту дырку котяра пристроил свой стручок. И надо бы этого пакостника каст-рировать, да всё упирается в дефицит свободного времени.

Вообще, о кастрации Лохматой Твари Светлов впервые задумался несколько лет назад. Тогда ещё родители жили в Челябинске, а не в Питере, а Андрей жил в съёмной квартире. Именно тогда, зайдя в гости к родителям, он увидел подушки, лежащие на полу и прижавшего уши кота, выбивающего из них пух своей кочерыжкой. Конечно, от увиденного Светлов был в шоке и прямо сказал родителям, что коту нужно отрезать яйца. На что мама ему ответила:

— Зачем резать? Пусть играет котик. Нам жалко его, он ведь у нас такой миленький...

Позже этот «миленький» совокуплялся и с тапками Светлова, и с его шапками, с прочими вещами, которые потом пришлось выкинуть. Кстати, неуёмная сексуальная энергия кота — это только один из его «минусов», за которые Андрей его ненавидел. И этот «минус» — самый безобидный, с которым, как показала жизнь, можно смириться. А вот с остальными — нет!

Но в канун Нового, 2016 года Андрею было насрать и на кота, и на Настькину шубу. Его больше волновали другие вопросы.

«Интересно, как я до квартиры дошел? — думает Андрей. — Сам или она дотащила? Ну, раз её удар меня отрезвил, значит, сам!»

На экране телевизора — знакомая картинка: Президент РФ на фоне Кремля поздравляет россиян с Новым годом. Но Андрей его не слушает. Он уверен в том, что, кажется, что Президент говорил то же самое и в прошлом, и в позапрошлом годах. Наверное, только предложения местами менял. Смысл его речей — всегда один и тот же: мы все хорошо потрудились в прошлом году, и пусть у всех всё будет хорошо в следующем году. Ля-ля-ля-трюфеля! В общем, ничего нового, ничего интересного. И только Настька заворочено смотрит на экран телевизора, не в силах

отвести глаз от Президента. Словно он её загипнотизировал.

Ещё тогда, когда Андрей жил с родителями, маман заметила, что он не любит смотреть обращения главы страны к многострадальному народу и отказывается под бой курантов пить шампанское. Конечно, маман не удержалась и задала Светлову вопрос, что называется, лоб в лоб. Тогда он не стал юлить из стороны в сторону, а просто заметил, что от шампанского у него газы, а от обращений первого лица государства к простому народу его тянет в сон. Быть может, он сказал немного не так — кто это вспомнит, ведь столько времени прошло, — но всё равно маман разозлилась.

— Как ты смеешь, говнюк, так говорить про нашего президента? — Да-да, она сказала это именно так. Так она могла говорить только в гневе, когда её голос менялся до непривычно низкого, а глаза становились тёмными, почти черными. В такие моменты Андрею начинало казаться, что к нему обращается какая-то сущность, сидящая внутри его матери. И эта сущность, общаясь с ним, пыталась прорваться наружу. Могла и убить ненароком, и покалечить. Даже, будучи взрослым, он её до усрачки боялся и в разговоре с матерью старался тщательно подбирать слова, дабы не будить лихо, пока оно тихо. И в ту Новогоднюю ночь, много-много лет назад он, похоже, подобрал нужные слова, не дав мамашину демону вырваться наружу. Сейчас же он прикрыл рот рукой, чтобы ненароком не зевнуть, не ляпнуть чего лишнего и не разбудить демона, сидящего внутри Насти. А демон этот, судя по силе удара, был довольно страшным.

Челюсть болит, но Светлов не чувствует себя пьяным. Видать, удар Насти его отрезвил.

Красная коробочка с новогодним подарком для Настьки — золотой цепью с кулоном, — уже лежит под ёлочкой, закопанная в мишуру. Об этом Светлов позаботился ещё в два часа дня.

У Насти сумка на коленях. Наверное, в ней лежит подарок для Андрея. Интересно, что она ему подарит? Вряд ли — золото. Наверное, какую-нибудь фигню бесполезную. Даже если ничего не подарит — ничего страшного. Самым лучшим подарком от неё будет минет. Но это будет позже. В том, что ЭТО будет, Светлов не сомневался. Раз она не уехала домой после неудачного фейерверка, уже не уедет. Остаётся только разлить по бокалам шампанское. Себе он нальёт, но пить не будет. Теперь-то точно не будет. И она вряд ли будет его заставлять пить. Наверное, поняла, что он страшен, когда пьяный. Главное — в неё влить как можно больше, чтобы расслабилась. Остальное, как говорится, дело техники.

Президент, наконец-то, закончил свою скучную речь, начался бой курантов. Андрей взял со стола очередную бутылку шампанского и начал её открывать. В это самое время в комнату с противным визгом заскочил кот. Он принялся носиться по гостиной, словно за ним кто-то гоняется, кто-то большой и страшный. В прошлый раз этим большим и страшным был Светлов со сланцем в руке. Помнится, это было месяца два назад, и котяра тогда каким-то образом забрался на сервант, сожрал дорогую сигару, а потом заблевал всю кухню. Конечно, ни того, ни другого Светлов не мог ему простить и хотел наказать гада, чтобы больше у того не было соблазна дорогие сигары жрать. Но кот, несмотря на свою тучность, проявил тогда завидное проворство, и Андрей так и не догнал его. Видимо, устав от беготни по квартире, выдохнувшись, Тупой Урод каким-то образом — или чудом — втиснул своё жирное тело в узкий зазор между стеной и диваном. Там он и сидел, сверкая в темноте глазами. Светлов хотел отодвинуть от стены диван, но «прострел» в поясище помешал ему это сделать и привести наказание в исполнение. Он махнул на кота рукой и пошел на кухню, делать уборку. А кот просидел между стеной и диваном два дня. Как он оттуда вылез — одному Богу известно, но Мерзкий Уродец появился на кухне, гордо задрав хвост лишь тогда, когда есть захотел. Свою порцию «люлей» он тогда так и не получил, так как Светлов к тому времени «остыл» и не хотел тратить на Ходячую Мерзость ни своё драгоценнейшее время, ни силы. Да и спина немного побаливала.

Это было тогда, а сейчас Андрей просто крикнул коту:

— Вон отсюда!

Но лучше бы он этого не делал, так как, отвлекаясь на Вонючего Гада, он забыл про закон подлости, который срабатывает лишь тогда, когда не ожидаешь от жизни никакого подвоха. Закон подлости сработал мастерски: стоило Светлову глянуть на кота, тоненькая проволочка, удерживающая пробку в бутылке, соскочила с горлышка, пробка со скоростью пули выскочила из бутылки и угодила Насте в лоб. Почти всё шампанское под давлением вырвалось из бутылки и залило Насте лицо и платье, начиная от декольте и почти до самого низа.

Какое-то время Анастасия молчала. Она сидела с приоткрытым ртом и широко распахнутыми глазами, держась за ушибленный лоб. Когда она убрала руку от лба, Андрей увидел красное пятно на том месте, куда попала пробка. Пятно темнело, превращаясь в синяк, напоминающий индийский знак. Хотя это был даже не синяк, а так, синячок, а платье можно было при желании просушить, всё равно это был конкретный «косяк»

Светлова, один из прочих «косяков» которых за один только вечер 31 декабря 2015 года набралось больше, чем за целый год.

— Настенька, солнышко моё! — Андрей поднялся с дивана и потянулся за салфеткой. — Прости! Это всё кот, ты же видела...

Настя перехватила его руку, с зажатой в ней салфеткой, тянущейся к мокрой груди с задорно торчащими сосками, и ударила Светлова в челюсть. Удар был таким сильным, что Андрей перелетел через подлокотник и упал на пол, больно врезавшись спиной в сервант. Несмотря на головокружение — то ли последствие долгоиграющего опьянения, то ли нокаута, — Светлов заметил, как сильно качается сервант, а на самом его верху балансирует кувшинчик, готовый вот-вот свалиться на голову.

Кувшинчик...

Он купил его на крытом рынке около отеля, когда отдыхал в Египте. Не сказать, чтобы отпуск в этой солнечной стране ему понравился, но запомнился, в первую очередь, жарой и пирамидами, во вторую — любовной интрижкой с сорокалетней дамой из Эстонии и, конечно же, покупкой этого кувшина.

О существовании того рынка Андрей знал с самого первого дня пребывания в отеле, но прогуляться по нему он отважился лишь в последний день своего пребывания в этой солнечной стране, в отеле, название которого из памяти напрочь стёрлось, да и чёрт с ним! Понятное дело, это был единственный день, когда Светлов был абсолютно трезвый. А на рынок он шёл для того, чтобы на сэкономленные деньги купить сувениров родственникам и коллегам по работе.

Тот рынок, правильнее сказать базар, шокировал Светлова огромным количеством товаров, выложенных на лотках. Там было всё: от еды до одежды и сувениров. Пока Андрей изучал товар, приценивался, торговцы-арабы чуть руки ему не оторвали, дергая за рукава одежды и приглашая в свои лавки. Но Светлов не торопился ничего покупать. Он просто ходил и смотрел, как на экскурсии. Когда такое в России увидишь? Да никогда!

Шум, толкотня, разнообразие запахов, арабы, арабы и ещё раз арабы. Иногда мелькали красные рожи соотечественников.

И тут из одной лавчонки выскочил араб, похожий на азербайджанца. Он очень быстро разогнал зазывал, висящих на руках Светлова и, подойдя к нему, на чистейшем русском произнёс:

— Чем я вам могу помочь, господин? — Не дожидаясь ответа, он продолжил, даже без малейшего намёка на акцент: — У меня есть всё. Всё хорошего качества и недорого. Следуйте за мной, господин!

Ну, как тут откажешься, когда такой сервис, когда с тобой общаются на родном языке и готовы помочь с покупкой? К тому же, этот араб, похожий на азербайджанца, был одет, как арабский шейх: на нем был белый наряд, сшитый словно из простыней, кожаные шлепки на ногах, на голове — белый платок, перевязанный жгутом. Своим внешним видом он выгодно отличался от остальных торговцев, которые были в простых футболках, шортах и сланцах. И Андрей не удивился бы, если бы увидел в его торговой точке живого верблюда. Но верблюда в лавке «азербайджанца» не было. Зато всяких сувениров и шмоток там было завались!

Цены у «азербайджанца» были даже ниже, чем у остальных торговцев, а ассортимент значительно разнообразнее. Единственное, что не понравилось Андрею, как только его нога переступила порог лавочки, «азербайджанец» вдруг вышел из роли и, как самец шимпанзе, начал скакать по своему магазинчику и противно кричать, тыкая пальцем в свои товары:

— Тен долларз, фри долларз... фай долларз... ту долларз...

Когда Светлов спросил торговца, где у него в магазинчике можно посмотреть магниты, выяснилось, что тот и русский язык чудесным образом «подзабыл». Скорее всего, он и не знал его, оттачивая единственную известную ему фразу на русском на десятках или, может, на сотнях тысяч русских туристов. Но произносил он её мастерски! Андрей ему даже поверил. А тут, оказывается, он мало чем отличается от тех зазывал, которые Андрею прохода не давали. А его внешний вид — всего лишь обложка, за которой нет ничего святого, как у большинства местных торгашей.

— Ай вонт магнитс, — ещё раз повторил Андрей на ломанном англий-ском, пальцами руки изображая магнит, который он прилепил к груди.

— А!.. Магнитс, — араб схватил его за руку и потащил в дальний конец магазина, не забывая по пути демонстрировать те товары, которых Светлов не ещё видел, и выкрикивать цену в долларовом эквиваленте. Голос у него и вправду был противным.

В магазинчике было душно, голос торговца действовал на нервы. Поэтому Андрей даже не торговался и особо не присматривался, что изображено на магнитах: верблюды, пирамиды или ещё какая-нибудь хрень. Ему было всё равно, лишь бы быстрее уйти оттуда.

Увы, одними магнитами дело не ограничилось. Хитрый торговец умудрился «впарить» Андрею такой же, как у него белый платок и такие же шлепки. Причем, Светлов сомневался, что шлепки из натуральной кожи, но всё равно взял их.

Все покупки араб упаковал в один пакет. Когда Андрей, схватив этот пакет, с выражением облегчения на лице рванул к выходу, торговец схватил его за запястье. Хватка у него была очень крепкой. Такой, что и руку не вырвать.

— Что ещё? — спросил Андрей на русском, так как от неожиданности у него из головы вылетел весь скудный запас английских слов. Конечно, в другой ситуации он бы спросил по-английски: «What else?» или: «What the hell do you want from me?» Но, похоже, торговец понял смысл фразы, произнесённой по-русски.

— One moment, please! — араб, похожий на азербайджанца, поднял к сводчатому потолку указательный палец.

— Что ещё за момент? — Светлов начал терять терпение.

— Сувенира, — торговец протянул Андрею кувшин, сделанный из какого-то странного материала. Это был явно не металл, не керамика, не пластик. На кувшине красовались какие-то рисунки, изображающие людей и животных, какие-то древние письмена. Кувшин был запечатан пробкой.

— Это ещё что? — Светлов сдвинул брови, беря кувшин в свободную руку.

— Сувенира, — повторил араб. — Вери гуд сувенира... Твенти долларз!

— Ты еба... — Андрей замолчал на полуслове, глядя на кувшин. Ему вдруг показалось, что рисунки на поверхности кувшина стали рельефными и пришли в движение. Люди сменились птицами, вместо диких животных появились пирамиды, надписи изменились.

— Файв бакс, — выпалил Андрей, выставив перед собой растопыренную пятерню.

Араб отрицательно завертел головой.

— Фифтин!

— Сикс бакс! — Светлову вдруг очень захотелось купить эту чудную вещицу. Но денег оставалось немного, а переплачивать за сувенир Андрею не хотелось. Поэтому он решил сбить цену.

— Тен, — торговец тяжело вздохнул. Так тяжело, словно он отдаёт этот кувшин задаром, от сердца отрывает.

— Идёт!

Они ударили по рукам. Светлов протянул «азербайджанцу» десятидолларовую купюру, выхватил у него из руки кувшин.

Убирая кувшин в пакет, Андрей почувствовал тепло, исходящее от стенок кувшинчика.

— И всё-таки, что это? — Светлов обратился на русском, устав вспоми-нать английские слова.

— Сюрпрайз! — ответил продавец, широко улыбаясь. По нему

было видно, что он очень доволен сделкой, хотя получил за свой товар в два раза меньше.

Был доволен и Светлов. Только он не понимал, почему кувшин закупорен пробкой. Что там может быть внутри? Древнее, злое проклятье, начертанное на папирусе? Старое вино? Благовония? Туалетная вода? Может, там кусок урана? Поэтому кувшинчик сам по себе нагревается.

Потом разберемся! Не выдумывай глупостей!

По пути в номер он не мог вспомнить, что последнее сказал араб про кувшин: сувенир или сюрприз? Ему казалось, что «сувенир», но мозг отказывался это принять. Сюрприз! Хитрый торговец сказал слово: «Сюрприз!»

Войдя в номер, Андрей ещё раз посмотрел на кувшин, доставая его из пакета. Опять ощутил тепло, рисунки и надписи стали другими.

И всё-таки, сувенир или сюрприз? Уже не важно! Назад я его не верну. Мне нравится эта вещь. Нравится!

Вечером он показал кувшин своей подруге из Эстонии — Лауре. Эстонка долго рассматривала кувшин, пыталась ногтем скосырнуть пробку. Увы, пробка ей не поддавалась, а рисунки и надписи вообще исчезли. Кувшинчик в её руках стал обыкновенным, ничем не примечательным. Так, дешёвка, которая не стоила и двух долларов.

«Похоже, торгош меня поимел, — подумал тогда Андрей. — Фуфло мне за десятку втюхал... Но почему я видел картинки, чувствовал тепло? Может, азер меня загипнотизировал?»

— И фсё-таки я тумая, что это суфенир, — заключила Лаура, ставя кув-шин на тумбочку. — Протафец не тал тепе инструкцию?

«Ну, ты и тупая!» — подумал Андрей, глядя на свою эстонскую подругу, но вслух произнес:

— Нет. Похоже, он даже слов таких не знает.

— Сначит, это просто должно стоять как украшение интерьера. Вот и пуст сепе стоит. Забудь об этом, выкинь ис голофы. И тафай займёмся телом, а то тепе улетать скоро... — Лаура скинула с себя лёгкую пляжную накидку, оставшись, в чем мать родила, и с грациозностью кошки прыгнула кровать.

До самого отъезда в Россию — того самого момента, когда к отелю подъехал автобус, который повез полупьяных россиян в аэропорт, — Светлов не вынимал из эстонки член. Секс с ней был незабываемым и ярким, а оргазмы — волшебными. Прежде Андрей не испытывал ничего подобного ни с одной женщиной. Несмотря на внешнюю угловатость и зажатость, в постели Лаура оказалась очень пылкой и изобретательной. Занимаясь с ней любовью, Светлов пересмотрел своё отношение к эстонцам.

Оказывается, то, что они слегка заторможенные — миф, стереотип. Эстонцы — классные! Особенно — их женщины.

Каждый раз, извергая огненную лаву своей страсти в Лауру, Андрей приподнимал голову, ища своими губами губы эстонки. И взгляд его всегда упирался в кувшин. И он готов был поклясться всем, чем угодно, что этот сувенир светится изнутри каким-то голубоватым мягким светом, который отражался в потолке и в глазах Лауры. Но, когда Светлов выходил на балкон, чтобы покурить, кувшинчик переставал светиться.

Когда комфортабельный «Боинг» нёс поддатого Андрея в Россию, он долго думал — благо, времени было предостаточно, — про этот сувенир-сюрприз, и пришел к выводу, что это всё-таки сувенир. А потому он так плотно запечатан, чтобы ни у кого не возникало соблазна добраться до лампы и до аккумулятора. Хотя и выглядит этот «сюрприз» как антиквариат, но на самом деле это — Светлов готов был биться об заклад, — китайская подделка. И скоро такие подделки наводнят все сувенирные лавки в России, если уже не наводнили. Именно поэтому Андрей решил подарить этот кувшинчик своему боссу. И повод был — близилось 22 июля, день Рождения Станислава Игоревича.

Однако за день до «денюхи» шефа, когда Андрей достал с верхней полки серванта кувшин, на него вдруг лавиной обрушились воспоминания о поездке в Египет, о Лауре, с которой он ставил сексуальные рекорды, но которая почему-то не ответила ни на одно из его сообщений в социальных сетях. Опять-таки, рисунки — они изменились, надписи — тоже. Светлова это могло бы не остановить, и кувшинчик сейчас стоял бы в шкафу в кабинете директора «Торгоптимы», но этот странный египетский сосуд вдруг засветился в руке Андрея. От руки по всему тела начала разливаться волна какого-то необъяснимого спокойствия и безмятежности. Светлову в тот момент стало необычайно хорошо, хотя за минуту до этого он волновался по поводу дня Рождения Станислава Игоревича и переживал, что подарок может ему не понравиться. И тогда его — Андрея — карьере придет конец.

«Не придет никакой конец! — подумал тогда Светлов. — Подарок из Египта — это всегда круто, каким бы он ни был. В любом случае, дареному коню ни в рот, ни под хвост не заглядывают. Так что, подарю что-нибудь попроще. И пошёл он в жопу, этот зажавшийся боров!»

Неизвестно почему, но в тот момент расставаться с кувшином Андрею ой, как не хотелось! Но и магнетики дарить директору тоже было не солидно. Поэтому он подарил ему платок. Да-да, тот самый белый платок, который продал ему в Египте араб,

похожий на азербайджанца. Тот самый платок, который со дня возвращения на Родину так и лежал в шкафу, где-то на полке, между трусами и майками.

И он понравился боссу! На корпоративной вечеринке, устроенной по поводу «денюхи» шефа, Станислав Игоревич ходил в этой платке, перевязанном черным жгутом. В этой же платке он, будучи пьяным «в говно», приставал работницам фирмы, пока ещё мог ходить и говорить. Этот же платок был у него на голове, когда телохранитель с водителем — крепкие ребята, прошедшие через Чечню, — грузили его в «Лексус». Больше этот платок Светлов не видел, и на судьбу его Андрею было насрать. И он был счастлив, что не подарил боссу кувшин. Наверняка, старый пердун разбил бы его на том же корпоративе.

А кувшинчик, если его рассматривать как осветительный прибор, работал как-то странно, когда ему вздумается. Как кот, который гуляет сам по себе. Загорался он, чаще всего, когда Светлову было хорошо или у него просто было хорошее настроение: когда он покупал что-то новое из одежды, когда покупал какую-нибудь красивую вещь, когда заключал удачную сделку, когда приходил навеселе с корпоратива или трахал на диване в гостиной какую-нибудь из своих подружек. Причем, последнее и предпоследнее всегда сочеталось, шло в одном комплексе.

Но Светлов не знал, как ведет себя «чертов горшок», когда его не было дома. И он не сомневался, что кувшинчик так же включается сам по себе и выключается. В отсутствие Андрея он светится, освещая гостиную для кота. И его приятный, голубоватый свет отражается в мерзких глазках котяры, когда тот гадит в гостиной.

И такого осветительного прибора не было ни в магазинах — Андрей специально интересовался этим, чтобы узнать, на какую сумму араб его «нагрел», — ни у кого из его друзей, родственников, знакомых. Не было информации о таких кувшинах и в интернете. Из чего Светлов сделал вывод о том, что он — владелец уникального сувенира и никому его никогда не отдаст, не подарит и не продаст. Ни за какие деньги.

К слову сказать, соседка откуда-то снизу — сгорбленная пожилая женщина, похожая на сказочную ведьму, с крючковатым носом, с пальцами, изуродованными артритом, утверждающая, что она подруга матери Андрея, — иногда заходила в гости. Она приносила Светлову пироги, гладила и кормила кота.

Пироги были с каким-то противным привкусом. И хотя старушенция говорила, что этот привкус достигается благодаря каким-то там восточным пряностям, глядя на её покрытыми

тёмными пятнами, скрюченные руки, Андрей те пироги никогда не ел, скармливая их коту. После этого кот начинал беситься и пакостить, за что отгребал «люлей» по полной программе.

Хотя во время «визитов вежливости» бабки кувшин не проявлял никаких признаков жизни, она заметила его и стала предлагать Андрею «за эту безделушку» деньги. Она готова была выложить за него пять тысяч рублей, но Светлов отказал ей. Тогда цена возросла до десяти тысяч.

Конечно, Андрею было любопытно, почему пенсионерка способна выложить такие деньги «за эту безделушку», в то время, как она может потратить эту сумму на лекарства. И в один прекрасный момент он задал старухе вопрос.

— У моей сестры был такой же кувшинчик, — ответила она и добавила: — У покойной... Я её очень любила.

И, как только Светлов собрался задать вопрос о том, что же из себя представляет кувшин: сувенир, осветительный прибор или и то, и другое, старуха выскочила из его квартиры.

«Ну, и слава Богу, что свалила! — подумал тогда Андрей. — Хоть больше приходить ко мне не будет. Достала!..»

Действительно, общение со старухой — как и в случае с котом, Светлов всегда забывал её имя, — не приносило ему удовольствия. После того их разговора её костлявые ноги ещё долго не переступали порог его квартиры. Где-то в глубине души Андрей надеялся, что бабка по-тихому преставилась, но не тут-то было! В один прекрасный день старая карга опять нарисовалась под дверями квартиры, одной рукой трезвоня в дверной звонок, а второй прижимая к обвислой груди ракет с пирожками.

«Когда же ты угомонишься, дура старая?» — подумал тогда Светлов, а вслух сказал:

— Ой! Сколько лет, сколько зим... Я уже по вашим пирожкам скучать начал!

При этом он улыбался. «Оскара» нужно было дать за такую актерскую игру. Не дали. Ну, и ладно! Всё равно, где-то в глубине души он был актером. Не зря же он целый год ходил в школьный театральный кружок, где блистал на сцене актового зала. Так как в детстве Светлов довольно-таки упитанным ребёнком (правильнее сказать — жирдяем), ему доставались только крупногабаритные роли. Поэтому он мастерски сыграл Винни-Пуха, медведя в сказке про Колобка, одного из толстяков в «Трёх толстяках» по сказке Юрия Олеши.

Хотя родители говорили, что он в театральном кружке зря теряет время, и «лучше бы занялся штангой или боксом», играть ему нравилось. Играл он вдохновенно. Так, например, в сказке про Колобка он вложил всю душу в короткую реплику: «Колобок,

Колобок, я тебя съем!» Это звучало так грозно, что первоклассник, который играл Колобка, от страха описался. Первоклашке тоже стоит отдать должное: с мокрым пятном на штанах он доиграл спектакль до конца и делал вид, что ничего не случилось.

Самой скучной актерской работой была роль репы в «Сказке про репку». В то время как все актёры пели и плясали, Андрей просто сидел в желто-зеленом балахоне посередине сцены и смотрел на плакат с надписью: «Слава КПСС!» В финале нужно было красиво завалиться на бок, дескать, вытащили. Больше ему ничего делать не нужно было, да от него и не требовалось.

Зрители — тупая школота — смеялись, показывая на Светлова пальцами. А он сидел и смотрел на этот сраный плакат. Сидел и смотрел от поднятия занавеса до заваливания на бок, делая вид, что не обращает внимание на поющих и танцующих вокруг него персонажей сказки. А ведь он знал, кто и что должен делать на сцене, кто и что должен говорить. Мог сыграть кого угодно: Дедку, Бабку и даже Мышку, но подходил только на роль Репки. Это сейчас, будучи взрослым, Андрей Репку мог наградить такими эпитетами, как: «тупая» и «долбаная», а тогда, как это ни странно, ему даже роль без слов нравилась.

«А я старый дедка! Нет сил вытянуть репку!»

«...Я ведь всего лишь маленькая внучка, сил вытянуть репку нет. Пусть поможет мне Жучка! Жучка, привет!...»

Наградой за роль Репки были лишь аплодисменты и смех, в то время как платой за общение с бабкой были пирожки. Причем, неплохие, вкусные. Но игра на сцене Светлову нравилась, а вот игра в жизни — как-то не очень. Охотница на египетские сувениры, наверное, даже не догадывалась, что, изображая внимательного и общительного человека, интересного собеседника, Андрей много раз представлял, как он хватается бабулю за шею и душит её. Или как бьет её с такой силой, что из её лягушачьего рта вылетает вставная челюсть. Если при этом с её носа свалятся очки, можно их раздавить ногой. Ещё ему хотелось «приколоться»: открыть дверь, выхватить из её рук пирожки, развернуть её лицом к лестнице, ведущей на седьмой этаж, и дать хорошего пинка, чтобы она по лестнице не бежала, а катилась кубарем...

Если учесть тот факт, что старушенция с пирожками наносила визиты вежливости именно тогда, когда Андрей был злым, уставшим или просто плохо себя чувствовал, а потому никого не хотел видеть и ни с кем не хотел разговаривать, актерское мастерство ему приходилось включать на всю катушку, иначе он уже сто раз бы сорвался и сделал то, что только прокручивал в голове. Не исключено, что за это мог бы

поплатиться свободой.

Если бы у Андрея спросили, что хуже двадцать минут сидеть на сцене и не двигаться, ощущая, как деревенеет задница, плясая на плакат «Слава КПСС!», или минута общения с противной, назойливой бабкой, Андрей выбрал бы второе.

Пошла в жопу, старая дура! Хрен тебе, а не кувшин! Давай свои пи-рожки и иди на х...

Словно чувствуя, что Андрей не хочет продавать ей кувшинчик, бабуля решила сделать вид, что забыла о сувенире из Египта. После чего к этой теме они не возвращались. Но пирожки старая стерва приносила ещё много-много раз. Именно на них кот отъелся и стал круглым идиотом в прямом смысле.

И вот теперь этот кувшин, с которым у Светлова связано столько воспоминаний, как маятник, качается на краю верхней полки серванта. Андрей смотрит на него снизу вверх, понимает, что если кувшинчик упадет, то разобьётся. Его больше не будет. Из него выпадут все его внутренности — лампы, батарейки, проводки или что там ещё может быть. Он не будет светиться, и не останется в квартире больше ничего, что бы напоминало о Лауре.

Может, устоит? Нет! По закону подлости кувшинчик падает. Словно самоубийца, решившийся после долгих раздумий шагнуть с крыши много-этажки.

— Нет! — кричит Светлов, прикрыв голову рукой. В следующее мгновение с его уст сорвалось ругательство. И это непечатное слово, оно будто повлияло на траекторию полёта «сувенира-сюрприза». Кувшин отклонился в сторону и, вместо того, чтобы угодить Светлову в голову, приземлился у него между ног, подпрыгнул на полметра и откатился по полу в дальний угол комнаты, у окна, рядом с новогодней ёлкой.

На паркете осталась глубокая царапина — этакий смайлик, говорящий о том, что ещё полсантиметра, и Андрею не пришлось бы переживать ни по поводу ссоры с Настей, ни с любой другой дамой. Кому он без яиц был бы нужен? А кувшин, набрав скорость, запросто мог бы их превратить в яичницу.

К счастью, ничего этого не случилось, да и «сувенир-сюрприз» не разбился, как того ожидал Светлов. Это хоть немного, но успокаивало.

Вдруг котяра, который до того момента где-то прятался (не исключено, что в пространстве между стеной и диваном), начал с противными воплями носиться по комнате, прижав уши. Он так громко визжал и так быстро убегал от воображаемого врага, что казалось, ему под хвост скипидаром брызнули. Да только не было у Андрея никакого скипидара, а Жирный Ублюдок вёл себя как-то

странно. Странно — это ещё мягко сказано.

Раздался хлопок, от которого Тупой Урод начал бегать ещё быстрее, а орать ещё противнее. Пробка кувшина — та самая, которую Андрей из любопытства ранее много раз пытался скovyрнуть ножом, вилкой, стамеской, отверткой, но безрезультатно, — вдруг отскочила в сторону. Светлов ожидал увидеть, как наружу посыплются детальки механизма, который заставлял кувшин светиться, а рисунки — меняться, но этого не произошло. Из «сувенира-сюрприза» наружу повалили клубы густого тёмно-серого дыма. Стало почему-то прохладно, и Светлов почувствовал, как его бьет мелкая дрожь.

Понимая, что сейчас дым расползется по всей квартире и завоняет её, Андрей, матерясь и чертыхаясь себе под нос, поднялся с пола, подошел к окну и распахнул его настежь. В лицо ему тут же ударил холодный воздух, перемешанный с хлопьями снега, отчего Светлова пробрал озноб.

Снег залетал в квартиру, падал на паркет и тут же таял, превращаясь в небольшие лужицы. Но Андрею на это было наплевать. Он их практически не видел из-за дыма, заполнившего комнату. Почему-то этот дым был без запаха. От него не першило в горле, не щипало глаза.

«Значит, в чертовом горшке было что-то страшнее батареек и лампо-чек», — решил Светлов.

Отчасти он был прав, но лишь отчасти.

От холода его уже конкретно трясло. Андрей подумал, что будет не лишним одеть на себя что-нибудь тёплое, а то можно будет простыть к мо-менту окончания проветривания. И он побежал в прихожую за дублёнкой. Натягивая её на себя, отметил, что в прихожей дыма нет совсем.

Из гостиной вдруг послышались перемешанные с кошачьим визгом крики Насти, и Андрей, не успев застегнуться, снова побежал туда. Судя по громкости Настькиного крика, она горела, полыхала, и Светлов ожидал увидеть живой факел, бегающий по задымленной комнате.

Настя, действительно, бегала, но не горела. И орала она не из-за огня и даже не из-за дыма — весь дым собрался в том углу комнаты, куда укатился кувшин и дальше не распространялся. Причиной криков Анастасии явился кот, который по непонятной причине вцепился всеми четырьмя лапами в ногу девушке и не отпускал её, несмотря на шлепки по голове, которые сыпались на него барабанной дробью. То, что рука у Насти сильная, Андрей знал на личном опыте, но и кот не отпускал её ногу, значит, крепко в неё вцепился.

Сняв с ноги тапок, Светлов кинулся на помощь своей подруге.

Видать, в тот самый момент кот понял, что ему сейчас не поздоровится и втянул когти. Он уже хотел спрыгнуть на пол и, судя по тому, как смотрел в сторону дивана, спрятаться там, откуда его никто не выцарапает, но Настя резко дернула ногой, запустив Тупого Урода в воздух, как футбольный мяч. Хотя в полёте он больше был похож на покрытую шерстью сардельку. Кот пролетел через комнату и угодил в телевизор, оставив на жидкокристаллическом экране расходящиеся в разные стороны трещины и пучки шерсти. Экран телевизора, агонизируя, пару раз моргнул на прощание и погас.

Крепления телевизора не выдержали столь мощного удара, и он с грохотом упал на пол. Кот к тому времени уже был на полу и вертел из стороны в сторону головой. Он был испуган, его глаза были размером с пятирублевую монету. Звук упавшего телевизора испугал Тупую Тварь ещё сильнее, и котяра, не раздумывая — думать-то ему, было нечем, и Светлов был в этом уверен на все сто процентов, — прыгнул на подоконник. Раньше он часто так делал, чтобы спрятаться за шторой и, тем самым, избежать наказания за совершенное «преступление», которое либо воняло на всю квартиру, либо наносило такой ущерб Светлову, что его трясло от злости. Кот это чувствовал, а потому умело прятался.

За годы, прожитые с Андреем, Мерзкое Отродье научилось быстро и бесшумно забираться на подоконник и изображать за шторкой горшок с кактусом. Но в тот злополучный вечер кот явно перенервничал, у него, как говорится, окончательно сорвало и без того снесенную крышу. Он не смог рассчитать силу толчка и вылетел в окно. Видимо, в последний момент этот Акела сообразил, что промахнулся, но уже было поздно что-либо изменить или исправить. Послышался звук «мя-я-я!», царапанье когтей по карнизу, а потом Жирный Урод совершил свободное падение с восьмого этажа многоэтажного дома. Первое и последнее падение в своей короткой, никчемной жизни.

— Твою мать! — сорвалось с губ Андрея. Это был даже не взглас, а крик души. Подумать только, любимый кот его маман только что сиганул вниз из открытого окна. Хрен с ним, с лохматым гадом, но что будет с маменькой, если с ним что-нибудь случится? Как отреагирует она на известие о смерти её любимого котика? А вдруг он всё-таки выжил?

С гулко бьющимся сердцем Светлов подошел к окну и глянул вниз. Он ожидал увидеть кота, распластавшегося под окнами, толпу людей, собравшуюся вокруг него. Андрей даже представлял, как люди сочувственно качают головами и показывают пальцами на открытое настешь окно. ЕГО окно.

Однако то, что он увидел, представить у него не хватило бы фантазии. Да, внизу кольцом стояли люди, которые полминуты назад радовались Новому году и праздничному фейерверку, радостно орали во всё горло «ура». Да, они качали головами и указывали пальцами на окно Светлова. И, если бы их пальцы могли стрелять, из Андрея уже сделали бы решето. Но в центре круга почему-то лежало не толстое и серое кошащее тельце, а тело голого мужчины. Да-да, именно голого мужчины. Это не могло показаться, так как мужчина хорошо освещался фонарями уличного освещения — а он как раз лежал под фонарем, — и вспышками салюта. Несчастный лежал на животе, сверкая ягодицами, раскинув в стороны руки и ноги. Под ним виднелось что-то тёмное. Светлов не сомневался, что это кровь.

В тот момент Андрей был уверен в том, что жирный кот упал на голову безумцу, который голый бегал по двору. В это не верилось, что летящий из открытого окна кот и голый мужчина когда-нибудь в какой-то точке пересекутся, но это произошло! Почему мужик был голым — перебухал или кому-то проспорил, — уже неважно, но он был мёртв! И уже сегодня и кот, и тот нудист-неудачник станут звездами всевозможных видеохостинговых сайтов, а к Андрею возникнут вопросы у правоохранителей. Ведь это его кот убил человека. Человека!

Вот дерьмо-то! Это надо ж было попасть в такой переплёт!

Эти мысли пронеслись в голове со скоростью пуль. От них Андрея бросило в жар, а ноги вдруг стали ватными. Полностью погрузившись в свои невесёлые размышления, он не слышал, как Настя обозвала его ушлёпком, оделась и ушла, громко хлопнув дверью. Да и чёрт с ней, с Настей! Сейчас она — прошлое и нечто несущественное. А впереди маячит будущее, которое может пройти за колючей проволокой.

Внезапно из угла, в котором по-прежнему клубился дым и лежал кувшинчик, отчетливо послышался женский голос на иностранном языке. Этот голос был настолько громким и неожиданным, что Светлов вскрикнул и дернулся всем телом. Одновременно с этим периферийным зрением Андрей увидел, как туман приблизился к нему и начал обволакивать, словно обнимая. В тот самый момент ноги Светлова скользнули по лужицам, оставшимся от снега, и он неуклюже перевалился через подоконник. В последний момент Андрей пытался ухватиться за карниз, но тщетно — руки проскользили по снежной корке, как по мокрой клеенке, а в сжатых кулаках остался только снег. Светлов скользил на животе всё ниже и ниже, пока его ноги не оказались выше головы. В тот самый момент он с криком полетел вниз. В полёте он кувыркнулся, перевернувшись на спину, и ему

было видно разукрашенное салютом тёмное небо и быстро бегущие вверх, светящиеся окнами этажи. В окнах виднелись фигуры сидящих за столами, снующих туда-сюда и танцующих людей, которые напьются, и им никакого дела не будет до Андрея Светлова, выпавшего из окна собственной квартиры в новогоднюю ночь. Выпавшего вслед за котом, которого он до глубины души ненавидел. В полёте он махал руками. Нет, он не надеялся, на то, что это притормозит полёт, просто, вылетая «дельфинчиком» из окна, он хотел хоть за что-нибудь уцепиться, и это желание не покидало его все те секунды, которые длилось падение. Но под руками был только воздух. Холодный зимний воздух.

«Нет! Я не хочу умереть так», — пришла в голову Андрея мысль как раз в тот момент, когда он должен был шмякнуться об землю всеми своими восьмьюдесятью тремя килограммами, а душа непременно должна была выйти из тела.

Понимая, что сейчас будет не просто больно, а очень больно, так больно, как не было больно ещё никогда в жизни, Светлов зажмурил глаза.

Соприкосновение с землёй было, на удивление, мягким. Андрей чувствовал снег, холодящий затылок, спину и всё, что ниже, морозное щекотание в носу. Он отчетливо слышал хлопки взрывающихся в небе ракет, восторженные крики людей. Воздушный шар, раздувающийся в его груди по мере приближения к земле, который, казалось бы, мог разорвать грудную клетку, вдруг стал сдуваться. Он становился с каждой секундой всё меньше и меньше в размерах, пока совсем не исчез. И только сердце билось так сильно, что его удары отдавались в голове, заставляя вибрировать барабанные перепонки.

Светлов чувствовал, Светлов слышал, Светлов дышал. Правда, дышал он, как загнанная лошадь. Но ведь этого не могут делать мёртвые. Значит, он жив. ЖИВ! Но, где же боль, которая должна была взорваться в каждой клеточке его тела перед тем, как сознание покинет его раз и навсегда? Откуда ощущение, что он не упал с восьмого этажа, а просто прилёг на мягкий снег, будто желая отдохнуть? Может, это перелом позвоночника, поэтому и нет боли? Но, с другой стороны, как можно чувствовать всем телом холод, если позвоночник сломан? Только кожей затылка!

Андрей открыл глаза. Увидел электрический свет, бьющий из окон, распахнутое окно на восьмом этаже — его окно, снежинки, падающие на лицо. Они напоминали Светлову кружевные трусики Насти, которые ему уже, скорее всего, не увидеть на ней, не сорвать с неё в порыве страсти. Странно, что такие мысли в

голову приходят после падения с высоты, не правда ли?

Впрочем, думать Андрей мог, а это уже что-то значило. Стало быть, всё не так уж плохо, не безнадежно.

Его глаза видели, могли открываться и закрываться. Это было очень даже неплохо для того, кто выпал с восьмого этажа. Это значило, что он не всё себе отбил при падении, что не могло не радовать. Если позвоночник и вправду сломан, с родственниками можно будет общаться посредством морганий: один раз моргнул — «да», два раза моргнул — «нет». Может, наоборот. Но это уже неважно. Важно, что он жив.

Ладони замерзли. Светлов оторвал от снега сначала одну руку, потом вторую. Посмотрел на них, повертел кистями. Ничего не болело, движения давались без труда. Сцепив ладони, Андрей подул на них. Из рта вырвался пар, согрел руки.

— Всё-таки я жив! — произнес Светлов, радуясь звуку собственного го-лоса. Мёртвые этого тоже делать не могут. Оставалось только выяснить, насколько пострадало тело после падения, чтобы морально подготовиться к тому, что его ожидает в ближайшие дни, месяцы или годы. Всё зависит от сложности переломов. Андрей согнул правую ногу в колене. Получилось легко и без боли. Проверить работоспособность левой ноги он не смог, так как увидел над собой лицо соседа Ромы.

— Вот это вы нажрались, ваше благородие! — сильные руки соседа схватили Светлова за грудки и мощным рывком привели в горизонтальное положение.

Всё ещё думая, что его кости ломаны-переломаны, Андрей пытался сказать Роме, чтобы тот был осторожнее, но, оказавшись на ногах, только промямлил нечто нечленораздельное.

Он стоял на ногах! Ноги не болели. Сделав пару шагов, Светлов понял, что они ещё и двигаются. Он не падает, а это значит, что его вестибулярный аппарат не пострадал. Остановившись, Андрей принялся ощупывать руками своё тело. Оно не болело, и это было так здорово! Всё ещё не веря чуду, которое произошло, Светлов начал похлопывать себя ладонями. Результат тот же: никаких болевых ощущений.

Рома смотрел на него и с удивлением. Должно быть, со стороны Андрей смотрелся странновато.

— Что с тобой? — наконец-то спросил сосед. Видимо, ему надоело смотреть на телодвижения своего товарища.

— Проверяю, всё ли в порядке. Я только что с восьмого этажа упал! — Светлов указал пальцем на своё окно, которое вдруг оказалось закрытым, что Андрея немного шокировало. Зато настужь было распахнуто окно на шестом этаже, где жили какие-то маргинальные личности. Светлов с ними не общался, но был

уверен, что они были алкашами или наркоманами. Может, и теми, и другими. И сейчас из тёмного окна квартирки маргиналов высунулась тёмная штора, которая трепыхалась на ветру, будто окно показывало всем язык.

Как это понимать?

Рома вдруг сдвинул брови и насупился. Подойдя к Светлову вплотную, он снова взял его за грудки, сильно встряхнул, словно хотел стряхнуть с него снег. Но одежда Андрея как была покрыта снегом, такой и осталась.

С шумом вдыхая ноздрями воздух, глядя в глаза, прошипел:

— Перегаром не пахнешь, но ведешь себя, как пьяный. Что-то мне подсказывает, что ты к наркоте пристрастился. Я прав?

На долю секунды вспышки фейерверка отразились в его глазах, что придало соседу злобещий вид. Хотя он всегда был добряком.

— Да нет, ты что? Я же тебе говорю, что... — И тут Светлов увидел то самое темное облако, которое было в его квартире. Только сейчас оно находилось слева от Ромы. И даже порывы ветра, который был довольно-таки сильным, не могли его развеять. Это был густой дым без огня и без запаха. — Я выпал из окна из-за этого...

— Что ты мне заливаешь? Если бы ты выпал из окна, ты был бы мёрт-вым, как тот нарик... — Роман махнул рукой в сторону толпы, окружившей голозадое тело, лежащее на снегу, и поспешил к ним. Обернувшись, бросил на ходу:

— Ты точно под кайфом! Заканчивай с этим...

Светлов на это ничего не ответил, так как его взгляд переместился от толпы людей, столпившихся вокруг тела к клубам тёмного дыма, которые пришли в движение и начали закручиваться по спирали и по часовой стрелке, словно вихрь.

— Что ты за хрень такая? — прошептал Светлов.

— Хрень такая... — эхом донеслось из глубины этого вихря, вперемешку с шумом ветра. По спирали закручивались хлопья снега, конфетти, обрывки картонных коробок. Вихрь увеличивался в размерах, становясь всё больше и больше. К мусору и снегу добавились воробьи, голуби и вороны, где-то в глубине его стали сверкать молнии. Этот темный вихрь, как пылесос, втягивал в себя всё. С визгом в него влетела лохматая собака. Её закружило так быстро, что Андрей даже не смог определить, какой породы была эта собака. Испугавшись, что сейчас и его засосёт и закружит эта с каждой секундой увеличивающаяся в размерах воронка, Светлов начал пятиться, но сделал только один шаг и упал на спину. Вихрь начал притягивать его к себе всё ближе и ближе, волоча на спине по

снегу ногами вперед. Причем, ноги поднялись вверх где-то на метр. И, чем ближе Светлова подтаскивало к воронке, тем сильнее становилось её притяжение, тем выше задирались его ноги. Его таз уже оторвался от земли, вот-вот оторвутся лопатки. Ещё немного, и его закружит, как ту тупую собачонку.

«Я — как мешок дерьма!» — родилось в голове Андрея, быть может, не очень удачное сравнение, но на тот момент — единственное. Он пытался тормозить руками, но тщетно. Вихрь притягивал его всё сильнее и сильнее.

Андрей хотел закричать о помощи, но с губ сорвалось лишь шипение, которое перекрывал собачий визг и шум ветра.

Когда его уже должно было оторвать от земли и закружить вместе с птицами, собакой и мусором в бешеном хороводе, Андрей кинул взгляд на людей, которые стояли в каком-то десятке шагов от него в надежде, что хоть кто-нибудь поможет ему, но никто из толпы, похоже, ничего не видел и не слышал. Для них ни Светлова, ни вихря словно не существовало. Одни звонили куда-то по мобильным телефонам, другие на телефоны снимали лежащее на снегу голое тело, третьи обсуждали и спорили, указывая руками то на тело, то на дразнящее своим длинным языком окно шестого этажа.

Когда Андрей в очередной раз за новогодний вечер приготовился к самому худшему, тяга вдруг исчезла. Воронка снова стала облаком, но не тёмным, а светлым, как пар. Птицы разлетелись в разные стороны, оставив после себя лишь перья, которые вместе с мусором подхватил простой ветер и разметал по двору. Собачонка, которая оказалась пуделем, упала в сугроб. Выбравшись из него, она, поджав хвост и поскуливая, побежала в сторону стоянки и быстро скрылась из вида, затерявшись между машин. Там, на стоянке, пританцовывала Настя, пиная по колёсам машины отечественного производства, стоящей перпендикулярно её «тойотушке» и преградившей ей путь. И надо было крикнуть Настьке, чтобы вызвала такси, а не ехала за рулем пьяненькой, но Светлов отвлекся на светлое облако, мерцающее вспышками молний перед ним. Какое-то время оно висело неподвижно сантиметрах в тридцати над землёй, потом начало менять форму и надвигаться на Андрея. Не зная, что это за явление, и чего от него ещё можно ожидать, Светло в очередной раз начал пятиться. Он отходил назад, пока не уперся спиной в шершавый ствол тополя. А облако надвигалось на него, приближаясь всё ближе и ближе. Внутренний голос подсказывал Андрею, что нужно бежать как можно дальше, брать пример с той собачонки, но руки и ноги одеревенели и не слушались. Соприкоснувшись с деревом, Светлов будто сам стал деревянным.

Ему оставалось только стоять и смотреть, что будет дальше. В тот момент он чувствовал себя тем самым мусором, который разбросал по двору ветер, брошенным окурком, который не способен каким-либо образом повлиять на свою судьбу. Оставалось только покорно ждать и смириться со своим положением.

Тем временем облако стало меняться. Его белые клубы вдруг собрались в шар диаметром около двух метров. Повисев неподвижно в воздухе несколько секунд, шар начал вытягиваться вверх и вниз, приняв форму песочных часов. Через пару секунд у песочных часов стали появляться руки, ноги и голова. Спустя ещё мгновение перед Андреем стояла обнаженная красавица, вся сотканная из белого дыма. Глядя в упор на Светлова, она что-то сказала ему на каком-то иностранном языке. Андрей не понял, что она ему сказала, но голос он узнал. Это был тот же голос, который он услышал в своей квартире перед падением из окна.

Видя, что Светлов её не понимает, девушка протянула руку к голове Андрея. В другой ситуации он бы отдернул голову, но его затылок был прижат к стволу дерева. Деваться было некуда. Оставалось только верить в то, что туманная незнакомка не хочет причинить ему вред. Если бы хотела, то уже сто раз причинила бы.

Глядя на вытянутую руку девушки, Андрей думал, что она хочет по-трогать его лоб, как это делают заботливые мамы, желая проверить, нет ли температуры у их детишек. Но призрачная рука легко прошла сквозь лоб и по самую кисть оказалась в голове. Андрей тут же испытал легкое покалывание, какое пусть даже редко, но бывает у него при ухудшении погоды или с перепою. К счастью, это покалывание длилось недолго, и девушка убрала руку. В ту же секунду на ней оказалось красивое вечернее платье, подчеркивающее стройность точеной фигуры и соблазняющее глубоким декольте. Это платье было таким же туманным, как и сама девушка. Такое же платье было у Насти. Она купила его в Милане, и стоило оно как три дорогих костюма. Жаль, конечно, что больше не получится сорвать с неё это платье и вдуть ей по самые помидоры. Но вдруг ещё не всё потеряно? Вдруг всё наладится?

Словно прочитав мысли Светлова, призрачная красавица сменила платье на другое — более длинное, не с таким глубоким декольте, но не менее красивое. Повертевшись перед Андреем, как перед зеркалом, словно демонстрируя свои полупрозрачные прелести, она вдруг произнесла на чистом русском языке:

— Ты меня вызволил из тысячелетнего плена. Отныне ты — мой господин. Загадай любое желание, и я его исполню.

Особо не раздумывая, Светлов загадал первое, что в голову пришло:

— Исчезни!

Да, это было его единственное желание. Он не знал, что за сущность перед ним, что от неё можно ожидать и тем более — можно ли ей верить. Привидение это или не привидение, с добрыми или с дурными намерениями, но всё-таки он боялся её. И будет лучше, если она исчезнет, испарится, словно её не было.

И она исчезла.

К Андрею тут же вернулась способность двигаться. Он оторвал своё тело от ствола тополя, про себя отметив, что вспотел под дубленкой, и пропитавшаяся потом рубашка неприятно липла к телу, холодея его.

Посмотрев по сторонам и поняв, что облачная дама действительно исчезла, он вышел из-за дерева и направился к толпе, суевающейся над обнаженным трупом. Светлову не хотелось смотреть на труп голого мужика, но он почему-то хотел посмотреть надохлого кота. Однако ни самого кота, ни его следов нигде не было видно. Зато под голым мужиком лежала... мёртвая бабка. Это была та самая бабка, которая закармливала его, Андрея, пирожками, положившая глаз на его египетский кувшинчик. Эх, знала бы она, что случится с кувшинчиком, наверное, пирогами не кормила бы и денег за этот сувенир нее предлагала.

Из-под двух тел натекала большая лужа крови, которая впиталась в корку снега. Только ни кота, ни его следов нигде видно не было. А какая-то женщина в черной шубке, в очках с толстыми линзами, приговаривала:

— Этот голый упал на женщину сверху... Он упал на неё... Прямо сва-лился... Я всё видела.

«А где же тогда кот?» — подумал Андрей, но говорить вслух ничего не стал.

Протиснувшись сквозь толпу, он на негнущихся ногах дошел до скамейки у подъезда, присел на неё и закурил. Сигариллы и зажигалка каким-то чудом оказались в карманах и не выпали из них даже при падении.

Чудо! Ключевое слово — чудо. Больше никак то, что произошло в эту новогоднюю ночь, не назвать и не объяснить. А что же всё-таки произошло с тем мужиком, с котом и с бабкой? Кот упал на мужика, мужик на бабку? Но где же кот? Выжил и убежал или сейчас лежит под бабкой? Почему его никто не видел?

На стоянке по-прежнему пританцовывала Настя, попинывая колёса перегородившей ей дорогу машины. Вот из соседнего

подъезда вышел щуплый парень, направился к стоянке. Настька жестикулирует, что-то ему говорит. Не слышно, но, наверняка, кроет его матом. Она может. Едва парень отъезжает в сторонку, Настина «тойотушка» с пробуксовкой срывается с места. Она мчит через весь двор, набирая скорость.

С противоположной стороны двора приближается полицейская машина с включенными «мигалками», но Андрею нет до неё дела. Всё его внимание приковано к Настинной машине, которая летит прямо на толпу.

Она что, сошла с ума? Она сейчас их раздавит!

Светлов хочет крикнуть: «Настя, остановись!», но с губ срывается только хриплое «э».

«Тойота» на полном ходу врезалась в толпу, раскидав людей, как кегли в боулинге. Кто-то остался лежать на снегу, кто-то кричал, пытаясь подняться. Какая-то женщина причитала, сидя на снегу, держась за щиколотку.

Зрелище было не для слабонервных. Но и на этом Настя не останови-лась. Её машина упорно набирала скорость. Может, девушка испугалась и нажала на «газ», может, педаль акселератора заклинило. Это неважно. Важно то, что остановить её смогла только полицейская машина, встретив её лоб в лоб.

Раздалось громкое «бом».

После сильного удара обе машины замерли, слипшись искореженными передками. К месту происшествия стали сбегаться люди. Их собралось гораздо больше, чем желающих поглазеть на голого мужика, лежащего на бабке.

Когда люди окружили полицейский автомобиль и «Тойоту» Насти, полностью закрыв их от глаз Андрея, он кинул в сугроб окурки сигариллы, поднялся со скамейки и направился к подъезду. Его уже не волновала судьба Настьки, так как он замерз и очень хотел спать. Глаза слипались в прямом смысле этого выражения, а ноги несли его сами. Он был как на автопилоте. На автопилоте он зашел в лифт, поднялся на восьмой этаж, зашел в свою квартиру и рухнул в спальне на кровать, не снимая дубленки.

«Ничего себе Новый год», — успел подумать он, прежде чем сон сжал его в своих крепких объятьях.

Глава 2. История Джины

Во сне Андрей парил в облаках. Одет он был так же, как во время поездки в Египет: рубашка, шорты, на ногах — сланцы. Только сланцы почему-то с ног не сваливались, что было удивительным, ведь наяву, согласно законам подлости и физики, он летал бы с босыми ногами.

Андрей чувствовал себя полным сил и энергии суперменом, победив-шим гравитацию. Он трогал руками невесомые облака, вытворял в воздухе фигуры высшего пилотажа и смеялся. Смеялся так, как не смеялся никогда в жизни. А в груди его раздувался шарик. Тот самый шарик, который Светлов чувствовал, когда падал с восьмого этажа. Шарик, надуваемый невидимым компрессором. Кажется, что он так раздулся, что вот-вот лопнет, но не лопается.

А под ногами простиралась земля с коробочками домов, длинными улочками. Сеть дорог делала её похожей на старое фарфоровое блюдо.

В отличие от полёта из окна, когда Светлов чуть не обделался от страха, в этом полёте ему было хорошо. В какой-то момент он заметил среди облаков маленькую точку. Это был не самолёт, нет. Она летела беззвучно. Эта точка увеличивалась в размерах, превращаясь в знакомую женскую фигуру. По мере её приближения Андрей понял, что это была та самая призрачная девушка из кувшина. Только в его сне, — а он понимал, что спит, и всё, что с ним происходит — всего лишь сон, — она была не из дыма или пара, а из крови и плоти. Обычная девушка.

Только сейчас, глядя на неё, он понял, что она восточных кровей и очень красивая. Она подлетела к Светлову и зависла в воздухе. Он тоже остановился на одном месте, хотя до того хотел сделать «мёртвую петлю».

— Привет, — прошептала она.

— Привет, — ответил он.

— Как я полагаю, у тебя есть ко мне вопросы, да? — Её изогнутые тонкие брови, словно отчерченные фломастером, вопросительно поползли вверх.

— Угадала, — Андрей нацелил на девушку указательный палец правой руки и изобразил пистолетный выстрел. — Точнее, один только вопрос: что за хрень со мной происходит?

— Ты спишь, — Губы восточной красавицы тронула чуть заметная улыбка. — И видишь сон, в котором можешь летать и не только...

— Хрен с ним, со сном, — Светлову не хотелось

сквернословить в собственном сне, к тому же, в таком необычном, где всё было таким одновременно и реалистичным, и сказочным, но, находясь под впечатлением от всего происходящего с ним, ничего не мог с собой поделать. В том сне он вёл себя так же, как в жизни. — Почему в новогоднюю ночь ко мне явилась ты в образе какого-то привидения? Почему я выпал из окна и не разбился? Куда делся кот моей мамани, который должен был валяться рядом с мертвым мужиком и с бабкой... Голый мужик, лежащий на бабке — вообще особая тема. Такого не может быть! Не может! А Настька... Как в это же время она умудрилась задавить столько народу и вцепиться в машину ментов? Как всё это могло про-изойти одновременно?!

— Я понимаю, что в твоей голове всё это... — Она пристально посмотрела на Светлова, потом подлетела к нему вплотную и ткнула указательным пальцем Андрею в лоб, пронзив его пальцем. Её палец был как луч света, пронзающий оконное стекло. Светлов снова почувствовал легкое покалывание в голове и какое-то шевеление внутри черепа, словно там бегали маленькие жучки.

«Она роется в моих мозгах! — догадался Светлов. Добывает информацию или восполняет свои пробелы в каких-то знаниях... Как у неё это получается? Второй раз уже... Сука!»

Самым ужасным в тот момент для него было то, что он не мог этому сопротивляться. А копание в мозгах закончилось в тот самый момент, когда на ум пришло слово, означающее собаку женского рода. Причем, он подумал так не о призрачной красоте, а о самой ситуации, в которой ничего не мог изменить, как бы сильно ни хотелось. Таковы уж особенности нашего великого и могучего языка, в котором все явления можно объяснить и культурно, и нецензурной бранью, а главное — разными словами.

Светлов попытался шлепком ладони выкинуть её руку из своей головы, но девица оказалась проворнее его, и быстро отдернула свою руку. Но подушечками пальцев Андрей всё-таки скользнул по её запястью. Своими пальцами Андрей почувствовал не пар, не дым, а человеческую кожу, которая оказалась тёплой и приятной на ощупь, как у живой, настоящей девушки. Это Светлова немного удивило. Он ожидал, что его пальцы не наткнутся ни на что, соприкоснутся с пустотой. Иначе как тогда объяснить, что она только что этой рукой из крови и плоти рылась в его голове?

— ...не укладывается, но лично для меня это вполне нормально, — как ни в чем не бывало, продолжила девушка после паузы. — Ты ещё и не такое увидишь.

В голосе её была твердая уверенность, словно она это наверняка знает. Не исключено, что эта призрачная леди может видеть будущее. И Андрей в очередной раз про себя задался вопросом: а кто же всё-таки она такая? В памяти его тут же всплыли её слова: «Ты меня вызволил из тысячелетнего плена. Отныне ты — мой господин. Загадай любое желание, и я его исполню».

— Всё понятно. Ты — джинн! — выпалил он, указав на девушку пальцем.

Хотя о джиннах у него были очень смутные представления, которые сложились у Светлова после просмотра фильма про старика Хоттабыча и мультфильма про Алладина. Ещё он смотрел фильм со Стивом Мартином в главной роли, в котором душу умершей женщины поместили в горшок. Но к джиннам этот фильм не имел никакого отношения.

А ещё в подростковом возрасте он смотрел порнофильм про Алладина, который был записан на потрепанную видеокассету. Эту кассету Светлов купил в киоске, наивно полагая, что покупает художественный фильм-сказку. Зато о том, ЧТО он покупает, знала хитро улыбающаяся продавщица, которая, протягивая Андрею кассету, что-то сказала ему про мозоли на руках. Несмотря на это, фильм Андрюше понравился, потраченных карманных денег было не жалко. Только вот знаний о джиннах этот фильм Андрею не добавил. Видеокассету с тем фильмом у него потом умыкнул кто-то из друзей, вставив в коробку из-под фильма кассету с советскими мультфильмами.

— Нет! — Девушка загадочно улыбнулась, отрицательно качнув головой. — Я не джинн. Я — человек, душу которого заключили в сосуд...

— Да, ладно! Рассказывай мне тут сказку... — Андрей хотел добавить: «Как дед насрал в коляску», но промолчал. Он не мог поверить в то, что с душой живого человека такое можно сделать. Это не под силу даже ученым. Пока, во всяком случае.

— Хорошо, — лицо девушки вдруг стало серьёзным. Одна её рука в тот момент была уперта в бок, а второй рукой девушка накручивала на палец локон тёмных волос. Этот жест притягивал к себе внимание и завораживал. Глядя на девушку, Андрей вдруг вспомнил свою бывшую одноклассницу Юлю, которая после школы не поступила ни в один ВУЗ и стала проституткой. Она «работала» в сауне с красивым названием «Русалка». В ожидании «клиентов» Юля всегда стояла у входа в сауну в такой же позе и накручивала локон на палец. Лак на ногте того пальца обычно полностью или частично отсутствовал. При этом Юля всегда жевала жвачку, размеренно двигая челюстями. Заоблачная дева

напоминала Андрею Юлю не только своей позой, она была похожа на проститутку внешне, была такой же красивой. Можно сказать, порочно красивой. Только леди в облаках ничего не жевала. И Андрей сомневался в том, что она это делать умеет. — Я расскажу тебе свою историю... Это нужно было сразу сделать, но я-то думала, что ты, как сумасшедший, начнешь загадывать желания, а потом тебе будет... пофиг: джинн я или нет. Ну, раз тебе не всё равно...

— Не всё равно! — Светлов потрянул головой. — Мне действительно интересно, кто ты. С дамочками, подобными тебе, я в жизни ещё не сталкивался.

— Ладно. Попробую тебе рассказать о себе. Не уверена, что ты мне поверишь...

— Поверю, — Андрей кивнул головой. — Теперь уже во всё поверю.

— Меня зовут АмизиБанафрит Джезерит Камамат...

— Можно я тебя буду называть просто Джинной? — перебил девушку Светлов. Встретив на себе её удивленный взгляд, он пояснил: — Имя у тебя уж больно длинное. Я никогда его не запомню и не смогу произнести без бумажки. А постоянно коверкать его не хочется. А Джина...

— Почему именно Джина?

— Ну, уж больно твоё появление похоже на выход джинна из бутылки. Я такое в кино видел.

— Если хочешь, называй меня Джинной, — она пожала плечами. — Имя-то, в общем, неплохое и звучит.

— Спасибо, Джина. — Андрей улыбнулся. Это имя ему нравилось не только потому, что его легко запомнить, но ещё и потому, что где-то в глубине души мечтал оттрахать Джину из «Санта-Барбары». Этакая мечта идиота. — Джина! Джина! Джина! Действительно, звучит!

— Я родилась и выросла в Тарингийском царстве, а городе Солерния... — Девушка сделала взмах рукой. За её спиной тут же появилось то, что Светлов поначалу принял за ковер или за лоскутное одеяло, но, присмотревшись, понял, что это — карта мира. Она ткнула пальцем куда-то в район пустыни Сахары. — Тарингийское царство было где-то здесь. Сейчас там пустыня, но когда-то там были зеленые сады. Впрочем, чего я тебе это рассказываю? Могу показать...

Джина взяла Андрея за руку. Земля под ногами тут же начала вращаться с бешеной скоростью. Яркая вспышка ослепила мужчину. От неожиданности он вскрикнул, но его крик потонул в шуме ветра. Когда глаза немного стали видеть, Андрей увидел, что они с Джинной летят над каким-то очень старым городом с

богато украшенными домами, дворцами. Возле каждого дома или дворца были бассейны и зеленые сады с буйной растительностью, которой Светлов не видел даже на картинках в книжках. Но не это его удивило. Его удивило и поразило то, что рядом с людьми жили доисторические ящеры. Уж их-то Светлов видел и на картинках, и в кино. Их-то он узнал бы всегда. На них люди ездили верхом, запрягали в тележки. Некоторые из динозавров паслись в садах. И они не казались такими уж огромными по сравнению с людьми. Когда они с Джиной опустились на землю посередине одной из широких улиц, Андрей понял, почему ящеры не показались ему такими уж большими. Это потому, что большими были люди. Ростом не ниже трех метров, они казались Андрею великанами. И так как по улице их ходило много, Светлов испугался, что они его затопчут и прижался к стене.

— Не бойся, — успокоила его Джина. — Они нас не видят. А чтобы ты чувствовал себя комфортнее, давай-ка подрастём.

Люди вокруг вдруг стали уменьшаться на глазах, и Светлов понял, что Джина каким-то образом сделала его и себя такими же великанами. Теперь уже Андрей обратил внимание на дорогие наряды людей, на образцовый порядок на улицах, гигантские статуи, расставленные через каждые сто шагов, отсутствие нищих. Периодически то тут, то там вальяжно прохаживались группы людей в доспехах и с оружием. Воины в таких же причудливых доспехах и с таким же замысловатым оружием, как под копирку срисованные, были в многочисленных компьютерных играх, в которые в юном возрасте любил играть Андрей, пока зрение не стало ухудшаться. Но откуда создатели этих игр знали, что всё это уже было. Таким оружием действительно пользовались, такую броню носили. Также Светлов догадался, что люди с оружием по улицам ходят неспроста. Они обеспечивают порядок в Солернии. И он нисколько не сомневался, что справляются они с этим гораздо лучше ленивых, зажавшихся ментов, которым лишь бы дослужиться до пенсии, а на закон и порядок им просто насрать. Главное — чтобы их не напрягли и не сковырнули с должности. Так знакомые менты говорили Светлову, после чего он их перестал уважать. Поэтому на людей в доспехах Андрей смотрел с восторгом и уважением. Уж они-то точно понятия не имели, что такое пенсия. Но знали, на что способны враги. Поэтому, наверняка, относились к службе ответственно, не спуская рукава.

Джина, похоже, ничему не удивлялась. Солерния для неё была, как вода для рыбы. С невозмутимым видом она вела Андрея за собой, как маленького ребенка, держа за руку. Они шли по идеально ровным улицам, сворачивая то налево, то направо, пока

не оказались в тени красивой беседки, увитой растением с широкими листьями и алыми цветками, источающими неповторимый аромат.

— Это моё любимое место, — пояснила Джина, усаживаясь на оббитую бархатом скамейку. — Здесь хорошо, не правда ли?

— Да, — согласился Светлов, присаживаясь рядом. В тот момент он засомневался в том, что всё это ему снится. Уж больно всё было как наяву. Во всяком случае, он знал, что в любом нормальном сне все чувства притупляются. Тут же они, наоборот, обострились.

— Видишь хоромы? — Джина указала пальцем на комплекс зданий с куполами, обнесённых высоким узорчатым забором. Здания были украшены лепниной и мозаикой. Некоторые из них имели массивные колонны. Не дождавшись ответа, она продолжила: — Это дворец царя Ахома Третьего. У него я служила придворной чародейкой и жила в одной из комнат. Иногда он отпускал меня домой... Я — потомственная колдунья. С детства изучала Книгу Знаний. Придворный чародей — довольно-таки высокий пост. У чародеев на службе царя и жалование самое большое, бесплатная еда, бесплатное питьё и...

— Униформа! — подсказал Светлов и, видя непонимание в глазах девушки, уточнил: — Одежда.

— Да, — Джина благодарственно склонила голову, полуприкрыв веки и приложив изящную руку к груди. Перстни на её тонких пальчиках, которые только сейчас заметил Андрей, искрились на солнце. — И униформа выдается бесплатно. Но, чтобы этот пост занять, нужно быть лучшим чародеем в царстве. За звание придворного чародея всегда боролись два магических клана, две разные школы магии. Это клан Камаматов, выходцем из которого являюсь я, и клан Сабритов — враждебный нам клан. В тот год, когда я стала чародейкой, предыдущий чародей перешел на сторону злейшего врага Ахома Третьего — Кэнти Лучезарного. И царю Ахому ничего не оставалось, кроме объявления...

— Конкурса? — Андрей не знал, что в подобных случаях делали цари, но предположил, что по логике вещей должны быть конкурсы, состязания или какие-нибудь экзамены.

— Да, — чародейка улыбнулась, глядя на летящего в небе птеродактиля, потом перевела взгляд на Светлова. — Я иногда, как ты любишь говорить в подобных случаях, подвисяю, глечу. Но это не от того, что я тупая, а потому, что ещё недостаточно хорошо умею пользоваться русским языком. Всегда приходится подолгу в голове копать, чтобы нужное слово подобрать.

Андрей понимающе кивнул, улыбнулся.

— Точно так же ты копалась в моей голове, да?

— Обещаю, больше так не буду, — может, в её голосе и сквозило лукавство, но глаза говорили о том, что она действительно не хочет вторгаться в голову Светлова без его согласия. — Я уже всё, что можно из твоего мозга качнула, поэтому больше там ничего нет такого, что было бы мне полезным. Без этого было нельзя, я ведь хочу адаптироваться в твоём времени, в твоём мире как можно быстрее и не тупить. Ты мне веришь? Не сердишься?

— Я тебе верю, — честно признался Светлов. А как тут не верить, если он её проникновение в голову дважды на себе испытал? — Честно скажу, это не очень приятно, но я на тебя не сержусь. Дело в том, что мы сейчас говорим на одном языке в прямом смысле этого слова. Мы с тобой сейчас — как близнецы, как брат и сестра, которые понимают друг друга с полуслова. И это здорово, так как раньше, до встречи с тобой, с представительницами слабого пола у нас было полное недопонимание. Из-за этого мы и расставались. Наша ссора с Настькой — тому подтверждение. Мы явно не понимали друг друга и не сошлись характерами. Если бы ты была... настоящей, я думаю, что у нас с тобой были бы самые долгие отношения. К тому же, ты мне нравишься и внешне, и... общаться с тобой приятно. Но никаких серьезных отношений у нас с тобой не будет.

— Почему? — удивилась она.

— Так как утром я проснусь, и тебя уже рядом не будет. Это же сон. А наяву я загадал желание, чтобы ты исчезла. Бах!.. — Андрей хлопнул в ладоши. Этот хлопок прозвучал, как пистолетный выстрел. Но никто, кроме Джины, его не слышал, хотя кругом ходили люди. — ...Ты действительно исчезла. И, если предположить, что ты и вправду можешь исполнять желания, а не врешь, то тебя не должно быть.

— Но ты же не уточнил, на какое время мне исчезнуть, — девушка красиво повела плечиком, и её бровки взметнулись вверх. — Поэтому я и исчезла на какое-то время, чтобы потом опять появиться.

— То есть ты хочешь сказать, что и после того, как я проснусь, будешь рядом?

— Да, — не задумываясь, ответила она. — Ты же меня вызволил из многовековой темницы, произнеся кодовое слово.

— Какое ещё кодовое слово? — искренне удивился Андрей. Он, хоть убей, не мог вспомнить, что говорил перед появлением Джины из кувшинчика.

— Которое снимает наложенное на меня заклятье. Только ты,

как говорится, стараешься бежать впереди паровоза. Давай, я всё по порядку буду рассказывать, ладно? А чтобы тебе было веселее...

Джина щёлкнула пальцами. Напротив скамейки, на которой они с Андреем сидели, появился круглый стол на изогнутых ножках, на котором стоял кальян.

— О! — Светлов засунул мундштук в рот, глубоко затянулся, выдохнул струю густого, ароматного дыма. На лице его появилось блаженная улыбка. — Конечно, ты рассказывай. Честное слово, я тебя не перебую... Пока курю.

Джина одобрительно кивнула. Какое-то время сидела, глядя вдаль, на дворец Ахома, потом продолжила свой рассказ:

— Ахом издал указ о проведении отборочного состязания для выявления кандидата на должность придворного чародея...

Слушая Джину, Андрей не переставал удивляться: только недавно он испугался её, считал злым привидением и хотел от неё избавиться. Сейчас же он с интересом, затаив дыхание слушает её и считает чародейку чуть ли не лучшей своей подругой. Она говорит, что недостаточно хорошо умеет пользоваться русским языком, но не всякий нерусский может без запинки, без акцента выговорить: «Ахом издал указ о проведении отборочного состязания для выявления кандидата на должность придворного чародея». Опять-таки, этот чудесный кальян... Светлов действительно любил курить кальян, но делал это нечасто. Чаще всего, по праздникам. Но ведь именно сейчас новогодние праздники! Нет, она даже не чародейка, она — сама по себе чудо, феномен! Эх, жаль, что сон закончится, и не будет ни этого города, ни дворца царя Ахома, ни кальяна, ни самой Джины. Потому, что это всего лишь сон. Сон, навеянный большим количеством выпитого алкоголя. Пьяный, мать его сон. Эх, как жалко! Вот бы сон тянулся целый год!

— ... В принципе, указ он мог не издавать, так как слухи в Солернии распространяются быстро. И всё равно пришлось бы всего два человека — по одному от каждого клана. Камматы послали меня, от Сабритов пришла Одджит — та самая бабка, которая кормила тебя пирожками...

И тут Андрей забыл, что обещал Джине, что не будет перебивать её. Кашлянув, он вынул изо рта мундштук и, удивленно вытаращив глаза, спросил:

— Как такое возможно?

— В мире магии возможно всё, — спокойно ответила она и вернулась к своему повествованию: — Для того чтобы стать чародеем, нужно было всего лишь удивить царя. Первой проходила испытание Одджит. Она творила чудеса: вернула

зрение слепому, превратила воду в вино, омоладила сначала жену царицу Бенну, а потом и самого царя, которые к тому времени уже были в преклонном возрасте, но не желали отдавать своим детям бразды правления. Конечно, Бенну была в восторге, сановники рукоплескали Одджит. Судя по взглядам, которые она бросала на меня, где-то в глубине души Одджит уже праздновала победу и видела себя придворной чародейкой. Видя её успех, я где-то в глубине души засомневалась в том, что мне что-то светит. Ведь я планировала, когда шла на испытание, лысину царя превратить в косматую гриву. Я даже целую главу в Книге Знаний наизусть выучила. Ведь до того из-за лысины он стеснялся носить корону, предпочитая надевать на голову перхет...И вот стою я тогда, смотрю на царя и приближенных к нему особ, на самодовольную ухмылку Одджит и понимаю, что пышная шевелюра не идет ни в какое сравнение с молодостью и с молодой женой. Но вижу, что Ахом почему-то не весел, хотя должен был радоваться. И тут, хотя я тогда была очень молодой, мужских ласк не познавшей, я поняла, что молодость молодостью, а для царя главное — его мужская сила. Похоже, Одджит о мужчинах меньше меня знала, а потому упустила из вида эту важную деталь. Я тут же вспомнила соответствующее заклинание, взмахнула руками и наградила царя вечным стояком. Ой, ты даже не представляешь, что там было! Ахом вскочил с трона, подскочил ко мне, обнял, уперевшись мне в живот этой своей торчащей штукой, расцеловал... Тут же объявил, что придворным чародеем буду я, «все свободны!», схватил за руку царицу и вместе они направились в опочивальню, откуда не выходили три дня и три ночи. На четвертый день изможденная, но счастливая царица выползла из опочивальни, и царь потребовал прислать ему молодых танцовщиц, после чего его никто не видел десять дней и десять ночей. А я стала служить придворным чародеем. Ты даже не представляешь, как это здорово! Я купалась в роскоши, я чувствовала себя хозяйкой мира. Люди падали на колени при моем появлении где-либо. Они боялись меня и, одновременно, восторгались мной. У меня было всё: богатство и власть. И, чтобы иметь всё это, достаточно было раз в день, после обеда, почитать Книгу Знаний. И всё!.. Два года пролетели, как один день. Казалось, это будет длиться всю жизнь. И я была согласна на такую жизнь. Но тут произошло то, что в мои планы не входило: как-то раз, когда я решила покинуть своё тело и полетать над землёй...

— Ты умерла, что ли? — в очередной раз перебил её Светлов. В его голове просто не укладывалось, как душа может существовать отдельно от тела. — Душа отлетает во время

смерти...

Это всё, что он знал о душе.

— Нет, — Джина посмотрела на него, как профессор смотрит на студента-первокурсника. — Душа может отделяться от тела, а потом опять возвращаться. На нашем языке это называется сафна. Сафна подробно описана в Книге Знаний и, когда будешь изучать её...

— Сомневаюсь, что буду изучать её, — Андрей затряс головой. — Ой, сомневаюсь.

— Ну, это ты сейчас так говоришь, — уголки её рта тронула едва заметная улыбка. А её глаза, которые меняли цвет от голубого до черного, говорили о том, что она не просто знает это, а видит. Видит, как он, Андрей Светлов, сидит над Книгой Знаний и штудировать её, как прилежный ученик. Именно это Андрея испугало. Он не хотел тратить своё время на какую-то Книгу Знаний. Да и зачем ему это? Впрочем, это всего лишь сон. Светлов проснется, и не будет никакой Джины, никакой Книги Знаний. Значит, и беспокоиться не о чем.

— Ой, блин...

— Да ты не бойся, — эта чертовка, определённо, могла читать мысли. А может, во сне так и должно быть? — Читать Книгу Знаний не только не утомительно, но и интересно. К тому же, она не всякому открывается. Если ты её не достоин, будешь, как ты говоришь, в пролёте. Но только я вижу, что ты достойный. В тебе скрыта сила, о которой ты пока ничего не знаешь. Но это будет потом... Так, на чем я остановилась?

— На том, как твоя душа отделилась от тела, — напомнил Светлов.

— Да... Я расслабилась, погрузилась в сафну, и моя душа полетела над землёй. Она летала над полями и лесами, над морями и горами. Я резвилась в кронах таких высоких деревьев, какие тебе и не снились. И, хотя в состоянии сафны можно общаться с духами ушедших в другой мир предков, их в тот раз я не видела и не слышала, что меня немного удивило. Я просто не придавала этому значения, а должна была... В какой-то момент я слышу женский голос, громко читающий заклинание, и мою душу потянуло куда-то назад. Потянуло так сильно, что я не смогла этой тяге сопротивляться. Потащило, но не в тело, которое сидело в позе мкач в моих покоях во дворце Ахома, а куда-то дальше, за дворец, в тот район Солернии, в котором я никогда раньше не была. Я пыталась сопротивляться, но куда уж там! Именно в тот момент я поняла, что до того момента в Книге, где описывается сопротивление воздействию на душу, осознанно вышедшую из тела, я просто не дочитала. Или дочитала, но

забыла, как сопротивляться этому воздействию. А женский голос, читающий заклинание, кажется мне знакомым. Пролетев сквозь крышу не-знакомого мне дома, я увидела девушку, сидящую на коленях у пустого кувшина. Та самая девушка и читала заклинание. В какой-то момент я узнала эту... сучку. Ею оказалась Одджит! Я кричу ей: «Одджит! Остановись, что ты делаешь?» А она смотрит на сопротивляющуюся меня, из последних сил цепляющуюся за всё, что можно, и улыбается. А меня всё сильнее и сильнее затягивало в кувшин, пока я окончательно не ослабла и не оказалась внутри его. А потом пробка запечаталась, и я погрузилась в состояние, сравнимое со сном, только без сновидений. И проснулась я только тогда, когда ты произнес кодовое слово, отменяющее заклинание.

— И какое же это слово? — Андрей глубоко затаился, задержал дым в лёгких и выпустил его кольцами через рот. Он не знал тарингийского языка, тем более, не мог знать никаких кодовых слов. Может, Джина что-то путает?

— «Етбля», что значит, в переводе с нашего языка «освободись».

И тут до Светлова дошло, что он и не планировал никого освобождать. То, что он сказал, точнее, выкрикнул, было реакцией на падение с серванта кувшина, который был ему дорог, как память о путешествии в Египет, как напоминание об эстонке, в постели с которой он провел незабываемые, даже не минуты — часы! Поняв, что он мог в момент падения египетского кувшинчика сказать, Андрей рассмеялся. Перестав смеяться, посмотрел на Джину.

— Я сказал тогда: «Нет, бля», а в русском языке, зачастую, к освобождению это не имеет никакого отношения.

— Ну, и что. Всё равно, пусть даже неосознанно, но ты меня вызволил. Значит, ты сейчас мой господин и повелитель, проводник в своём мире. И мы с тобой будем вместе навеки...

— Я столько не проживу, — Андрей печально улыбнулся. — Увы, люди в наше время столько не живут.

— Ничего, со мной проживёшь, — она положила руку ему на плечо. В тот момент Андрей понял истинное значение слова «прибалдеть», так как от прикосновения Джины ему стало не просто хорошо, а очень хорошо, как никогда в жизни. Он почувствовал, как напрягается его член, и шевелятся волосы на голове. Хотя он включил всё своё актерское мастерство, чтобы не подавать вида, но по хитрому прищурю глаз Джины было видно: она знает, что ему хорошо. И ей это нравится. Жаль только, что ощущение безграничного счастья длилось недолго. В какой-то момент милая чародейка убрала руку от плеча Светлова и встала

со скамьи. Ощущение блаженства какое-то время продержалось, а потом стало улетучиваться. Только член не желал опадать и стоял, как оловянный солдатик.

— Я полагаю, что больше тебе рассказать нечего, да? — спросил Андрей, глядя на девушку снизу вверх, любуясь её грудями, обтянутыми платьем, украшенным дорогими камнями.

Джина прикрыла глаза. Открыв их, произнесла:

— Ночь в твоём мире ещё не закончилась. А для того, чтобы продолжить рассказ, нужен кувшин. Я буду считывать информацию с него.

— Но как? — Светлов хотел сказать, что кувшин сейчас находится в его квартире и перетащить его в сон, скорее всего, будет проблематично, но пузатый кувшинчик тут же появился в руках чародейки. Он начал переливаться всеми цветами радуги в её руках, рисунки и письма на нём стали меняться.

И только в тот момент Светлов заметил, что жизнь вокруг беседки словно вымерла: куда-то пропали люди, которые спешили по своим делам, пропали ящеры, тянущие за собой груженные барахлом повозки. Небо было чистым, не летали там никакие птеродактили. Стало тихо. Андрей понял, что без Джины тут не обошлось. Она специально убрала всё лишнее из этого сна, чтобы ничего Андрею не мешало выслушать или правильнее сказать — увидеть её историю, чтобы всё понять и не пропустить ничего важного. А важных моментов там могло быть много. Слишком много.

— Возьмись за кувшин правой рукой и дай мне левую, — чародейка присела на скамейку. Андрей вынул изо рта мундштук, положил его на маленький столик, которого раньше в беседке не было, но появился он как раз вовремя. Правые и левые руки Светлова и Джины сцепились в замок. Свою левую руку прекрасная колдунья приложила к кувшину, тем самым замкнув цепь. — Не думай ни о чем и расслабься...

Андрей подчинился. На какое-то мгновение он снова ощутил блаженство, почувствовал, как маленькие разряды, исходящие от кувшина, пробегают по руке и распространяются по всему телу. Как только эти разряды наполнили Светлова «под завязку», он увидел Джину, лежащую на кровати в своих покоях. Глаза её были закрыты, лицо посинело. Вокруг неё суетились люди в длинных мешковатых одеждах. Андрей понял, что это были придворные лекари. Один из них делал Джине искусственное дыхание изо рта в рот, потом — массаж сердца, но девушка не подавала никаких признаков жизни. Только Светлов подумал, что медицина у них явно не на высоком уровне, два лекаря вкатили в покои нечто

похожее на аппарат для магнито-резонансной томографии. Один из лекарей нажал на кнопку на панели. Тут же по краям аппарата загорелись белые лампочки, сигнализируя о полной готовности. Тело Джины положили на выдвижной стол, и аппарат быстро втянул её в себя. Через небольшой лючок в корпусе неведомого Андрею устройства он видел, как к телу девушки присасываются присоски, как сквозь неё пропускают электрические разряды, от которых дергаются её руки и ноги, но всё время слышится печальное «пи-и-и-и», говорящее о том, что сердце девушки запустить невозможно, как невозможно оживить то, что уже мертво.

В какой-то момент взмокший от пота лекарь, который делал Джине искусственное дыхание, повернулся к своим коллегам и что-то сказал им. Один из них с печальным лицом подошел к панели на корпусе аппарата, нажал на кнопку. Машина тут же выплюнула тело девушки и отключилась. Огоньки погасли.

— Вот так я умерла, — прокомментировала чародейка. Из её глаз выкатились две слезинки и потекли по щекам, оставляя влажные следы, которые моментально высыхали.

Вторая картинка: Андрей увидел дворец Ахома вблизи, увидел красную ковровую дорожку, тянущуюся от входа во дворец и до самых ворот. Увидел он и толпу людей, стоящую перед дворцом по обе стороны дорожки. На дорожке стояла только человек двадцать, одетых во всё черное.

Светлов парил над дорожкой, над толпой. Рядом с ним была Джина.

— Это мои родственники, — сказала она, указав рукой на людей в черных одеждах.

— Они могут нас видеть? — поинтересовался Андрей, но он уже знал, что она ответит.

— Нет.

Из дворца вышел высокий мужчина в одеждах, украшенных драгоценными камнями и расшитых золотом. На его голове красовалась корона. Высокий воротник делал его похожим на павлина. Вокруг него толпились хорошо вооруженные стражники. Рядом с ним стояла красивая женщина в платье, на изготовление которого ушло, наверное, килограммов сто золота и бриллиантов. Глядя на эту парочку, Светлов понял, что это и есть царь с царицей.

Ахом постоял немного, глядя на толпу сквозь зазор между двумя стражниками, стоящими перед ним, потом что-то громко сказал. Стражники разошлись в разные стороны, царь выдвинулся вперед и по дорожке направился к родственникам Джины. Подойдя к ним, он стал им что-то говорить. Поначалу для Андрея

это был лишь набор отрывистых звуков, но потом он вдруг из этих звуков начал выхватывать слова, которые складывались в фразы и предложения. Как будто Андрей уже когда-то знал этот язык, но потом забыл его и только сейчас случайно вспомнил. Нет, он не удивился этому. Он знал, что это ему передалось от Джины, которая крепко держала его за руку.

— ... Ваша дочь была лучшей чародейкой, — говорил Ахом, обращаясь к родственникам Джины. Стоит отдать им должное — никто не плакал, женщины не голосили и не падали в обморок. Все стойко держались, но лица у всех были одинаково скорбными. — Её каменное изваяние займет достойное место в моем дворце, и она будет похоронена с почестями, как член царской семьи!..

Следующий кадр: та же толпа людей в черном. Они стоят у вырубленной в скале усыпальницы. Напротив усыпальницы стоит саркофаг с телом Джины, чуть в стороне — непонятная установка, за пультом которой стоит старичок с длинной седой бородкой. Он одет так же, как придворные лекари, но на голове его красуется шлем, как у велосипедистов.

— Прощай, дочь! — сказал мужчина в годах и, обернувшись, махнул рукой старичку в шлеме. Тот сразу же нажал на какую-то кнопку на пульте, саркофаг плавно поднялся в воздух и влетел в вырубленную в скале нишу. После чего лежащая рядом с усыпальницей большая плита взлетела и закрыла вход в усыпальницу. На плите было что-то написано. Хотя Андрей понимал тарингийский язык, но прочитать надписи на плите, сколько бы ни смотрел на неё, не смог. Но подумал, что, скорее всего, там написаны все имена Джины, дата рождения, дата смерти. И снизу, наверняка, приписано что-то вроде: «Любим, скорбим». Иначе никак.

Андрей огляделся. Вокруг — только скалы с вырубленными в них усыпальницами. И на всех плитах были надписи. Должно быть, это и было кладбище царей Тарингии — печальное, унылое место, где находили свой покой сильные мира сего, точнее, мира, в котором когда-то жила Джина. Это место угнетало, навевало тоску. Оттуда хотелось убежать, а лучше — улететь. А во сне это сделать — вполне реально!

Похоже, Джине тоже не хотелось там задерживаться, а потому она снова перенесла Андрея в беседку. На долю секунды он увидел слёзы на её щеках, но только на долю секунды, потому что слёзы быстро высохли.

— Да, печальное зрелище, — вздохнув, произнесла она. — Никогда не думала, что нет ничего тяжелее, чем видеть собственные похороны... Ужас! Ну, ладно, не будем о грустном.

Сейчас я хочу посмотреть, что было с кувшином, пока я была внутри его. Ты будешь смотреть?

— Да, — Светлов кивнул головой. Раз уж это необычный сон, он возьмет от него всё, чтобы запомнить, а потом вспоминать всю оставшуюся жизнь. Когда он ещё такие сны увидит? Да никогда!

— Хорошо. Расслабься!

Андрей сначала услышал смех, потом увидел Одджит, держащую кувшин с заточенной в нем душой Джинны на ладони. На этой большой ладони он выглядел, как наперсток.

Одджит находилась в царском дворце, на ней было дорогое платье. Её шею украшала толстая золотая цепь, а уши оттягивались вниз под тяжестью массивных сережек. Она стала придворной чародейкой. Сбылась её мечта. Она счастлива.

Следующая картинка: Одджит стоит перед тронном царя.

— Завтра будет бой, — говорит Ахом. — Если мы победим, мне достанутся земли Северной Кадии, тебе — личный дворец, рабы и десять мер золота. Наколдуй какую-нибудь болезнь для войска Кэнти Лучезарного, а мою армию сделай неуязвимой.

— Слушаюсь, — Одджит кланяется, выходит из тронного зала. Потирает руки в предвкушении скорого богатства, шепчет себе под нос: — Вот это да! Никто из нашего клана своих дворцов ещё не имел. А у меня дворец будет! И куча рабов! Вот это будет жизнь...

«Жизнь» ещё не началась, а Одджит уже представляла себя чуть ли не царицей, купающейся в золоте и в бриллиантах. Улыбка не сходила с её лица, когда она пила вино в уличной забегаловке. Та же улыбка не сходила с её лица, когда она всю ночь развлекалась с молодыми стражниками. Какой там бой? Всё потом...

Утром она проснулась опухшей, с головной болью. В глазах всё двоилось, её покачивало.

«Как мне это состояние знакомо! — думал Андрей, с сочувствием глядя на неё сквозь время и расстояние. — Жизнь идёт, но ничего не меняется!»

Выпив бокал мутной жидкости, Одджит почувствовала себя гораздо лучше. Она присела за столик, открыла перед собой толстенную книгу. В тот момент Светлов не сомневался, что это и есть та самая «Книга Знаний». Он даже не знал это — чувствовал.

Что-то пробубнив себе под нос, закрывая одной рукой левый глаз — видимо, для того, чтобы буквы в глазах не двоились, — Одджит достала из потайного шкафа, вмурованного в стену, банку с какими-то засушенными насекомыми, которые были похожи и на мух, и на пчел, только даже высушенными они были больше любой мухи или пчелы. Когда она открыла банку и, держа

над ней руку, прошептала заклинание, насекомые вдруг стали оживать. Они вылезали из банки и, расправив большие крылья, с громким жужжанием вылетали в распахнутое окно. Их оказалось не просто много, а очень много. Тёмный поток насекомых вылетал из банки минут пять, пока не иссяк. Когда последняя муха — или как там её — вылетела наружу, Одджит с довольным видом закрыла окно, извлекла из сундучка, стоящего у ножек столика, стеклянный шар и, держа перед ним руки, словно грея их в светло голубых лучах, стала пристально вглядываться в шар.

Всё, что показал магический шар, Андрей видел глазами Одджит. А видел он две большие армии, стоящие друг напротив друга, которые разделял поросший травой пустырь. Большинство воинов были в темных доспехах, со щитами, с мечами, копьями. Но это были именно простые воины, которых правильнее назвать пушечным мясом. Воины покрупнее, более высокого ранга, были в золотистых доспехах. А в руках они держали нечто похожее на ружья с толстыми стволами.

Воины попроще восседали на больших ящерах, вымерших миллионы лет назад. Крутые же вояки летали над ними на антигравитационных платформах, и отдавали команды, которые, усиленные динамиками, разносились по пустырю и с той, и с другой стороны:

— Стоим! Держим строй!

— Без приказа царя не атакуем!

Кроме воинов, Андрей заметил и с той, и с другой стороны пушки, танки и нечто похожее на дроны.

Всё-таки много-много лет назад была довольно развитая цивилизация.

Ахом, облетая на большой скорости войска, прокашлялся и поднял вверх руку. Сейчас он гаркнет в микрофон, и начнется...

Светлов с замиранием сердца затаил дыхание. Сейчас он увидит на-стоящий бой, а не мультик, сделанный на компьютере. Сейчас-сейчас...

Как только Андрей вспомнил про насекомых: мухоподобных пчел или пчелоподобных мух — воины вдруг стали кричать, хлопая себя по различным частям тела руками. Их стройные ряды мигом превратились из армии в нечто неорганизованное. Кто-то побежал назад: туда, где свысока за армией наблюдали царь и его свита. Но только хаос начался не в войсках Кэнти Лучезарного, а в рядах тарингийцев. Но должно было быть всё наоборот!

— Жопа кендария! Сухая дырка в промежности старухи! — слышались ругательства Одджит. — Я стороны света перепутала. Вот дура-то!.. И что теперь делать? Ой, мамочки!.. Дырка в промежности старухи, пьяная тупая дырка! Царь в эту

дырку раскаленный металл зальет...

Пока в войсках царя Ахома твори лось нечто невообразимое, воины на противоположной стороне смотрели на это безобразие через приборы, похожие на бинокли и недоуменно переглядывались.

Тарингирийские воины с душераздирающими криками падали на землю. Их тела покрывались язвами, из которых сочился гной. Их глазные яблоки лопались, а из-под доспехов сочилась кровь. Они срывали с себя латы, шлемы, корчась в предсмертной агонии. Их головы раздувались до огромных размеров, а когда воины срывали с себя шлемы, головы разлетались в разные стороны, словно кто-то невидимый приставлял к ним дробовик и нажимал на спусковой крючок.

Кругом кровь, мозги, гной. Вонь стоит невыносимая, Светлов её чувствует, близок к тому, чтобы блевануть. Тела быстро разлагаются, над ними кружат проклятые насекомые, каждое из которых не уступает в размерах мадагаскарскому таракану.

Над всем этим хаосом летает на антигравитационной платформе царь Ахом. Он кричит что-то в микрофон, но его голос тонет в предсмертных криках его воинов и лязге металла. Царь понимает: что-то пошло не по плану, но ничего не может исправить. Из его груди вырывается крик. Это крик отчаяния, но его не слышно. И, кажется, что Ахом ловит ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. В какой-то момент царь сгибается пополам и начинает в бешенстве молотить кулаками по панели управления «антиграва». Платформа тут же начинает дергаться из стороны в сторону, Ахом теряет равновесие и падает вниз. Он летит прямо на однородную массу бьющихся в конвульсиях тел — то, что осталось от некогда могущественной армии. Его армии.

Одджит всё это видит. Её грудь часто вздымается, глаза расширены от страха, рот перекосило в страшной гримасе. Длится это недолго — не больше минуты. В какой-то момент чародейка начинает, как ошпаренная, носиться по своим покоям, укладывая в сундук всё самое ценное — ювелирные украшения, деньги в мешочках, предметы из золота. Этого добра оказалось так много, что крышка сундука не закрывалась. Одджит даже садилась на неё своим задом, сильно разросшимся за время работы придворным чародеем, но это не помогло.

— Что же делать? — растерянно чародейка смотрит по сторонам.

В это время в покои входит рабыня с подносом в руках. На подносе стоят бокал, графин с красным вином и тарелка с диковинными фруктами, которых Светлов даже на картинках в книжках не видел. Видно, что рабыня совсем другого рода-

племени. Она гораздо ниже ростом, чем Одджит, смуглая, горбоносая.

— Будете есть-пить? — спрашивает рабыня.

— Оставь поднос и иди отсюда! — грубо отмахивается от неё придворная чародейка.

— Я слышала, что Кэнти Лучезарный разбил армию нашего царя, — ставя поднос на пуфик, с наигранной печалью в голосе проговорила рабыня. В глазах её при этом поблескивали искорки радости. — Враги на подходе к городу. Вам бы спрятаться или уйти по тоннелю...

«Сейчас кому-то глаз на жопу натянут, но этим кем-то буду не я», — говорил взгляд рабыни.

— Успею.

Пожав плечами, рабыня направилась к выходу из покоев, когда она уже положила руку на массивную дверную ручку, чародейка её окликнула:

— Мастика!

Рабыня замерла, обернувшись в пол-оборота. На лице появилось удивление. Видать, госпожа никогда её не называла по имени.

— Чем-то могу ещё быть полезной?

— Ты хочешь, чтобы твой сын поправился?

Смуглая рука соскользнула с дверной ручки. Рабыня мигом переменилась в лице, ссутулилась. Мелкими шажками подойдя к Одджит, опустилась на колени.

— Откуда вы знаете про моего сына?

— Некогда мне вдаваться в такие подробности. Так ты хочешь, чтобы он поправился?

— Да, — подняв глаза на чародейку, ответила Мастика. — Очень хочу.

Одджит подошла к большому шкафу из белого дерева, достала из него мензурку с зеленой жидкостью. Эту жидкость она вылила в бокал и протянула его рабыне.

— Ты должна это выпить сейчас. А когда стемнеет, нужно поцеловать сына в лоб и сказать: «Болезнь, уйди»! Уже завтра Косей поправится.

Пробежавшая по лицу рабыни тень сомнения улетучилась, едва она услышала имя сына. Мастика решительно взяла бокал и выпила его содержимое.

— Чего ради вы так... - рабыня не закончила, упав на пол без чувств, громко стукнувшись головой.

— Какая же ты дура, — произнесла чародейка, наливая себе в бокал той же зелени, усаживаясь за столик и открывая всё ту же толстую книгу. Начала читать вслух, водя пальцем по строчкам.

— Она делает обмен телами. — Голос Джинны заглушил бормотание чародейки. Андрею подумалось, что Джина специально отвлекла его, чтобы он не запомнил слова заклинания. Это же магия, а не игрушка. — За свою жизнь она это делала очень часто. Именно так Одджит дожила до наших дней. В последнем теле застряла надолго, так как нужна была магическая энергия, которой был заряжен кувшин. Поэтому она тебя и обхаживала...

Чародейка замолчала, залпом осушила бокал и рухнула на пол вместе со стулом. Несколько секунд не происходило ничего, после чего изо рта рабыни и госпожи вылетели белые сгустки, похожие на облака пара. Сгусток изо рта Одджит залетел в рот рабыни, а сгусток из тела Мазики всосала в себя чародейка.

Грудь рабыни стала подниматься вверх и опадать. Её веки затрепетали, и она приподнялась на локтях, осматривая себя.

— Получилось, — Одджит в теле Мазики поднялась, взяла со стола тол-стую книжку, закрыла её и сунула себе под мышку. Опрометью бросилась прочь из покоев, с грохотом захлопнув дверь. Через минуту дверь открылась. Андрей подумал, что чародейка в спешке забыла какую-то важную для неё вещь и вернулась за ней, но в покои вошел царь. На Ахома было страшно смотреть: голова разбита, слипшиеся, красные от крови волосы свисают паклями; правый глаз болтается на кровавой ниточке, кровь из глазницы заливает пол-лица, кровь сочится и сквозь пластины доспехов. Некогда богато украшенные доспехи царя были изрядно пробиты во многих местах и помяты. Глядя на него, можно было подумать, что именно так выглядит человек, попавший под несущийся на полной скорости самосвал. Царь сильно прихрамывал на левую ногу и при ходьбе опирался на меч в ножнах, как на трость. Шаркая, он шел по зале, оставляя за собой кровавые следы. В тот самый момент рабыня в теле Одджит зашевелилась. Она приподнялась на локтях, беззвучно выругалась на своем языке. Заметив царя, вскочила, подбежала к нему и упала на колени, низко склонив голову.

— Зачем ты мне злом за добро отплатила, а? — Ахом вынул меч из но-жен.

— Я не понимаю вас, великий царь.

— Вместо того, чтобы сделать мою армию неуязвимой, ты наслала проклятие на неё! — Царь обхватил двумя руками рукоятку меча и поднял меч над головой.

— Я всего лишь рабыня, — не поднимая головы, произнесла Мазика. — Не умею насылать проклятия. Это умеет только Одджит.

— Одджит, как смеешь ты издеваться надо мной? Ты не

боишься смер-ти?

Рабыня вдруг посмотрела на свои руки, на платье. Потом начала хлопать ладонями по своему телу, будто пытаясь сбить с него пламя.

— Нет! — закричала она, вскакивая и подбегая к зеркалу. Когда она посмотрела на своё отражение, лицо её перекосила гримаса ужаса. — Нет! Нет!.. Одджит заколдовала меня...

Мазика обернулась, чтобы посмотреть на царя, но тот уже стоял рядом с ней. Взмахнув мечом, он отсек рабыне голову. Кровь забрызгала зеркало, пол, потолок, пока голова летела с плеч. Когда голова и обезглавленное тело упали на пол с глухим стуком, царь кинул взгляд на графин с вином, стоящий на подносе.

— Проклятая пьяница, — подойдя к пуфику, Ахом разбил мечом графин, искромсал поднос, разрубил в щепки пуфик. В тот самый момент за окном раздался хлопок. Оконное стекло разлетелось на тысячи осколков, а верхняя часть головы царя и его мозги растеклись по стене. Из обмякшей царской руки со звоном на пол упал окровавленный меч, после чего рухнуло тело. В тот самый момент через окно в покои бывшей чародейки убитого царя стали заскакивать воины Кэнти Лучезарного с причудливыми ружьями в руках. Они быстро разбегались по покоям, убивая всех, кто встречался у них на пути, хватая всё, что считали более-менее ценным. Один из них остановился у столика, за которым работала Одджит, двумя пальцами взял с него кувшинчик с заточенной в нем душой Джины, рассмотрел кувшин на свет, ухмыльнулся и положил его в кожаный мешочек, привязанный черными тесёмками к широкому ремню.

В тот же момент Одджит в теле рабыни, бегущая по плохо освещенному подземному тоннелю, всё ещё держащая толстую книгу под мышкой, резко остановилась, хлопнула себя свободной рукой по лбу.

— Вот я дура-то! Сосуд с душой Джины забыла! И что теперь делать?.. Ладно, потом за ним вернусь, когда всё уляжется.

И она побежала дальше, навстречу маленькому проблеску яркого света на другом конце тоннеля.

— И всё-таки, зачем ей этот кувшинчик? — Вопрос сорвался с губ Андрея сам по себе, некстати. Он не хотел его задавать, просто подумал об этом. — Ей нужна была твоя душа?

— Нет, — ответила Джина. — На мою душу ей, как ты любишь говорить, насрать. Кувшин — ценный артефакт, под завязку заряженный энергией, без которой не получится никакое нормальное колдовство. Кувшин никогда не разрядится, так как сам может заряжаться. Книга Знаний в руках Одджит — просто

книга. А вот в сочетании с источником энергии, типа кувшина, она становится волшебной и с помощью неё можно творить настоящие чудеса.

— А как она умудрялась менять тела? Ей кто-то из других колдунов помогал, да?

— Не обязательно. — В тот момент Светлов не видел лица Джины, но знал, что она улыбается своей очаровательной и одновременно — загадочной улыбкой. — Она могла обладать на тот момент другими заряженными артефактами, не такими мощными. Их можно покупать, воровать, выкапывать из земли, можно самостоятельно зарядить, но это процесс долгий и не всегда помогает добиться нужного результата.

— Понятно...

Далее Светлов увидел историю жизни того воина, который забрал кувшинчик. За боевые заслуги царь Кэнти Лучезарный присвоил ему высокий чин при дворе. Теперь уже бывший воин стал богатеть, купил себе шикарный особняк, завел сразу пять жен, которые нарожали ему кучу детей. Умер тот воин в глубокой старости, в окружении многочисленных скорбящих родственников. А вот его потомкам, которым доставался кувшин, везло не так сильно. Они благополучно промотали состояние своего богатого предка и умерли в нищете.

Последний из потомков того воина выкинул кувшин в реку. Его через какое-то время нашел бедный рыбак в желудке выловленной им рыбы. Отдал кувшинчик своему маленькому сынишке, дескать, пусть играет. Рыбак через какое-то время заболел неизлечимой болезнью и умер, а вот его сын разбогател, прожил долгую и счастливую жизнь. Перед смертью он отдал кувшинчик своему праправнуку, который прожил богатую, но короткую жизнь и умер от укуса ядовитого паука.

То, что за короткое время увидел Светлов, можно было бы запросто назвать сериалом под названием «История египетского кувшина». Это был интересный, захватывающий сериал, просмотренный на очень быстрой перемотке, в котором судьба других потомков рыбака почему-то осталась за кадром. Зато кувшин показал многочисленные извержения вулканов. Андрей увидел реки раскаленной лавы, тучи вулканического перла. После чего наступила кромешная тьма. Едва Андрей подумал, что сериал закончился, появилась новая картинка: кувшин выкапывают из земли чьи-то смуглые руки. Это были уже не руки великанов, а руки мужчины, который был такого же роста, как и Андрей. И Светлов подумал, что раса великанов либо вымерла, либо люди просто уменьшились в размерах.

Мужчина, который вырыл кувшин из земли, помыл его в

ручье, отнес в свою лачугу и поставил на стол. С того самого момента ему, что называется, масть поперла. Спустя какое-то время мужчина нашел клад, получил богатое наследство, открыл свою мануфактуру, которая занималась пошивом одежды. Клиенты — только состоятельные дамы и господа. Заказы сыплются, как из рога изобилия. На месте полуразвалившейся хибары стоит шикарный особняк. Жена-красавица, дочери-умницы...

Всё шло хорошо, но убил мануфактурщика один из его работников, не довольный оплатой труда. Сначала избил до полусмерти, а потом изнасиловал жену и дочерей, забрал мешок денег и кувшинчик. Работягу того поймали и казнили, отделив голову от тела на городской площади. Кувшин перешел к палачу. Палач поставил его дома на полочку, лёг спать и не проснулся.

И дальше пошло-поехало: кувшин передавался по наследству родст-венникам, дарился и продавался, его много раз крали, несколько раз пыта-лись уничтожить. Одним он приносил радость и материальное благополучие, другим — нищету и скорую смерть. Впрочем, никто из его владельцев Андрея так не интересовал, как предпоследний. Оказалось, что араба, похожего на азербайджанца, звали Абдулазиз. Детство его прошло в роскоши. Он был таким «золотым» ребенком. Родители его баловали, он ни в чем не нуждался. Когда вырос, получил неплохое образование, начал работать у отца. Отец его — Гани Гафур — был одним из богатейших людей Египта, преуспевающим бизнесменом. У него были деньги, власть, связи. Разумеется, всё это у него было потому, что он был хранителем волшебного кувшина, который он случайно нашел, будучи ещё подростком, роясь в куче мусора на свалке. Сам-то он был из бедной семьи, но, после того, как кувшин занял почетное место на сколоченном из ящиков столике, в доме больше похожем на сарай, у него вдруг стали появляться деньги. В первую очередь, это были доходы от случайных заработков. Потом он выиграл крупную сумму денег на скачках, после чего его взял на работу состоятельный господин, имени которого кувшин не стал раскрывать. Для этого господина Гани Гафур сначала выполнял мелкие поручения, потом работал дворецким, а потом стал правой рукой своего работодателя, после смерти которого он с легкостью открыл своё дело, которое даже не пошло, а попёрло в гору. У Гани Гафура были свои магазины, закусовые. Он планировал построить свой отель, но тут в его дверь постучалась смерть.

И вот, лёжа на смертном одре, иссохший, как мумия, он едва заметным движением руки подзывает к себе Абдулазиза.

Манящим движением пальцев просит его нагнуться. Когда сын выполняет его просьбу, Гани шепчет ему в ухо: «Кувшин твой», и испускает дух.

Рассмотрев кувшин на свет, увидев надписи и рисунки на его стенках, Абдулазиз понял, что кувшин-то отнюдь не простой. Именно он каким-то образом помогал отцу строить бизнес-империю и процветать, несмотря ни на что. Абдулазиз спрятал кувшин в сейф и ожидал, что заживет ещё лучше отца, но не тут-то было! Дела с каждым днем шли всё хуже и хуже. Финансовая крепость, которую строил отец, распадалась на глазах по кирпичику, рушилась, как картонный домик. В конце концов, от всего, что оставил после себя Гани Гафур, остались двухэтажный дом на окраине Хургады и торговая точка на крытом рынке, которая не приносила никакой прибыли. Разумеется, будучи человеком неглупым, Абдулазиз понял, что всё дело в кувшине, который принёс счастье отцу, а его разорит и убьёт. К гадалке не ходи. Тогда и решил Абдулазиз избавиться от проклятого кувшина, продав или отдав его кому-нибудь. Других способов избавиться от него не было, так как Абдулазиз всё перепробовал, и ничего не помогало: он пробовал и разбить кувшин молотком, и выкинуть, и утопить в Красном море. Но, ни молотком, ни кувалдой, ни большими валунами, ни даже катком повредить кувшин было невозможно. Топя кувшин в море, выкидывая его на помойку или зарывая в землю, Абдулазиз всегда возвращался домой и находил треклятый кувшин в сейфе. Он видел яркий свет, исходящий от кувшина, пробивающийся через щель между стенками сейфа и дверцей или слышал тихое гудение, которое издавал кувшин, похожее на виброзвонок мобильного телефона. Такими сигналами он словно приветствовал своего владельца. Это были издевательские приветствия, которые выводили Абдулазиза из себя.

Спрашивается, откуда Светлов до этого догадался, не зная египетского диалекта арабского языка и не умея читать мысли? Да всё просто: в плане языка у него снова возникло ощущение, что он знал этот язык. Быть может, говорил на нём в своих прошлых жизнях. Если до новогодней ночи 2016 года он не верил ни в какие реинкарнации, сейчас, в своём нереально сказочном сне, поверил во всё. Чем дальше кувшин рассказывал, правильнее сказать показывал историю жизни Абдулазиза, тем быстрее Светлов вспоминал египетский диалект, извлекая из памяти всё новые и новые слова, фразы.

А что касается чтения мыслей, тут тоже всё было просто: кувшин, к которому всё ещё была прислонена ладонь Андрея, посылал ему до такой степени яркие зрительные образы, что ему

и без слов всё было понятно. Он не только понимал, о чем думает Абдулазиз, но и чувствовал всё, что ощущал араб, дышал с ним одним воздухом. Они были словно связаны какой-то невидимой нитью, связью, которую можно назвать телепатической, а можно назвать судьбой. Джина тоже была связана и со Светловым, и с Абдулазизом этой нитью. Но она-то была духом, лишенным тела, загадочной сущностью, и для неё это было чем-то нормальным, в то время, как Андрей был человеком, мужчиной из плоти и крови, живущем в двадцать первом веке, который где-то в глубине души принимал всё происходящее с ним за сон и боялся проснуться в «дурке», одетым в смиренную рубашку. Он даже отчетливо видел толстомордого санитаря в белом халате, который смотрит на него, пристегнутого к больничной койке, сверху вниз и говорит: «Что, приятель, допился? Сейчас мы тебе сделаем укольчик, и ты у нас станешь тихим и добрым... Овощем! Ты станешь овощем».

— Ты не попадешь в психбольницу. — Голос Джины, отдающийся эхом в голове Андрея, разорвал в клочья образ мордастого санитаря, койку и смиренную рубашку. — Я не допущу этого.

«Дурку» и санитаря Светлов представил отнюдь не случайно. Об этом думал. Увы, одними магнитами дело не ограничилось. Хитрый торговец умудрился «впарить» Андрею такой же, как у него белый платок и такие же шлепки, но всеми силами старался гнать эти мысли из головы, говоря себе, что всё будет хорошо, всё обойдется. Но он так сильно переживал свои неудачи в бизнесе и так хотел восстановить всё то, что было при его отце, что был на грани умопомешательства. Иногда ему приходили в голову мысли о самоубийстве, но эти мысли его пугали даже больше, чем смерть от голода в придорожной канаве.

Всё шло из рук вон плохо, катилось по наклонной плоскости всё быстрее и быстрее, пока в один прекрасный момент на крытый рынок не зашёл Андрей.

Он увидел себя со стороны — небритого, с глупой улыбкой на лице, в дурацкой кепке, в мятых шортах, в цветастой рубашке. Смешно шлепая сланцами по полу, и вертя во все стороны головой, он был сильно похож на гуся. Кувшин, стоящий тогда под прилавком, радостно засветился всеми цветами радуги, и Абдулазиз понял, что тот олух, которому он всучит кувшин, пришёл. Вот он! Вот тот самый человек, которому он отдаст кувшин, а вместе с ним все свои горести и несчастья.

Абдулазиз ни на йоту не сомневался в том, что Светлов будущий хозяин кувшина, а потому прежде, чем отдать ему кувшин, продал тому магниты, платок и шлёпки. Кувшинчик был

подан «на десерт». Хотя Абдулазиз готов был отдать его бесплатно, он всё же поторговался и вытянул за него из Андрея десять долларов. Для него это была небывалая удача. Давно ему так не везло. Это был самый счастливый день с того самого момента, как умер Гани Гафур. И, начиная с того дня, жизнь Абдулазиза стала налаживаться. Туристы со всего мира игнорировали другие торговые палатки и валом шли только к нему, покупали только его товар. Деньги потекли рекой...

Джина отпустила руку Светлова. Магическая цепь разомкнулась, и картинка пропала. Они снова сидели в беседке. Перед Андреем стоял кальян, но ему почему-то больше не хотелось его курить.

— У него сейчас всё хорошо, — задумчиво произнёс Андрей, глядя на Джину. — А ты уверена, что меня не постигнет участь тех, кому кувшин не принёс ничего, кроме горя?

— Абсолютно. — Судя по её глазам, по уверенности в её голосе, говорила она чистую правду. — А ты сам-то вспомни, было ли что-нибудь в твоей жизни плохое после того, как ты стал хранителем кувшина?

Андрей попытался вспомнить, но не смог. Получалось, что она права. Действительно, всё было хорошо, за исключением этого Нового года.

— Ну, — Светлов снова засунул мундштук кальяна в рот, хотя не хотел курить. Это произошло как-то машинально, автоматически. Затянувшись, он ещё раз прокрутил в голове события новогоднего вечера. — Из окна выпал кот, упал на голого мужика, тот упал на Одджит. Мы поссорились с Настей, я выпал из окна... Но, если я сейчас не в коме и не на том свете, то получается, что я в полном порядке. Только для того, чтобы понять, что это так, нужно проснуться.

— Логично, — Джина взяла из его руки мундштук и тоже затянулась. Когда выдохнула, из её рта вырвался дым в форме большой бабочки, который поднялся под потолок и остался висеть там, медленно тая. Вернув мундштук на место, в рот Светлова, она продолжила: — Да не в коме ты, поверь мне!.. Я знаю, что тебя немного испугало моё появление, но без огненного представления, которое ты видел, нельзя было обойтись. Мне ещё пришлось насильно притянуть тебя к себе, чтобы ты не сбежал. Это нормально. К тому же, ты не пострадал, а только, как ты любишь говорить, обделался легким испугом... Что касается кота, так это был не кот, а мужчина, которого Одджит превратила в кота и подкинула его твоей матери. Она знала, что твоя маман рано или поздно отдаст кота тебе. По её коварному плану, если бы ты не отдал ей артефакт добровольно, она бы расколдовала

мужичка, и тот бы задушил тебя ночью, забрал бы кувшин и отдал ей... Это мне сосуд поведал. Не знаю, как ты этого не увидел?

Вот в этом она была не совсем права! Кое-что Андрей всё-таки увидел. Кувшином владели многие поколения людей, и всё это время где-то на горизонте маячила Одджит. Несмотря на то, что она была в разных телах, при приближении её к кувшинчику сквозь абсолютно разные женские лица проступало её злое лицо.

Ей удавалось украсть сосуд много раз, но её всегда ловили. Её избивали палками, забивали камнями, ей отрубали руки, её били плетями у позорных столбов. А сколько лет она провела в заточении — вообще не счесть! И всё это из-за какого-то кувшина. Перед одной из таких «отсидок» у неё отобрали Книгу Знаний. Сейчас она хранится в подвалах Ватикана.

— Кое-что увидел, но не придал этому значения, — сказал Светлов извиняющимся тоном. — Похоже, зря.

— Кувшин заряжен не только моей, но и её энергией. Поэтому её к нему и тянуло, как магнитом. Мужика она решила использовать потому, что только он мог с тобой справиться. Но так как в образе кота он мог тебя только поцарапать, тем самым разозлить и подписать себе смертный приговор, вопрос твоего убийства повис в воздухе, пока Одджит искала другой заряженный артефакт. Найдя его, она тут же омолодилась бы, расколдовала того бедолагу, забрала бы сосуд, и ищи её — свищи её, как ветра в поле. Но высшие силы были явно не на её стороне. По иронии судьбы она проходила под твоими окнами как раз в тот момент, когда мужчина в кошачьем обличии выпрыгнул из окна. Упал-то на неё он в образе кота, но после его смерти все колдовские чары автоматически с него были сняты, вот он и стал самим собой. А тут ещё твоя пьяненькая подруга по ним проехала... Если чему-то суждено случиться, того не миновать, понимаешь? И никакая магия этого не предотвратит.

— Угу, — Светлов кивнул головой. Но, сопоставив все факты, был уверен, что это Джина всё подстроила. Не бывает таких совпадений. Не бывает — и всё тут! Ведь всё это произошло сразу же после её эффектного освобождения. Вырвавшись из плена, она сразу же смекнула, как убрать человека-кота, Одджит и Настю, так как все трое ей в дальнейшем могли помешать. И справиться с ними было легко: Одджит — старая, слабая. Мужичок в теле кота, похоже, так деградировал, что самостоятельно не смог бы пальцем в жопу себе попасть даже с пятого раза. Настя... А Настя — просто дура, которая не подставилась бы в Новый год, подставилась бы в любое другое время. Всё просто! Как два пальца обоссать! Только собрать этих трех фриков в одном месте

— тоже мастерство, которое не пропьёшь. Джине, как говорит молодежь, респект!

— Ещё вопросы есть? — Исчез кальян, вместе с ним и столик, что свидетельствовало о том, что разговор подходит к концу. Да и Джина начала проявлять лёгкие признаки беспокойства, словно вспомнила о каких-то важных незавершенных делах или опаздывала на важную встречу: она начала оглядываться по сторонам, ерзать на месте. Если бы на её изящном запястье были часы, она, наверное, уже несколько раз на них посмотрела. Но часов у неё не было. Зато на запястьях были толстые золотые браслеты, украшенные драгоценными камнями.

Вроде бы, всё было понятно, но у Светлова были ещё пара вопросов, на которые он хотел получить ответ сейчас, в этом сне, так как сомневался, что в другой раз ему что-нибудь подобное приснится. Раз уж сон ему понравился, нужно было брать от него всё, досмотреть эту мыльную оперу до конца. А потом пусть снятся эротические сны и кошмары с их незамысловатым содержанием.

— Есть, — Андрей сложил руки на груди и поскрёб подбородок. Даже во сне почувствовал под ногтями отросшую щетину. — Я видел столько поколений великанов и людей... моего роста, что задался вопросом: сколько лет тебе может быть в две тысячи шестнадцатом году? Сколько лет ты провела в кувшине?

— Ну... — Джина задумалась. Впервые за время прошедшее с момента их столь странного знакомства, Светлов увидел, как она думает. Девушка «зависла», сдвинув свои красивые брови, и уставилась в одну точку, которая, как показалось Андрею, располагалась где-то на уровне его диафрагмы. В тот момент, по старой привычке, он втянул живот и выпятил грудь. — На момент моей смерти мне было примерно двадцать пять лет. Я родилась в тысяча сорок первом году со Дня Пришествия богов, когда они спустились с небес на огненных колесницах и создали людей по образу своему. Они обучили людей многим ремеслам, наукам, подарили им некоторые устройства, которые могли бесперебойно работать тысячу лет и больше...

— Ты имеешь в виду антигравитационные платформы и вооружение?

— Да, — Джина согласно кивнула.

— А почему тебе «примерно двадцать пять лет»? — искренне изумился Светлов. — Ты забыла, сколько тебе было лет?

— Нет. В сутках было 23 часа, а не 24, как сейчас. Поэтому возможны расхождения. Но все равно, по тарингийским меркам это было ещё детство. Многие тарингийцы до сорока лет даже не

подумывали о женитьбе... Пало Тарингийское царство, образовалось новое государство — Кэнтия, которое просуществовало триста лет. А потом случились природные катаклизмы планетарного масштаба, после которых погибло почти всё живое, и время как бы обнулялось, начинало течь с нуля...

Видя, как Джина пытается определить свой возраст и размышляет вслух, Светлов подумал, что он всё это уже слышал: и про природные катаклизмы, и про пришельцев, создавших расу людей искусственным путём. И говорили это с экрана телевизора, в общем-то, неглупые люди. Он частенько смотрел эту передачу по ТВ, только никак не мог запомнить имя ведущего: Игорь Петренко, Игорь Костенко или Игорь Филиппенко. Смотря эту передачу в одно и то же время, по одному и тому же каналу, Андрей думал: «Какая же это чушь! Антинаучная, бездоказательная чушь». Однако эта чушь ему нравилась, ведь так было приятно думать, что ты произошел не от мартышек, а от инопланетян, узнать по черные дыры космоса, про русалок и прочих существей, про доисторических ящеров, доживших до наших времен, про прочую ерунду, которая засерала и без того засранный мозг. И ведь эта передача ему нравилась. И нравилась она ему, наверное, в-первую очередь, потому, что отвлекала от проблем: проблем на работе, проблем в государстве и в обществе. И, как бы тяжело ни было, не хотелось сунуть башку в петлю, а хотелось жить. Хотя бы для того, чтобы посмотреть следующий выпуск этой передачи. Вдруг там тоже чем-нибудь удивят:

«Вы не поверите, но инопланетяне высадились на Красной площади и украли мумию Ленина. Хрен с ней, с мумией, но зачем им понадобился вождь мирового пролетариата?»

Смех смехом, но многие в это поверят. И будут смотреть эту передачу с открытыми ртами. С одной стороны, чушь, но, с другой стороны, Джина только что сказала, что толика правды есть и в этой чуши. Если не лукавит, то её предков создали инопланетяне и заселили ими Землю. А как насчет других людей, не великанов? Их тоже вывели инопланетяне в своих лабораториях? А он, Андрей Светлов, тоже дальний родственник великанов или произошел от макаки? Андрей не просто хотел спросить об этом у Джины — вопросы просто были готовы сорваться с его языка, но девушка вдруг заговорила так быстро, что он не мог даже слово вставить. Позже Светлов задаст ей вопрос о том, является ли он потомком людей-великанов, и Джина ответит: «Да, иначе бы сосуд тебя не выбрал», но это будет только через полтора года.

— ...И потом, если ты внимательно смотрел историю сосуда,

ты мог видеть, что он долгое время лежал в земле и был в воде. В это время он был... законсервирован, ни с кем не контактировал. И сколько лет он находился в таком законсервированном состоянии, сказать трудно: может, сотни лет, может, тысячи или всего один год. Единственное, что могу тебе сказать, выражаясь твоей же терминологией: лет мне доху...

— Я понял, — Андрей кивнул. — А почему Оджит...

— Тебя удивляет, как женщина, имеющая прямое отношение к магии, так глупо погибла и не смогла предотвратить свою смерть? Да всё просто: как я уже говорила, без Книги Знаний, без артефактов она была очень слаба как чародей. И за годы, проведённые в заточении в башнях, подземельях и тюрьмах она не только не развивалась, но и умудрилась растерять добрую часть своих знаний. К тому же, в старом теле у неё было плохое зрение, плохой слух, болело сердце, ныли суставы, скакало давление и были прочие проблемы со здоровьем. Она даже при желании не смогла бы увернуться от летящего на неё кота. Она была обречена. После смерти она не стала снова большой потому, что большое тело она давно утратила. Ещё вопросы есть?

— Нет, — ответил Светлов, печально вздохнув. Он понял, что разговор окончен, но он бы с удовольствием ещё посидел в этой беседке и послушал приятный, с сексуальным оттенком голосок Джины. Слушать её было инте-ресно. И Андрей был уверен, что ему не было бы с ней скучно, даже если бы они говорили о политике, о спорте, об экономике, об экологии или об искусстве.

Джина словно только и ждала, когда он скажет «нет». Рывком поднявшись со скамейки, она вышла из беседки, жестом показав Андрею, чтобы он следовал за ней. Но не успел он и шага сделать, как снова оказался в облаках. Он парил в окружении невесомых белых хлопьев. Напротив его лица было лицо Джины.

— Можно, я тебя поцелую? — спросил Светлов. А что он ещё мог спросить, понимая, что сон скоро закончится, и начнется обычная серая жизнь? Так хоть будет, что вспомнить. Конечно, он хотел поцеловать Джину из чувства благодарности за то время, что увлекательно провёл с ней. Такой же вопрос, при сходных условиях, он задал бы любой другой девушке и наяву. Понятное дело, красивой. А если кончиковка сна будет эротической, это будет...

— Только быстро. Я тороплюсь. — Джина прикрыла глаза, её губы по-детски вытянулись в трубочку.

И Светлов поцеловал её. Хотя слово «поцеловал» в данном случае не подходит. Он засосал её мягкие, влажные губы, впился в них и смаковал, наслаждаясь каждой секундой. Какое это было блаженство! Без преувеличения можно сказать, что это был

волшебный поцелуй. Ощущения были непередаваемые. Казалось, этот поцелуй может длиться вечность. И он длился бы вечность, если бы Андрей на этом остановился, а не решил сказочный сон превратить в эротический. В страстном порыве он прижал Джину к себе. Его руки скользнули по её стройной талии и опустились ниже, сжав ягодицы. Почувствовав под ладонями молодую, упругую плоть, пусть даже обтянутую дорогой материей, Светлов не на шутку возбудился. Организм тут же среагировал на это стойкой эрекцией. На этом всё и закончилось.

Глаза девушки вдруг широко открылись, из груди вырвался сдавленный возглас протеста, после чего она быстрым движением рук сбросила со своих упругих ягодиц руки Андрея и оттолкнула его от себя. Хотя толчок этот был несильным и безболезненным, Светлова отбросило от Джины на довольно-таки приличное расстояние, достаточное для того, чтобы она в его глазах моментально уменьшилась до размера мухи. Его эрекции и след простыл, а в голове промелькнула только одна мысль: «Вот я — осёл! Какой сон испортил».

И он полетел спиной вперёд, совершая в воздухе кувырки назад. Земля под ним завертелась с бешеной скоростью. В висках застучало так, будто мозг одновременно долбили сразу сотни дятлов, каким-то образом оказавшиеся в голове. Грудную клетку сдавило так, словно на грудь сел слон. Африканский слон, с большими бивнями и большими морщинистыми яйцами. Дышать было трудно, куда уж там — кричать. Оставалось только смотреть слезящимися от сильного ветра глазами, как земля и небо с огромной скоростью меняются местами.

Но вот, в какой-то момент, всё замерло, и Светлов начал камнем падать вниз. Он падал на родной Челябинск, запорошенный снегом. Город, который, будучи подсвеченным фонарями уличного освещения, фарами редких машин и светом, бьющим из окон домов, выглядел точно так же, как на снимках со спутника при быстром увеличении.

Вот Андрей увидел свой дом на улице Дегтярева, который похоже спал и видел сны. Двор не приветствовал возвращение Светлова ни салютами, ни фейерверками, ни радостными криками. Перед домом никого не было, и ничто не напоминало ни про бабу, на которую упал мужик в обликии кота, ни про Настю, которая сначала на своей машине проехала по толпе, а потом врезалась в машину полицейских.

Крыша дома приближалась неумолимо быстро. Так быстро, что Андрей в какой-то момент подумал, что магические способности Джины ему не помогут, и в этот раз он разобьется в лепешку. От страха его яички сжались, уменьшившись до размера

фундука, а глаза, наоборот, расширились до невероятных размеров. Наверное, такими же глаза были у кота, когда он летел с восьмого этажа.

Когда, казалось бы, уже всё, конец неизбежен, сейчас тело превратится в кроваво-красную, бесформенную массу, крыша вдруг стала такой же призрачной и зыбкой, какой в первые минуты знакомства была Джина. Но, несмотря на это, когда Андрей пролетал сквозь девятый этаж, скорость его падения значительно снизилась. Достаточно, чтобы он увидел пьяного соседа сверху, спящего на полу, в луже собственной блевоты, в обнимку с бутылкой водки. Достаточно, чтобы подумать: «А говорил, что спортсмен, поэтому не бухает».

Пол соседской квартиры услужливо расступился, когда Светлов должен был рухнуть на него, и Андрей увидел свою кровать — готовую к употреблению, манящую пахнущей крахмалом простынёй, белоснежным пододеяльником, взбитой подушкой.

Но ведь этого не должно было быть! Андрей не убирал леопардовое покрывало. Он был настолько пьяным, что даже не удосужился раздеться. И он это помнил. И, пока эта мысль, как булавкой, кольнула мозг, его тело рухнуло на кровать, которая с мягкостью и материнской заботой приняла его, обволакивая приятным теплом, слегка спружинив.

Да, в полёте Андрей где-то в глубине души понял истинное значение русского выражения: «Ни продохнуть, ни пёрнуть». Но, как только он оказался в своей постели, давление на грудь и долбёжка в голове исчезли. Осталось только такое ощущение, будто он только что прокатился на самых крутых американских горках. От этого захватывающего дух ощущения он и проснулся, распахнув глаза.

Глава 3. Не вполне честные способы отъёма денег у граждан

Судя потому, что луч солнца уже пересёк лежащий на полу ковёр и добрался до двери, было уже далеко за полдень. Словно маленькие комарики, в желтом свете кружились пылинки. Андрею вспомнилось раннее детство, когда он смотрел на играющие в лучах солнца пылинки и представлял, что это — малюсенькие феи. Он гонял их по комнате, разговаривал с ними, загадывал желания.

Светлов чувствовал себя, в общем-то, неплохо. Только необъяснимое чувство вины почему-то грызло душу. Подтачивало её, как яблочный червь.

Обычно подобное чувство вины у Андрея возникало только с бодуна. Но сегодня он чувствовал себя, как огурчик. Значит, он не пил накануне. Или пил?

И тут он вспомнил всё!

Вспомнил, как прикладывался к бутылке, пока ждал гостей, как опья-нел после шампанского, как поссорился с Настей, и та попала в аварию. Вспомнил и кота, и мёртвую бабку. В памяти даже всплыло её имя — Одджит. Вспомнил он эффектное появление Джины, своё падение с восьмого этажа, которое, бесспорно, было сном. Сном, который был очень долгим и реалистичным, который можно увидеть только спяну. Да, он накушался до беспамятства и в какой-то момент отключился. Всё остальное — сон. Сон!

Только почему-то события, которые Андрею казались явью, почему-то вспоминались с трудом, всё виделось, как сквозь пелену тумана. Зато каждая, даже мелкая, деталь сна запомнилась и намертво въелась в память.

Он отчетливо запомнил, как переливаются камушки на платье Джины, как блестят на её руках браслеты. Привкус табака из кальяна всё ещё чувствовался во рту. Этим же душистым табачком пахло тело.

Тело...

Светлов оглядел своё тело. Он был раздетым, если не считать трусов. Хотя точно помнил, что самостоятельно раздеться в силу понятных причин не мог. Значит, кто-то всё-таки его раздел. Этим «кем-то» не может быть сосед Рома, он никогда этого делать не стал бы. Этим «кем-то» не могут быть родители, так как они не планировали прилетать на Новый год в Челябинск. Более того, они хотели встретить 2016-й год в Финляндии. Значит, это могла

быть только Анастасия! Да! Значит, они не ссорились, она не попадала в аварию, а осталась с ним. Здорово!

Оставалось только загладить чувство вины. Для этого Светлов планировал купить цветы в цветочном магазине, бутылку дорогого вина и конфет (может даже торт) в супермаркете, пролепетать с виноватым видом что-то вроде: «Ты у меня единственная, я люблю тебя, прости меня за вчерашнее», и прощение ему гарантировано. После чего у них будет жаркий перепихон, после которого Настька забудет про все обиды. Во всяком случае, так всегда было. И Светлов надеялся, что именно так всегда и будет. Поэтому он соскочил с постели, сладко потянулся так, что скрипнули позвонки и выскочил из спальни. Негромкий перестук посуды, слышимый из кухни, говорил ему о том, что его умозаключения верны: кто там может греметь посудой? Только Настя!

Разбуженный утренней эрекцией член торчал, как флюгер, указывающий, откуда ветер дует.

Сердце радостно билось в груди, когда Светлов в одних трусах ворвался в кухню и замер, едва переступив порожек.

Не по-зимнему яркое солнце ударило в глаза и ослепило его на одно мгновение, но прежде, чем он зажмурился, успел заметить стройный жен-ский силуэт посредине кухни. Определённо, это была девушка. И платье на ней было точно такое же, как на Насте. Это было то самое платье, которое он, Светлов, залил шампанским, за что придётся извиняться дополнительно.

— Настя, — радостно выдохнул Андрей, делая шаг в сторону, в тень, прочь от слепящего солнечного света. Тут же открыл глаза, и... ноги его подогнулись. Он упал бы на пол, если бы под его задом не оказался непонятно откуда взявшийся табурет. Нижняя челюсть Светлова отвисла, а глаза округлились. Так он сидел с открытым ртом, не в силах произнести ни слова, так как в его квартире, в кухне была не Настя, а... Джина. Да-да, та самая Джина. Девушка из сна, которую Андрей минуту назад считал плодом своего пьяного воображения. Отголосок прошлого, который должен был исчезнуть при переходе из состояния сна к бодрствованию. Но почему-то она не исчезла. Она находилась в кухне, зависнув в воздухе между полом и потолком. Джина снова была невесомой и призрачной. Солнечные лучи, проходя сквозь неё, делали её золотистой, а платье, которое было, действительно, такого же фасона, как у Насти, блестело тысячами бриллиантов. Именно этот блеск и ослепил Светлова. Но всё это было соткано из дымки. Всё это нельзя было потрогать.

Джина, как дирижер, махала руками. В это время в кухне

творились чудеса: нож нарезал на разделочной доске какие-то диковинные фрукты и овощи. Их кусочки тут же с доски высыпались в большую кастрюлю. И нож, и разделочная доска висели в воздухе.

Лежащий на кухонном столе пирог, похожий на очень толстую пиццу, по воздуху залетел в микроволновую печь. Дверца печи захлопнулась, сам по себе включился таймер. Микроволновка зашумела.

Приоткрыв дверцу, холодильник выплюнул очередную партию готовых для нарезки доселе невиданных Андреем овощей и фруктов, которые заняли на столе место пирога, под разделочной доской, по которой, как заведенный стучал нож.

Взгляд Светлова переместился на ноги Джины. На ногах этой души без тела, этого отголоска давно канувших в лету времён, были красные, но тоже призрачные туфли на шпильках, глядя на которые Андрей подумал: «А зачем ей нужна обувь?»

Тут же снова вспомнился сон. Особенно — тот момент, где они целовались. Призрачная не призрачная, но она всё-таки девушка. Нужно было одеться, чтобы выглядеть подобающим образом.

Светлов бросил взгляд на свои трусы, и краска стыда залила его лицо, так как его «хозяйство» предательски вывалилось из «семейников» и свисало с края табурета.

Андрей быстро закатил в трусы свои яйца, стыдливо сдвинул ноги. Но это не укрылось от глаз Джины, и она звонко засмеялась своим неповторимым смехом, напоминающим журчание ручья в лесу, тем самым, добавив ещё больше краски на лице Светлова.

— А вы, мужчины, удивительные люди, — сказала она, когда закончила смеяться. — Время идёт, а вы не меняетесь. И проблемы у вас те же, что сейчас, что и хренову тучу лет назад. Так у вас говорят, да?

— Джина, ты меня извини, но мне надо одеться, — смущенно пробормотал Андрей, поднимаясь с табурета. — Я сейчас...

Светлов поднялся с табурета, развернулся к выходу из кухни, сделал пару неуклюжих шагов на ватных ногах. Мысли в голове путались — он ещё не готов был принять то, что было очевидным: от Джины ему никуда не деться. Она — не сон, она — реальность. Его реальность.

— Постой!

Андрей остановился.

— Закрой глаза и вытяни руки вверх. Ничего не бойся, расслабься!

«Интересно, что сейчас будет? Надеюсь, никакой подлянки она мне не подкинет», — думал Светлов, поднимая руки вверх.

Тут же почувствовал, как мягкая, лёгкая ткань приятно обволакивает его тело. Это длилось несколько секунд. Когда всё закончилось, Андрей открыл глаза, начал себя осматривать.

На нем был красный, расшитый золотыми нитками, украшенный бисером халат, такие же красные, просторные шаровары. На ногах красовались — тоже красные — тапочки с загнутыми вверх носами.

На стене тут же появилось зеркало в массивной золотой оправе, которого раньше там не было. Вертясь перед ним, Светлов подумал: «Ну, всё для удобства, блин! Как в магазине», а вслух пробормотал:

— Я себя чувствую султаном.

Зачем-то сделал несколько вращательных движений тазом, продолжая изучать своё отражение в зеркале.

— Из этих шароваров у тебя точно ничего не выпадет! — Джина снова засмеялась.

«Действительно, — думал Андрей, не выпадет. — В них и просторно, и ничего не потеет. Интересно, сколько такой наряд стоит? Такого, наверное, нет даже у Кипкорова!»

Единственное, что смог сказать тогда Светлов, было:

— Круто, блин!.. Вообще крутяк!

— В Тарингийском царстве все мужчины так одеваются, — сказала Джина, но тут же поправилась: — Одевались... Ну, что мы стоим? Пройдём в гостиную. Там уже и стол накрыт.

Действительно, стол там был накрыт. Он был завален всевозможными блюдами. Многие из того, что на нем было, Светлов не ел и не видел даже за границей. А из кухни прилетали всё новые и новые блюда и приземлялись свободные места на столе. Причем, места эти находились по мере появления блюд. Из чего Андрей сделал вывод, что стол удлиняется. А чему тут удивляться, если здесь рулит Джина?

Они уселись рядом, на диване, хотя у Джины в этом не было нужды. Он могла бы летать по комнате, не боясь снести что-нибудь, сломать или разбить. Она же была лёгкой и воздушной.

Глядя на тарелки с яствами, Светлов вдруг вспомнил про вчерашние салаты и выпивку.

— А куда всё вчерашнее делось? Я же столько наготовил...

— Ну, — чародейка сделала задумчивое лицо. — Я подумала, что ты не будешь есть несвежие продукты. Всё вчерашнее я упаковала в пластиковые контейнеры и в пакеты. Отдала всё это неимущим и обездоленным, которые рылись в помойке во дворе. Им — радость, мне — энергия. В общем, всем хорошо.

— А горилка с перцем? — напиться Светлову не хотелось. Он боялся повторения вчерашнего вечера. Особенно его испугало

выпадение из окна, но всё же, от пары «писяриков» он не отказался бы. Так, для поддержания праздничного настроения.

— Ту гадость я тоже им отдала. — В тот момент у Андрея внутри что-то отвалилось и упало. — Но у меня для тебя есть кое-что лучше...

В воздух тут же взлетели графин, наполненный темной жидкостью и бокал. Секунд пять они покружились, после чего горлышко графина оказалось над бокалом, который тут же наполнился той странной жидкостью.

— Это вино из сока лиганары, — пояснила Джина после того, как наполненный бокал занял место на столе рядом с правой рукой Светлова. — Попробуй, это лучше того дешевого пойла, которым ты свой организм травишь.

— Ну, за Новый год! — Андрей поднял бокал, с опаской глядя на чаро-дейку, сделал глоток. Это оказалось не вино, а самый настоящий нектар богов. Какой вкус! Какой букет! Ничего подобного он в своей жизни ещё не пил. И пофиг, что цвет, как у воды, текущей из крана после продолжительного отключения подачи. Каждый глоток этого вина был бомбочкой, которая взрывалась внутри, но не разрушала организм, а наполняла его силой. И Андрей немного испугался этой силы. Ему казалось, что ещё глоток, и его разорвёт распирающая его тело изнутри энергия, какой бы живительной она ни была. Поэтому он отставил в сторону бокал, не осушив его и до половины.

— Класс, — сказал он промокая салфеткой уголки губ.

— Тебе понравилось? — Красивые брови чародейки взметнулись вверх.

— Да. Очень. — И это было правдой. В тот момент Светлов подумал, что раньше слишком часто врал. И чаще всего он врал женщинам. А Джина единственное существо, которому он не сможет соврать. Только хорошо это или плохо покажет время.

— По рецепту бабушки делала, — призрачная чародейка улыбнулась своей «коронной» лучезарной улыбкой, которая так нравилась Андрею во сне, и которую так приятно было видеть наяву.

Светлов вдруг вспомнил Настю. Раз чародейка здесь, значит, Анастасия действительно попала в неприятную историю. Им никогда не быть вместе. И, скорее всего, он лишится работы.

— Круто, — Андрей ложкой подчерпнул из салатницы горку диковинного салата, плюхнул в тарелку, попробовал. — М-м-м! Вкусно-то как!

Это было правдой. Салат был волшебным. Но мысли о бывшей подруге и о работе, похоже, отразились на его лице. И Джина это сразу заметила.

— Ты что приуныл, хранитель сосуда, а? О своей бывшей вспомнил да о работе?

— Ага, — с набитым ртом ответил Светлов.

— Да не переживай ты так! — Графин в очередной раз взлетел со стола, наполнил бокал нектаром богов, вернулся на своё место. — Как говорится, что Бог ни делает — всё к лучшему.

— Не уверен, — проглотив салат и, пригубив немного вина из сока ягоды, название которой уже вылетело из головы, сказал Андрей. Тут же отправил в рот очередную порцию салата.

— А я уверена. — Джина смотрела, как он ест, и Светлов вдруг вспомнил своё детство. Именно так на него смотрела мать, когда у неё получалось приготовить что-то новое. Она словно проверяла на Андрее, вкусно это или нет. Но это было вкусно. И призрачной леди нравилась смотреть, на то, с каким аппетитом Светлов поглощает произведение её поварского искусства. Выждав паузу, она продолжила. Видимо, специально ждала, когда Андрей всё прожует и проглотит, чтобы не поперхнулся: — Твоя Настя — самая настоящая блядь!

— Что-о-о! — от удивления Светлов вытаращил глаза. — Откуда...

— Блядь и наркоманка, — скрестив руки на груди, продолжала Джина. — Поверь мне, я знаю, что говорю. Я бы никогда не стала наговаривать на неё, так как в этом нет смысла. Всю её подноготную я увидела, едва освободившись из сосуда. Я просто прикоснулась к ней, и мне всё стало понятно. Для неё ты был... запасным аэродромом, поверь мне. Общалась она с тобой только потому, что ты нравился её отцу. Он видел в тебе перспективного продавца. Человека, который мог бы со временем заменить его и встать у руля фирмы. Она же... трахалась с москвичами, которых сейчас Станислав Игоревич считает своими лучшими друзьями.

— О, да, — Светлов кивнул головой. — Максимальный срок отсрочки платежа, низкие цены, доставка... А кто из москвичей её дрючил: Даниил, Ярослав или Кирилл?

— Бухая она прелюбодействовала только с Кириллом. Под кайфом — со всеми тремя. Они занимались сексом и в поезде, и в номере гостиницы, и на балконе гостиничного номера, и ночью на ресепшене, когда администраторы спали, и в машине, и в офисе...

— Да, — Андрей задумчиво поскрёб подбородок. — А я думал, почему она иногда такая неуравновешенная? И дерётся... Оказывается, всё просто: она — наркоманка. А наркоманы подвержены частым сменам настроений. И ведут они себя, зачастую, неадекватно. А вот насчет работы...

Негромко пискнул мобильник, как нельзя вовремя оказавшийся под рукой, хотя Светлов точно помнил, что не мог его положить на стол, так как не прикасался к нему со вчерашнего вечера.

Пришло сообщение от Станислава Игоревича:

«Урод ты @банный! Ты, какого х@я сломал жизнь моей дочери? Мудак, неудачник х@ев! Чтобы я тебя больше в своей фирме не видел! За трудовой книжкой придёшь после новогодних праздников.

P.S.: Пошёл ты на х@й, пид@р!»

Андрей отшвырнул от себя мобильник, едва не угодив им в тарелку с салатом, которого ещё не попробовал, словно телефон был заражен сибирской язвой.

— Похоже, Игоревич меня всё-таки уволил. — Андрей посмотрел на Джину. — Тебе прочитать, что он мне написал?

— Не надо, — чародейка отрицательно покачала головой. — Я способна читать СМС-сообщения, не глядя на экран. Я могу улавливать эти сигналы... Насчет работы ты тоже не переживай. До февраля москвичи отождут бизнес у Станислава Игоревича, а его по миру пустят. Так что, ты уйдёшь очень даже вовремя. Единственное, что мне не понравилось, так это то, что он тебя хочет уволить с нарушением твоих трудовых прав. Во сколько бы ты оценил такой косяк? Сколько он должен тебе заплатить, чтобы ты простил его?

Трудовые права?

Светлова не удивило то, что Джина, несмотря на многовековое заточение, смогла выразиться столь грамотно и красиво. Она же пользовалась ЕГО знаниями. Знаниями, вытасненными из ЕГО головы. То, что Станислав Игоревич действительно ущемил Андрея в его трудовых правах, до Светлова, конечно же, дошло бы, но не так быстро, так как для того, чтобы собрать мозги в кучку, требуется время. Особенно, 1 января. Чтобы всё обмозговать и упорядочить хаотично мечущиеся мысли, может потребоваться час, а может, день. Чародейке на то, чтобы выдать правильный ответ, потребовалась секунда. Быстро же она нашла в куче всякого многолетнего хлама полезную вещь!

— Миллион! — с ходу выпалил Андрей. Он понимал, что миллион долларов или евро Станислав Игоревич удавится, но не заплатит, а вот миллион деревянных — запросто. Поэтому после непродолжительной паузы он добавил: — Рублей!

Особо не верилось в то, что у чародейки получится стрясти эту сумму со старого скряги, но сам факт существования Джины доказывал, что нет ничего невозможного.

— Ладно, — призрачная красotka махнула рукой. — Будет тебе миллион. Но не сразу.

— Ловлю тебя на слове, — Андрей прицелился в Джину указательным пальцем правой руки и изобразил выстрел. — Посмотрим, какая ты...

Включился телевизор. Пульт от него лежал на полке серванта, к нему никто не прикасался.

Чародейка пролетела сквозь стол и зависла перед экраном. Показывали новогодний концерт. Повтор, разумеется.

— Ух ты, — глаза Джины округлились. Телевизор, определённо, произвёл на неё впечатление. — Вот это да!.. Слушай, ты пока ешь, пей, а я посмотрю на шутов, хорошо?

— Это не шуты, а звёзды шоу-бизнеса, — поправил её Светлов. — Кстати, состоятельные люди...

— А ведут себя, как шуты, — через плечо бросила ему призрачная колдунья. — Ну, ты ешь, не обращай на меня внимания.

— Как скажешь, — Андрей пожал плечами. Он хотел наложить себе в тарелку закуски, которые ещё не попробовал, но закуски сами небольшими порциями по воздуху слетались в его тарелку. Ему оставалось только подцеплять их вилкой и отправлять в рот.

Графин исправно наполнял бокал вином.

Джина была полностью погружена в атмосферу праздника. Глаза её неотрывно следили за певцами, певицами и их подтанцовкой. В основном, она молчала. И только изредка с её губ срывалось: «Это гомосексуалист!.. Это лесбиянка!.. Этот извращенец любит маленьких мальчиков... Этому педик у маленьких девочек подавай!..»

В какой-то момент она обернулась к Андрею и спросила:

— Слушай, а зачем этот мужик переделал себя в женщину, вставил себе грудь и мужское достоинство удалил? — Рукой она при этом указывала на одну известную поп-диву. Да, черты лица у поп-дивы были грубоватыми, но голос и фигура у неё были, как любил говорить Светлов, зачетными. Многие из его коллег и знакомых мужского пола, наверняка, глядя на неё говорили: «Я б ей вдул», так же говорил и сам Андрей, но после таких слов колдуньи ему не только слушать эту певичку расхотелось, но и смотреть на неё.

— А ты что, можешь считывать информацию о людях даже с экрана телевизора? — поинтересовался Светлов, в тайне надеясь, что волшебница ошибается.

— С любого изображения, — не отрываясь от экрана телевизора, ответила Джина. — Когда-нибудь и ты этому

научишься.

Нет, не ошибается. В российском шоу-бизнесе есть звёзды, которых Андрей мог бы заподозрить в транссексуализме. Но эту певицу — никогда! Узнав правду об этом существе (иначе это создание не назовешь), Светлов был в таком шоке, что из его памяти напрочь вылетело имя этой поп-звезды. Ну, и чёрт с ней! Всё равно он не был её поклонником. А после того, что услышал от Джины о других звёздах, вообще зарёкся слушать российскую попсу. И концерт смотреть почему-то расхотелось.

Похоже, колдунья разделяла его точку зрения, и переключила телевизор па другой канал. Там вовсю шла старая, добрая комедия, которую показывают в канун каждого Нового года.

Джина, посмотрев немного и презрительно фыркнула.

— А здесь тебе что не нравится? — спросил её Светлов.

— Алкоголики играют алкоголиков. Что в этом хорошего? Что смешного?

— Но это ведь классика нашего кинематографа!

Джина ничего не ответила на эту реплику, а каналы начали переключаться с бешеной скоростью, пока экран не погас.

— Ну, а теперь я хочу... — волшебница повернулась спиной к телевизору и указала пальцем на компьютер, который тут же включился. Сами по себе забрякали клавиши на клавиатуре. Ввёлся пароль, на экране появилась до боли знакомая Андрею заставка — полуголая девица на пляже, вывалившая свои сиськи на песок. Экран моргнул. Тут же появилась новая заставка — дворец Ахома, окруженный забором. Он был именно таким, каким Светлов его видел во сне. В лучах восходящего солнца стены дворца светились, и купола причудливо сверкали. Только как Джине удалось поместить его изображение на экран монитора, оставалось загадкой.

Пользуясь знаниями, скачанными из мозга Светлова, чародейка быстро вошла в интернет, не прикасаясь к компьютеру. В строке поиска начали мелькать слова, написанные кириллицей. Тут же выдавались ответы на запросы, которые тут же сменялись новыми. И Джина всё это моментально прочитывала. Похоже, в скоротечности на Земле с ней не смог бы соперничать никто. А она вводила всё новые и новые запросы, получая ответы на вопросы, которые, как пчелы, роились в её прозрачной голове.

Даже стоя рядом с Джиной, Андрей не мог прочитать ни одного запроса из-за постоянного мелькания. В какой-то момент устав стоять, он вернулся на диван, взял в руку бокал.

— Раз тебе телевидение не понравилось, я думал, что интернет тебе тем более придется не по вкусу, — тихо сказал Андрей, делая маленький глоток вина.

— Ошибался, — коротко ответила она, не отводя взгляда от монитора. — Классная вещь!.. О! Социальные сети! Пожалуй, я создам себе аккаунты. Буду с современными людьми общаться, подкачивать у них халявную энергию... Возьму себе псевдоним — Дина Тарингийская. По-моему, неплохо звучит, да?

Волшебница вопросительно посмотрела на Светлова, но он ей не ответил. Тарингийское вино, хотя он выпил его мало, ударило в голову, и он заснул прямо за столом, положив голову на сложенные на столе руки и негромко похрапывая. С его нижней губы свесилась тягучая струйка слюны. Повисела немного и упала на красный тапочек с загнутым вверх носком.

Когда Андрей проснулся, за окном уже темнело.

— Смотри, какую я аватарку себе сделала. — Экран монитора повернулся в сторону Светлова, и он увидел фотографию Джины, сидящей на троне. На голове у неё была диадема с большим бриллиантом, а белое платье было украшено изумрудами. Как она сделала эту фотографию, Светлов спрашивать не стал. Не стал он спрашивать и про трон, так как был уверен, что это трон царя Ахома. Других тронов Джина просто не видела.

Праздничный стол куда-то пропал, вместе с ним и сказочные закуски. Неужели опять бомжам отдала? Если так и дальше пойдёт, все окрестные бомжи станут неприлично толстыми, и им никто не будет давать милостыню. Возможен и такой вариант: все городские бомжи будут стекаться во двор и дежурить у помойки в ожидании дармовых деликатесов. Конечно, лучше первое.

— Прикольно, — Андрей сжал правую руку в кулак и оттопырил большой палец. — Я смотрю, ты делаешь успехи. Молодец.

Джина засияла от счастья, будто только и ждала этой похвалы. Но, если вдуматься, её никто не хвалил долгие тысячи лет. Может, миллионы.

— Андрей, я хотела бы прогуляться, на людей посмотреть. Заодно покажу тебе тысячу и один способ, как можно делать деньги из ничего...

Гулять Светлову не хотелось, но, услышав про деньги, он оживился.

— Деньги — это хорошо. Я сейчас по-быстрому оденусь...

Одеваться ему не пришлось. Свитер, джинсы с начесом, зимние ботинки и шапка в мгновение ока оказались на нём. Открылась входная дверь, как бы говоря: «Идите уже, не теряйте времени!»

Едва Светлов вышел за порог, и следом за ним вылетела Джина, одетая в прозрачную шубу, дверь захлопнулась. Послышались щелчки закрывающегося замка.

Андрей покачал головой: чудеса, да и только.

Дверь лифта открылась. Когда Светлов зашел в кабинку, Джина сказала:

— А теперь закрой глаза и про себя считай до десяти.

Лифт начал опускаться. При счёте «десять» двери лифта открылись, и Светлов вышел из кабинки. Но оказался он не в своём подъезде, а в каком-то другом. Выйдя из подъезда, увидел, что находится где угодно, но не в своём дворе, в котором прожил много лет.

— Где мы? — он кинул взгляд на Джину.

— Я перенесла нас в Екатеринбург, так как считаю, что не стоит делать деньги из воздуха в том же городе, в котором живёшь. Не зря же говорят: «Не ешь, где срёшь...»

— Не сри, где живёшь! — закончил за неё Светлов. — Это правильно.

— Ага! — колдунья согласно кивнула головой.

— Народная му... — Андрей осекся на полуслове, увидев проходящего мимо старичка, опирающегося при ходьбе на палку, стучащего ею по утопанному снегу.

— Ты почему замолчал, а? — спросила Джина, с любопытством глядя на Андрея.

— Слушай, мне тут в голову пришла мысль: если люди тебя не видят, они могут подумать, что я разговариваю сам с собой, что я — сумасшедший. Если же они тебя увидят, то сами сойдут с ума...

— Не переживай по этому поводу, — она по-дружески хлопнула Светлова по плечу. Он не почувствовал её прикосновения, но ощутил тепло в плече, словно намазал его бальзамом, известным в народе как «Звёздочка». — Я решила подстраховаться и сделала нас невидимыми...

— Дед, ты — старый козёл! — тут же крикнул Андрей вслед удаляющемуся старику, чтобы проверить слова чародейки. Он крикнул это, несмотря на то, что всегда уважительно относился к пожилым людям. Просто, во дворе, кроме старика, никого не было. Совсем никого. Двор словно вымер. Не было видно ни мамашек с колясками, ни прыщавых тинэйджеров, ни бухариков. И только электрический свет, пробивающийся из окон домов, говорил о том, что все живы, все сидят по своим квартирам и празднуют НГ 2016. И многочисленные машины, припаркованные у подъездов, подтверждали правоту Светлова.

Хотя старик по понятным причинам не успел далеко уйти, и должен был услышать слова Андрея, он даже не обернулся. Ну, и хорошо. Хоть за «козла» не будет стыдно!

— ...и неслышимыми, — добавила Джина.

— Зашибись! — Светлов хлопнул в ладоши. — Ну, тогда вперёд!

И они пошли по дворам, петляя между домами, также не встречая никого на своём пути, пока не вышли на улицу Свердлова, которая, в отличие от дворовой территории, отказалась очень даже живой: по тротуару туда-сюда сновали люди, по проезжей части ездили машины, троллейбусы и автобусы. Над головами людей летала жирные голуби, в обглоданных ветром кронах тополей сидели вороны и, ёжась на ветру, с интересом рассматривали прохожих. Джина летела впереди, вертя головой по сторонам. Невооруженным глазом было видно, что ей нравилось смотреть на дома, фонари уличного освещения, на проносящиеся мимо машины и автобусы, на людей. Ей это было интересно, это привело её в неописуемый восторг, чего не скажешь про Андрея. Он уже был в Екатеринбурге, причем, много раз. И часто также ходил по улице Свердлова. И за эти годы ничего не изменилось. Менялись только вывески магазинов. Казалось, даже люди по улице ходят одни и те же, как и в те годы.

В отличие от чародейки, Светлов не разглядывал ни машины, ни людей. На них ему было наплевать. Он глядел вперёд, через полупрозрачное тело колдуньи, оглядывался по сторонам, не забывал смотреть себе под ноги, но не из праздного любопытства, не потому, что ему было интересно, а потому, что боялся, что какой-нибудь екатеринбуржец налетит на него и очень удивится, встретив на своем пути невидимую преграду. Да, где-то в глубине души Андрею хотелось, чтобы на него налетела сиськастая тёлочка с большими буферами, но по улице в тот момент, как назло, шатались преимущественно мужики. И все — здоровые и поддатые.

В какой-то момент Светлов остановился и оглянулся. Он увидел стройную цепочку своих следов на снегу. И тут ему пришла в голову мысль: а что будет, если какой-нибудь наблюдательный горожанин увидит следы, образующиеся сами по себе, услышит скрип снега под невидимыми ногами? Если этот горожанин решит снять эти самообразующиеся следы на видео, Андрей уже на следующий день сможет стать звездой какого-нибудь видеохостингового сайта, и его прогулка по улице Свердлова соберёт миллионы просмотров. Светлов даже знал, как может называться это видео — «Следы человека-невидимки. Смотреть всем!»

Увы, никто не обращал внимания на его следы, и никто не снимал их на видео. Видимо, все наблюдательные и бдительные граждане сидят дома и пьют. А могли бы собрать миллионы

просмотров!

— Урок номер один! — Джина вдруг остановилась у банкомата и подняла руку вверх, привлекая внимание Андрея и отрывая от мыслей о следах, которые так предательски его выдавали. Светлов встал, как вкопанный, глядя на изящную ручку своей визави. — Смотри и учись!

Колдунья на мгновение прикрыла глаза, что-то шепча себе под нос, потом превратилась в маленькую звёздочку. Эта звёздочка залетела через считывающее устройство для пластиковых карт в банкомат. Экран банкомата несколько раз моргнул и начал светиться серым светом. Звёздочка тут же вылетела из него и превратилась в прежнюю Джину.

— Достань из правого кармана дублёнки мешок и подставь под диспенсер банкнот.

Диспенсер... Андрей уже и слово такое забыл, а колдунья каким-то образом из его головы это слово выцарапала. И откуда у него может быть мешок?

Светлов засунул руку в карман. Действительно, там лежал аккуратно сложенный пластиковый мешок. Едва Андрей расправил его и пристроил под диспенсером, банкомат принялся выплёвывать банкноты. Много банкнот. Увы, оценить достоинство этих купюр Светлов не успел, так как поток денег вдруг иссяк, а экране высветилось: «Пожалуйста, вставьте вашу карту!»

Андрей тут же почувствовал, как кто-то ткнулся ему в спину и дышит в затылок перегаром. Обернувшись, он увидел пьяного пролетария в драном пуховике, держащего в руке пластиковую карточку. Пролетарий снова и снова пытался подойти к банкомату, но каждый раз упирался в Светлова.

— Что за херня? — раздраженно бормотал забулдыга. — Как это так?.. Ни х..

— Он видит пакет с деньгами? — Андрей через плечо бросил взгляд на Джину.

— Нет, — ответила она. — Мешок для него такой же невидимый, как и мы.

— Всё равно, пусть валит отсюда. Что он мне в жопу тычется? Достал уже...

— Как скажешь... — Джина щёлкнула пальцами.

Пролетарий за спиной Светлова вдруг замер. Раздался треск, похожий на звук саксофона, после чего запахло пердёжным смрадом.

— ...лядь, кажись, я обосрался! — Работяга согнулся пополам, как после удара в живот. Всё ещё держа карточку в руке, он засеменял в сторону железнодорожного вокзала. Снова раздался саксофонный гудок. Пролетарий согнулся ещё ниже и

побежал.

— Это, конечно, здорово, — сказал Светлов, глядя вслед удаляющемуся работяге. — Но мне как-то не по себе от мысли, что мы, по сути, ворует деньги у людей. А ведь для многих это, наверняка, деньги, заработанные непосильным трудом.

— Не переживай, честный ты наш, — Джина махнула рукой, словно отмахиваясь от назойливого насекомого. — Я предвидела твою реакцию, а потому сняла деньги со счетов очень богатых людей, которые, вряд ли заметят пропажу какой-то там сотни рублей. К тому же, эти деньги они заработали не очень честным путём.

Андрей приоткрыл пакет. Действительно, в нём лежали только сторублёвые купюры. Похоже, чародейка не врала.

— Всё равно это кража.

— Ой, прости, — Джина театрально прикрыла лицо ладонями. — Откуда мне, дурочке, знать? Я же не юрист, я — всего лишь чародейка. А ты, я смотрю, порядочный. Такой порядочный и законопослушный, что я прям нимб над твоей головой вижу. Аж перекреститься хочется...

Это была его излюбленная шутка. Шуточка, которую он часто упот-реблял в той жизни, до встречи с Джиной. Оказывается, шутка-то злая и циничная. Лучше так больше не шутить.

— Я тоже не юрист, но...

— Запомни меня, о мой господин... — А вот это Светлову понравилось. Если бы Станислав Игоревич, босс, в своё время услышал, как кто-нибудь к Андрею так обращается, его лицо стало бы похоже на маску персонажа из фильма «Крик», и он помер бы в ту же секунду от сердечного приступа. — Магия не совместима с такими понятиями, как: «честность», «порядочность» и законность. Это всегда нае... Обман это. Кто-то кого-то всегда обманывает для быстрого достижения своей цели. Хочешь по-честному — действуй без магии. Тогда, пока будешь искать новую работу, потратишь добрую часть своих сбережений, которые ты откладывал на покупку машины. И будешь потом сидеть без денег...

Чёрт! Она словно видела это, а потому говорила так уверенно. И со-мневаться в словах Джины Андрей уже не мог. Вчера смог бы, сегодня — нет.

Сидеть без денег Андрею как-то не очень хотелось. Он тут же вспом-нил экономические кризисы 1998-го и 2008-го годов, когда он сидел вообще без гроша в кармане, а обратиться за помощью к родителям было стыдно. Как-никак, он был уже взрослым.

А потому он ответил ей так, как, по его мнению, должен был ответить:

— Возможно, ты права, моя колдунья. Лишние деньги нам с тобой никогда не помешают. Но, может быть, есть какая-нибудь золотая середина, чтобы...

Джина подлетела к нему вплотную, приблизив своё призрачное лицо к его лицу.

— ...Чтобы и рыбку слушать, и оперу послушать, да? — Заметив слабый кивок его головы, она слегка отстранилась. Брови её сдвинулись, а взгляд упёрся в лоб Светлова, словно там были написаны его мысли, которые она читала. Невидимые грабли тут же заскребли по извилинам головного мозга Андрея, нанизывая на зубья информацию. И, как бы внутренне он ни старался сопротивляться, его память для Джины оставалась открытой и доступной, как пьяная шлюха.

— Да, — выдавил из себя Светлов. — Именно так!

Чародейка отлетела от него на пару шагов, её лицо вдруг засветилось каким-то внутренним светом. В тот момент Андрей подумал, глядя на Джину: «И снизошло на неё озарение».

— Тогда мы поступим так: я тебе покажу мастер-класс. Ты увидишь, если не все, то большинство способов добывания денег. Те, которые тебе покажутся самыми безобидными, мы позже возьмём на вооружение, и в дальнейшем будем использовать. Остальные отметём, как нечто нам чуждое. По-другому никак, ведь всё познаётся в сравнении. Ты согласен со мной, мой господин?

— Согласен, — Светлов вздохнул и сделал отмашку рукой. — Давай уже, показывай!

— Итак, урок номер два... — Чародейка вдруг сорвалась с места, пролетела метров десять по улице Свердлова, догнала одиноко идущую по улице женщину, что-то шепнула ей на ухо и прикоснулась пальцем к её вязаной шапочке.

Екатеринбурженка, имени которой Андрей не знал и никогда не узнает (и пофиг ему, как её зовут), вдруг остановилась, схватилась за низ живота и начала громко стонать:

— Ой! Ой!.. Ох! Ох, господи!

Так же, постанывая, она упала на колени. Шапочка свалилась с её головы и упала на покрытую снегом тротуарную плитку. Её волосы, как рыжее знамя, развевались на ветру, но она словно не замечала этого.

— Ох! Ох!.. Ай! А! А!

Один из равнодушных прохожих подскочил к женщине, начал тормошить её за плечи.

— Женщина, вам плохо? Может, вызвать скорую...

— Пошел на х... — она оттолкнула равнодушного мужчину и продолжила стонать: — О! О! А-а-а!

Мужчина пожал плечами и отправился восвояси, влившись в редкий поток пешеходов.

Постепенно стоны безымянно екатеринбурженки стали утихать. Она словно пришла в себя после обморока или провала в памяти. Женщина удивлённо посмотрела по сторонам, отряхнула от снега и надела на голову шапочку, поднявшись, нетвёрдой походкой направилась к банкомату, у которого всё ещё стоял Андрей. Летящая впереди неё чародейка жестами показала Светлову, чтобы тот отошел в сторону от банкомата, что тот и сделал.

Приблизившись к банкомату, женщина вставила пластиковую карточку в считыватель карт и принялась быстро стучать указательным пальцем по клавиатуре и кнопкам экрана. Руки у неё дрожали, поэтому правильно набрать пин-код у неё получилось только со второго раза. Дождавшись, когда из устройства для выдачи банкнот вылезет тысячерублёвая купюра, она быстро выхватила её, поцеловала, оставив на ней красно-смазанный отпечаток своих губ, и протянула Андрею со словами:

— Возьми, Брэд. Вспоминай меня... — И пошла пошатывающейся походкой прочь от банкомата.

Светлов удивлённо смотрел ей вслед, пока она не скрылась из вида, потом перевёл взгляд на Джину.

— Сказочная моя, только не говори мне, что пропажу этих денег она не заметит, и что это — не последние её деньги. По ней ведь видно, что она — нищевродка. К тому же, со здоровьем у неё какие-то нелады... Ты слышала, как она кричала? Ты видела эти спазмы?

— Да всё нормально, — чародейка подняла вверх большой палец. Совсем, как Светлов, когда обрабатывал своих клиентов, вешая им всякую лапшу на уши. — То, что деньги у неё не последние, я уверена в этом так же, как и в том, что я — девственница. Она получила зарплату за два месяца в аккурат перед новогодними праздниками. Да, выглядит она плохо, за собой не следит. Поэтому оба мужа ушли от неё, оставив ей по ребёнку на память. Сейчас она живёт с сожителем, но и это ненадолго... Она была уверена в том, что деньги, которые взяла ты, она отдаёт Брэду Питту, своему любимому актёру. Я внушила её, что она встретила Брэда Питта в магазине...

— В магазине? — Андрей засмеялся, не в силах сдержать своих эмоций. Встретить Брэда Питта в магазине, 1 января, в Екатеринбурге — разве это не полный бред?

— Да, в том магазине, — вполне серьёзно ответила Джина, указав рукой на противоположную сторону улицы. Там был меховой магазин и, несмотря на праздничную дату, он работал.

На двустороннем штендере, раскорячившемся у крыльца магазина, яркими буквами было написано: «Фантастические новогодние скидки». Люди входили в магазин и тут же выходили из него, но почему-то без покупок. Видать, скидки в магазине были фантастически маленькими, почти незаметными. — Я внушила ей, что её увидел в магазине Брэд Питт, затащил в примерочную кабинку, и там они предавались любовным утехам. Он её оттрахал так, как никто и никогда не трахал. Она получила такой оргазм, какого у неё не была никогда в жизни. Поверь мне, косарь за тот кайф — слишком малая плата, которую ей заплатить было не жалко. — То есть, она кончала прямо на улице?

— Да. Но думала, что находится в примерочной с Брэдом Питтом. И тысяча с отпечатком её губ — не столько плата, сколько сувенир на память. Она сначала хотела подарить ему свои трусики, но потом вдруг «вспомнила»... — Колдунья изобразила средними и указательными пальцами рук «кавычки». - ...что её трусы-то прошлогодние, несвежие, да и фасона немодного. Поэтому и решила сделать так.

— No mal! — сказал Светлов по-испански и похлопал в ладоши. Увы, словом «неплохо» его познания в испанском исчерпывались.

— Спасибо, — Джина сделала поклон, как актриса на сцене провинциального театра, после чего подняла руку вверх и громко объявила: — А теперь урок номер три!

В тот момент даже зазвучала барабанная дробь. Но этим Андрея уже было не удивить.

Потом барабанная дробь сменилась знакомой мелодией, в которой Светлов узнал песню Майкла Джексона «The wayyoumakeme feel». Чародейка расставила руки в стороны и двинулась Джексонской походкой в сторону Екатеринбургского театра юного зрителя. Она шла по тротуарной плитке, и снег перед её ногами расступался, очищая путь. Андрей не удивился бы, если бы чародейка схватила себя за промежность и крикнула: «Вау!», но Джина этого не сделала. Действительно, это был бы перебор. Вместо этого призрачная колдунья подняла сильный ветер, который вырывал из карманов и сумок прохожих купюры разного достоинства и швырял их прямо в Светлова. Одни банкноты залетали в его карманы, другие — во внезапно образовавшийся «рот» в верхней части пластикового пакета. И ни одна из купюр не пролетела мимо. Когда пакет заполнился до половины, а карманы дублёнки стали неприлично оттопыриваться, ветер внезапно стих, а вместе с ним — и поток денег. Песня «Thewayyoumakemefeel» стихла.

— Охренеть, — только и смог вымолвить потрясённый Светлов.

— Это не последние их деньги, — предвидя вопрос Андрея, произнесла Джина. — И завтра все они будут думать, что потратили деньги на алкоголь. Так что, всё нормально. Идём дальше!

Они направились по улице Свердлова, плавно перетекающую в улицу Карла Либкнехта. Джина по-прежнему летела впереди, Андрей плёлся за ней. Ему было ни тепло и ни холодно, просто комфортно. Но, глядя на съёжившихся людей, идущих навстречу, на их перекошенные от холода лица, Светлов понимал, что на улице конкретный «минус». И то, что он не мёрзнет и не потеет — заслуга чародейки. Также Андрей не сомневался в том, что не замерзнет, даже если расстегнёт дублёнку и снимет с головы меховую шапку. Впрочем, проверять правильность своих предположений ему не хотелось, поэтому расстёгиваться он не стал.

Когда ТЮЗ остался за спиной, Андрей увидел под ногами потрёпан-ный, но туго набитый деньгами кошелёк. Остановился, глядя на него и ду-мая, поднять или нет.

— Бери! — с нажимом в голове сказала колдунья. — Это твои деньги, скромная плата нам за спасение человеческой жизни.

— Даже так? — Брови Светлова удивлённо поползли вверх.

— Кошелёк потерял замдиректора фирмы «Уральский блицкриг». Если бы он не потерял свои деньги, он бы напился до чертиков... Я вижу, как он идёт пьяный по городу, заходит в какой-то двор, падает и засыпает на снегу. Завтра утром его окоченевшее тело найдёт старушка с лохматой собакой... Без денег он не сможет напиться. Соответственно, он будет жить на радость жене, детям и внукам, которые очень его любят. Так что, бери кошелёк, а то наши деньги достанутся вон тем калдырям. — Джина кивнула в сторону двух пьяных субъектов, приближающихся к Светлову. Андрею не хотелось им деньги, а потому он быстро засунул кошелёк в свой пакет.

— Офигеть, — воскликнул один из «калдырей».

— Что? — не понял второй.

— Прикинь, Вася, я только что увидел на земле лопатник. Думаю: сейчас загудим не по-детски, а лопатник взлетел в воздух и исчез...

— Да тебе показалось!

— Ага, и ты мне тоже кажешься...

Этот кошелёк был не единственной находкой за тот вечер. Кошельки и портмоне разных цветов и размеров, из кожи и кожаменителя Андрей находил через каждые сто-двести метров.

Вопросов он Джине больше не задавал, так как был уверен в том, что она скажет, что это — очередная плата за спасение чей-нибудь жизни. И проверить эту информацию невозможно.

Так они и шли: она летит впереди, он с распухшим пакетом в руке идёт сзади, периодически нагибаясь и подбирая с заснеженной земли кошельки и купюры разного достоинства, пока не вышли к ресторану на улице Малышева. «Царь Едон» — так назывался этот ресторан. Глядя на светящуюся яркими огнями вывеску над крыльцом, Андрей подумал, что более идиотского названия для ресторана и не придумаешь. Интересно, кормят там тоже по-идиотски?

— Кажется, ты проголодался? — спросила Джина, глядя на Светлова. По её хитрым глазам было видно, что она знает: после прогулки на свежем воздухе он с удовольствием что-нибудь бы съел. Деньги есть, так в чём же проблема?

— Да, — ответил Андрей. — А ты хочешь, чтобы мы зашли в ресторан?

Чародейка на это ничего не ответила, просто пролетела внутрь сквозь дверь. Светлов так сделать не мог, поэтому он просто вошёл в ресторан, с трудом справившись с тяжелой дверью, сдал дублёрку и шапку в гардероб.

Джина заняла «случайно» освободившийся двухместный столик, помахала Андрею рукой, когда тот вошел в банкетный зал.

Народу было много. Светлов с трудом протиснулся между танцующими посреди зала под «живой звук» парами и сел за столик. Тут же подбежала молоденькая официантка.

— Что будете заказывать? — спросила она, стреляя глазками и протягивая Андрею меню. Её улыбка была от уха до уха. пышная грудь готова была выскочить из разреза тесной блузки.

Андрей заказал два салата, порцию шашлыка и коньяк. Официантка, вилля задом, с блядской улыбкой на лице, направилась в кухню. На половине пути она остановилась и оглянулась. Взгляд её был весьма многообещающим. От этого взгляда у Светлова по телу пробежали мурашки, а член в штанах вострепнулся и начал наливать кровью.

Поймав на себе взгляд чародейки, который говорил: «Знаю я, о чем ты думаешь», Андрей смущенно кашлянул в кулак и уставился в меню, словно забыл заказать какое-то необыкновенное блюдо, которое давно мечтал попробовать.

Вход в святая святых — кухню — был закрыт от глаз посетителей красной шторой. И, стоя у этой шторы, официантка ещё раз остановилась и посмотрела на Андрея. Как раз в тот момент он оторвал глаза от списка блюд и кинул взгляд на

официантку в надежде ещё раз узреть её аппетитные «булочки». И, когда их глаза снова встретились, всё тело Светлова задрожало, особенно нижняя часть. Руки заходили ходуном, и меню выпрыгнуло из них и с глухим стуком упало на пол.

Официантка улыбнулась улыбкой Мерлин Монро и быстро исчезла за шторой. Тут же послышался её вскрик и глухой звук падения, вслед за которым Андрей услышал звук бьющихся тарелок, звон столовых приборов, встревоженные голоса, которые не могла заглушить даже певичка на сцене, поющая песню об осколках чувств. Когда-то эта песня была хитом и очень нравилась Светлову. После расставания с Настей она почему-то ему разонравилась. Андрей лишь в тот момент понял, что нет никаких осколков чувств, когда люди трахаются, а потом так просто разбегаются, как дворняжки во дворе.

Красная штора всё ещё колыхалась, как бы напоминая Светлову про официантку, которой он бы с удовольствием вдул, но, видать, не судьба ему разжечь огонь в её пещере и зажарить мясо. И Андрей точно знал, кто приложил к этому руку. Поэтому он просто перевёл взгляд на Джину и спросил:

— Ты что, меня ревнуешь к официантке? — Он спросил это по привычке громко, но в этом не было нужды, так как его голос перекрывал музыку и прочие шумы, доносящиеся из-за красной шторы. Должно быть, это был ещё один из фокусов Джинны.

— Нет, что ты! — Колдунья округлила глаза и дёрнула плечиком. — Как я, тёлка, которую ты не сможешь оттрахать, даже если я попрошу, может тебя ревновать?.. Я тут вообще не при делах. Виной всему — гравитация и неуклюжесть толстожопой официантки. Честное слово, я тут ни при чем...

Тут же подскочил прыщавый, тощий официант, похожий на гомика. Расставляя на столе тарелки с едой, он со словами извинений сообщил Андрею, что Дарья его столик обслуживать не будет по причине окончания рабочей смены, зато он сделает это с преогромнейшим удовольствием.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — парировал Светлов, наливая себе коньяк. Дождавшись, когда «гомик» уйдёт, он обратился к Джине: — За тебя, красавица моя! Жаль, ты не можешь разделить со мной этот ужин...

— Дюша! — послышался знакомый голос.

— Да? — От неожиданности Светлов вздрогнул и чуть не расплескал рюмку с коньяком.

Повернувшись на голос, он увидел проститутку Юлю из сауны «Ру-салка», свою бывшую одноклассницу, которую когда-то в прыщаво-подростковом возрасте мечтал трахнуть, но так и не реализовал свои сексуальные задумки. Позже с коллегами и

партнерами по бизнесу они ходили в сауну «Нептун», но Юля там не «работала». Вот так их судьба разбросала. И слава Богу, потому что Юля уже была не тем цветком, который хотелось сорвать и понюхать, не тем блюдом, которое хотелось отведать. Юля была похожа на продырявленную в нескольких местах резиновую женщину (которой она, в общем-то и была), из которой со временем выходил воздух, образуя заметные складки. И не спасали её ни толстый слой косметики, ни утягивающее бельё. И, если когда-то Андрей за секс с ней отдал бы что угодно, даже душу Дьяволу бы продал, то сейчас не стал бы заниматься сексом с ней даже на спор с друзьями. Глядя на её рот в форме бублика, с перекачанными силиконом губами, подумал, что минет — тоже не вариант, так как этот некогда желанный рот, созданный матерью-природой для горячих поцелуев, сейчас мог вызвать только смех. И, если бы она предложила ему деньги за ночь с ней, он бы, не раздумывая, отказался. Он даже сам бы Юле денег приплатил. Уделала ведь её жизнь, как Бог черепаху! И, если не так давно Светлов думал, что Джина и Юля чем-то похожи, то тут он понял, что ошибался. Сильно ошибался. Впрочем, с кем не бывает? Это ведь и ежу понятно, что сравни-вать двух этих существ — всё равно, что «опустить» Джину. И колдунья, бесспорно, была лучше. Даже, несмотря на отсутствие тела.

— Ой, как я давно тебя не видела! — Юля хлопнула в ладоши. Она стояла в проходе между столиками, На ней было обтягивающее платье с блёстками, какое может нацепить на себя только дешёвая шлюха и «блядские» сапожки, которые заканчивались выше колена. Примерно в такой «униформе» Андрей её видел в последний раз. Интересно, сколько лет назад это было: пять или десять? Да, пофиг! Сейчас она была ему не интересна, как книга для детей или сериал для подростков. Несмотря на это, он всё ещё оставался джентльменом и не мог от неё отмахнуться, как от назойливой мухи. Как-никак, их связывало пусть даже далёкое, но всё-таки прошлое, которое просто так из головы не выкинешь и из жизни не вычеркнешь. Поэтому Светлов поднялся со стула, расставил руки ладонями наружу и растянул рот в фальшивой улыбке. Он хотел сказать: «Я тебя тоже давно не видел, Юля! Как твои дела? Какими судьбами ты в Екатеринбурге?», но не смог вымолвить не слова, словно невидимый удав душил его, сдавливая своими кольцами горло. И словно при замедленной съёмке он видел, как Юля делает шаг. Тут же справа от неё из-за стола поднимается мужчина с брюшком, отодвигая свой стул от стола. Юля тут же цепляется ногой за ножку стула и начинает падать, расставив руки, как парящий в небе коршун. В другой ситуации Светлов попытался бы

её подхватить, но их разделяло не меньше двух метров, которые Андрею можно было преодолеть, лишь обогнув свой столик, а для этого требовалось бы время, которого у Светлова не было. Он же не супермен. Поэтому ему оставалось лишь стоять и смотреть, как Юля падает. Сначала она рухнула на соседский столик, сломав его. Скатившись по его крышке, увлекая за собой красную скатерть, она упала в проход между столиками, звонко шмякнувшись лицом об пол. В тот самый момент на неё сверху посыпались тарелки с едой, вилки, ложки, ножи и бокалы. Самой последней на неё упала бутылка вина. Как мячик, отскочив от затылка Юлии, бутылка упала на пол и разбилась. Её содержимое красной кляксой, обрамлённой осколками, расплзлось по напольным плиткам, выполненным под мрамор.

Тут же с соседних столиков повскакивали мужчины, женщины, со всех концов банкетного зала сбежались официанты. Толчая, образовавшаяся вокруг Юли, скрыла её от глаз Алексея, а когда толпа рассосалась, Юлии уже не было, и пол был чисто вымыт.

Светлов перевёл взгляд на чародейку.

— Это тоже не твоя заслуга, да?

— Да, — Джина кивнула головой. — Опять-таки, виноваты гравитация и неосмотрительность твоей знакомой. Не зря же у вас говорят, что всегда нужно смотреть под ноги!

Наконец-то опорожнив рюмку коньяка, которая всё ещё стояла на столе, Андрей отправил в рот кусок сочного шашлыка. Пережёвывая его, он подумал, что никакая ни гравитация, а именно чародейка спасла его от общества Юли. И хорошо, что Джина умеет читать мысли, иначе пришлось бы ему сидеть за одним столом с проституткой, напрягаться по поводу того, что их вместе может увидеть кто-нибудь из знакомых и слушать её блядские истории. Определённо Джине уважение.

В очередной раз, уловив мысли Андрея, чародейка самодовольно улыбнулась.

— Ты красивый, даже когда ешь!

— Угу! — Светлов перевёл взгляд на зеркало, висящее на стене, и чуть не поперхнулся не до конца пережёванным шашлыком. Из зеркала на него смотрел он, но помолодевший лет на пять-семь, с длинными волосами, убранными назад в хвост и с небольшой бородкой. Конечно, он не был знатоком в вопросах мужской привлекательности, но, глядя на своё отражение, подумал, что выглядит очень даже ничего. И заслуга в этом только чародейки, так как на работе ему отрастить волосы и бородку просто не дали бы — скажем спасибо грёбаному дресс-коду!

— Я всегда так буду выглядеть или только сегодня? — спросил он Джину, отворачиваясь от зеркала.

— Когда захочешь, мой повелитель. — Едва заметный наклон головы. Эх, если бы все девушки умели быть одновременно такими кроткими и подобными царице, цены бы им не было. А то, зачастую, Андрею попадались капризные суки, от которых хотелось убежать, как можно дальше. Джине бы тело...

— Слющай, дрюк! — послышался голос справа.

Светлов обернулся. Через столик сидел поджарый кавказец с длинным носом и одинокой бутылкой трехзвездочного коньяка на столе.

— Да? — Андрей вопросительно приподнял бровь. Но он уже знал, что скажет кавказец и что сделает. По старому, доброму сценарию кавказский горец сейчас махнет рукой или что-нибудь скажет, потом подсядет. И закончится это или тем, что гость с Кавказа попытается «развести» на деньги, или разборкой. Во всяком случае, так всегда было в лихие девяностые. Наверняка, и сейчас ничего не изменилось. Только сейчас Андрею хотелось просто поужинать, а не общаться с незнакомыми людьми, которым в силу жизненного опыта не доверял.

— Как поживаешь, дрюк? — громче певички крикнул горец.

— Нормально! — так же громко прокричал в ответ Светлов и вернулся к своим шашлыкам. Кинул взгляд на чародейку, которая смотрела на него с материнской нежностью, подмигнула ей. Она тут же подмигнула в ответ. Краем глаза увидел, как кавказец берёт со стола своё трехзвездочное пойло, встаёт и направляется к его столику.

В девяностые в подобных случаях, которых было, хоть отбавляй, Андрей действовал по одному и тому же сценарию: сначала нужно сказать кавказцу, что ждёшь девушку, потом, если горбоносый товарищ всё же усядется за стол, быстро закончить трапезу и уйти. Минимум слов, минимум резких телодвижений. Нельзя принимать никаких подарков от южного «брата» и ни в коем случае не пить спиртное, которым он попытается угостить. Тогда всё будет хорошо.

В девяностые это срабатывало. Сработает и сейчас. Хотя сейчас уходить никуда не придётся, так как чародейка сможет справиться и с сотней таких кавказцев, и с тысячей. Но, пока она ничего не предпринимает, можно начать врать про девушку.

Повернувшись на стуле всем телом к кавказцу, улыбающемуся елейной улыбкой, прижимающего к впалой груди бутылку коньяка, Светлов уже открыл было рот, но ничего говорить ему не пришлось, так как горец поскользнулся на не успевшем высохнуть после падения Юлии полу и растянулся там

же, где не так давно лежала проститутка. Бутылка, которую он так бережно прижимал к груди, выскользнула из руки и разбилась. От трехзвездочного коньяка осталось тёмное пятно, похожее на кальмара, тянущего свои щупальца к осколкам в тщетном желании собрать их.

— Вах, — полежав немного на полу, кавказец начал подниматься на ноги. Поднявшись и стряхнув осколки со своего дешевого костюма, кинув печальный взгляд на разбитую бутылку, он направился к выходу из банкетного зала. Про Светлова он тут же забыл.

— Мужчина! Мужчина! — крикнула ему вслед прыщавая рыжая официантка с маленькой грудью. — Заплатить за коньяк забыли!

— На! — печально вздохнув, горец положил несколько мятых купюр на крышку единственного и ближайшего к нему свободного столика и вышел.

— Красиво упал, — глядя ему вслед, сказала Джина.

— Да, — согласился с ней Андрей. Широкая улыбка в тот момент осветила его лицо. Вовсе не из-за того, что падение кавказца было смешным, нет. Скорее, ему понравилась реплика Джины. Как бы цинично эти слова ни звучали, но это были слова из его головы. Пусть даже это был злой юмор, но это был его юмор. Поэтому Светлов, не задумываясь, тут же развил шутку, как он это делал всегда и везде, в любой компании: — Эпично долбанул. У меня до сих пор перед глазами стоят его ноги, подлетевшие чуть ли не до потолка и красные носки. Наверное, его полёт по ночам снится будет.

— Ты даже успел заметить красные носки? — в голосе чародейки сквозило легкое удивление.

— Ну, да! — Андрей кивнул.

— Неплохая реакция, — похвалила его Джина. Ещё один из «приёмчиков» Светлова. — Дети будут!

Остаток вечера в ресторане не происходило ничего интересного: посетители пили, ели, танцевали. Певичка пела, туда-сюда с подносами бегали официанты. У Андрея даже создалось ощущение, что Юля с горцем и были гвоздём программы. Дальше — ничего хорошего, одна скукота, можно уходить домой. Светлов даже хотел было сказать об этом Джине, но тут певица, вдруг замолчала, бросила на стул микрофон и, прыгнув со сцены, походкой «от бедра» направилась к Андрею, от неожиданности замершему с приоткрытым ртом. Понимал, что сегодня он неотразим, но не до такой же степени!

В её взгляде было столько желания и страсти, а в её походке было столько похоти, что у Андрея участилось дыхание и

зашевелились волосы даже на бороде, а член набух так, что штаны спереди вдруг стали тесноватыми.

Чувствуя, что краснеет, Андрей приставил ко лбу ладонь, сделав из неё слабое подобие козырька, но это ему не помогло. От глаз чародейки ничего не спрячешь, в том числе — реакцию организма на красивую женщину, от которой Светлов не мог оторвать глаз.

Вот она идёт вся такая красивая и нарядная, что-то сжимая в кулачке. Сейчас она подойдёт и томным голосом что-нибудь скажет. Что-нибудь этакое, как в фильмах про любовь...

Но нет, блин! Не дойдя до стола, за которым сидел Светлов, каких-то двух метров, она подвернула ногу и, громко вскрикнув, упала навзничь. С губ Светлова тоже сорвался вскрик, но не от боли, а от неожиданности и жалости к певичке. Из её руки выпорхнул аккуратно сложенный листок бумаги и прилетел к ногам Светлова. Он решил, что нужно непременно прочесть, что там написано. Но сделать это нужно как-то так, чтобы Джина ничего не заметила. Только вот как это сделать? Вот, в чём вопрос!

Видать, в такую ситуацию певичка попала не в первый раз, поэтому она очень быстро вскочила на ноги и волнующей походкой «от бедра» на-правилась к выходу из банкетного зала. И лишь лёгкая хромота напоминала о её падении.

— Она-то чем тебе не угодила? — спросил Андрей, глядя себе под ноги. Листок всё ещё был там. Значит, сам Бог велел поднять его и спрятать в карман пиджака. Прочитать, что там написано можно будет и дома, спрятавшись от чародейки, например, в туалете.

— Блядь блядью, — сухо ответила Джина. — Её даже в щёку поцеловать опасно... Замучаешься потом по врачам бегать!

— Понятно, — Светлов принялся расчесывать свою правую ногу, опускаясь всё ниже, от колена к ступне. Так он чесался, пока листок не оказался в его руке. Оставалось только незаметно засунуть его в карман.

— Что, мой господин, ножка зачесалась? — По хитрому прищурю своей чародейки Светлов понял, что она всё знает, поэтому решил, что врать и выкручиваться смысла нет.

— Нет. Решил записку поднять, которую певица вашими стараниями так и не смогла мне передать. Хотел дома почитать на сон грядущий. Может, вздрочнул бы малость...

При слове «вздрочнул» Джина засмеялась.

— Ну, ты прямо как мальчишка! Хочешь, я прямо сейчас скажу тебе, что там написано?

— Да. — Андрей кивнул. Ему действительно было интересно,

что могла написать ему певичка, которую он видел в первый и, возможно, в последний раз в своей жизни. — Обещаю не дрончить.

— Я тебе верю, — Джина кивнула, потом прикрыла глаза и начала говорить голосом певицы, томно и с придыханием: — Привет, красавчик! Я смотрю, ты сидишь один и без подруги. Я сегодня работаю до одиннадцати, но для тебя я готова закончить пораньше. Вообще, для тебя я готова на всё...

— Круто! — вырвалось у Светлова.

— ...Мы поедem с тобой в твоё логово, и там ты будешь делать со мной всё, что хочешь, и мои коготки расцарапают тебе всю спину. Если ты не голубой, помаши-ка мне рукой! Если я в тебе ошиблась, забудь о том, что я написала и не бери в голову, — дальше Джина заговорила своим голосом: — Всё. Ниже — отпечаток губ... Фу, какая же она блядь! Такое письмо может написать только блядь, причем, конченная!

— А по-моему, неплохо. Особенно мне понравилось про логово и про коготки.

— Мой господин! — Чародейка театрально подняла глаза вверх и сложила ладони, как это делают молящиеся. — Если прикажешь, я каждый день буду изображать шлюху!

Андрей отмахнулся.

— Нет, спасибо!

— А грязную шлюху?

Эта шутка вызвала очередной приступ смеха у Светлова, так как в исполнении Джины это смотрелось очень комично. Может, это было пошло и не так уж смешно, но Андрей смеялся до боли в животе и не мог остановиться. Так же он ржал, когда пару раз курил травку, будучи ещё студентом. Определённо, этот нездоровый смех был очередным «бонусом» от чародейки.

Когда другие посетители ресторана начали оглядываться на него, и Светлов уже подумал, что так долго смеяться противоестественно, приступ смеха вдруг прошёл сам собой. И подумалось тогда Светлову, что в обществе Джины баловаться лёгкими наркотиками или бухлом вовсе не обязательно, раз она сама может поднять настроение до такой степени. А это — экономия денег и здоровья. Хотя и то, и другое у него будет, пока рядом есть ОНА.

— Ладно, — серьёзным тоном вдруг сказала чародейка, посмотрев на настенные часы. Впрочем, Андрей догадывался, что она и без часов знает, который час. Скорее всего, ей просто понравились эти часы с маятником, стилизованные под старинные. — Засиделись мы тут. Пора сваливать.

— Официант! — тут же крикнул Андрей, выискивая глазами «гомика». Не увидев его, обернулся к Джине. — Слушай, а не

подумали ли посетители, что я — чокнутый? Я ведь весь вечер с тобой общался, ржал тут, как ненормальный? А ведь одиноко сидящий мужчина, ведущий разговор с невидимым собеседником, может быть только психом. И самое место ему — только в психушке...

— Не подумали, — уверенно заявила колдунья. — Для них ты болтаешь по сотовому телефону. У тебя даже блютуз-гарнитура на ухе есть...

— Что?! — Рука Андрея потянулась к уху. Пальцы тут же нащупали гарнитуру. — Ты меня удивляешь! Она — настоящая?

— Ага, — Джина кивнула. — Тольконими её, пожалуйста, с уха и положи на стол. — Видя удивление на лице Светлова, призрачная леди пояснила: — Через минуту она исчезнет, а ещё через минуту её настоящий владелец должен будет ответить на очень важный звонок. У него нельзя забрать эту штуковину, так как через месяц она спасёт ему жизнь. А мы ведь не желаем этому господину смерти, да?

Светлов ничего не ответил, просто сделал, как велела ему чародейка.

Тут же «нарисовался» официант, так похожий на гомика. Глядя на его блестящую от лака шевелюру, Андрей тут же захотел как-нибудь поддеть его, сказать что-нибудь едкое.

— Уже уходите? — официант положил перед Светловым счет.

— Нет, блин, на циферки хотел посмотреть. Поэтому тебя и позвал! — Да! Очередная шутка в духе Светлова, за которую ему через минуту-другую будет немного стыдно. Но это будет потом, а пока что он самодовольно улыбается, глядя на цифры в счёте и, видя, как «гомик» краснеет. Джина заливается громким смехом, оценив по достоинству его шутку. Наверное, в её доисторические времена так не шутили. Наверняка, официант лишился бы чувств, услышав звонкий девичий смех, доносящийся с пустого стула. Но он его явно не слышал. И, судя по поджатым губам этого педика в галстук-бабочке, шутка Андрея ему не понравилась. Ну, и хрен с ним!

— Посмотрели? — с улыбкой на вытянутом прыщавом спросил официант, когда рука Андрея потянулась к мешку с деньгами.

— Да. Плачу налом...

— А теперь можете заказать что-нибудь ещё. И платить вам за это не нужно!

— Что?! — теперь уже пришел черёд вытянуться лицу Светлова. А глаза его забегали с официанта на Джину и обратно. «Это снова ты?» — беззвучно шевеля губами, спросил он чародейку. Но та ничего не ответила, лишь показала глазами на

вход в банкетный зал.

Официант тоже указал рукой в ту же сторону и произнёс:

— Сегодня в нашем ресторане проводится новогодняя акция, и каждый сотый посетитель получает ужин в подарок, вне зависимости от суммы заказа. Сегодня вы и есть наш сотый посетитель. Так что, смело заказывайте всё, что есть в меню. Приятного вечера!

Указав пальцем на доску, висящую на стене у входа, виляя ягодицами, официант удалился.

Доска была такая же, как школьная, только меньше раз в пять. На ней женским почерком было написано желтым мелом: «1 января каждому 100-му посетителю ужин бесплатно». Светлову сразу бросилось в глаза то, что слово «ужин» было написано через букву «е». Но он не мог понять, как он сразу этой доски с надписью не заметил? И потом, подумалось ему, с такими «грамотными» работниками запросто можно разориться. Будь он директором этого ресторана, гнал бы таких «грамотеев» в шею. И в этом он был абсолютно прав: через два месяца после описанных событий ресторан закрылся, а вместо него открылся магазин, который специализировался на продаже алкогольной продукции.

— Мать моя женщина! — потрясённо произнёс Андрей, тут же услышав диалог пары за соседним столиком:

— Если бы кто-то не марафетился два часа, сотым был бы я, — говорил мужчина лет пятидесяти.

— Без макияжа я бы вообще сюда не пришла, — спокойно ответила его спутница, которая выглядела моложе его лет на пятнадцать. — А ты что, на меня денег пожалел?

Мужчина никак не ответил на реплику своей дамы, с ненавистью уставившись на Андрея. Если бы его взгляд обладал силой перфоратора, в черепе Светлова уже могло быть сквозное отверстие.

Конечно, любой среднестатистический россиянин, наверняка, тут же заказал бы море выпивки и гору закусок, тут же стал бы названивать своим родственникам и друзьям, чтобы те приходили. И делал бы это россиянин не из щедрости, а чтобы попонтоваться перед близкими ему людьми, да ещё попросил бы их снять всё происходящее на видео. Только Андрею в тот вечер с лихвой хватило халявы, ни есть, ни пить он больше не хотел. Да и надоело ему сидеть в ресторане. Хотелось сменить обстановку.

— Теперь точно пора сваливать, — сказал он Джине, похлопав себя по животу. — Больше не могу. Не лезет.

— Хорошо, — колдунья взлетела со стула и полетела в сторону выхода. — Догоняй!

Тяжело поднявшись со своего стула, Светлов посмотрел на

мужчину за соседним столиком. Взгляд того был сильнее пяти перфораторов. Проходя мимо него, Андрей не удержался и рывнул. Тут же ощутил на себе все десять перфораторов и толстую струю напалма. Только пофиг ему было, что мужик о нём думает. Этот стареющий ловелас был для него никто, и звали его никак. И подруга его всего лишь дешёвая декорация.

Одевшись, он вышел из ресторана.

Джина висела в воздухе перед витриной магазина модной одежды, разглядывая выставленные напоказ платья, туфли и сумочки. Когда её взгляд опускался на ценники, она негодуя качала головой.

— Господин, скажи-ка мне, как ваши женщины могут носить такую безвкусицу и платить за это такие деньги? — не оборачиваясь, произнесла она, когда Андрей подошёл к ней сзади.

— Ну... — Из рта клубами шёл пар. И без термометра было видно, что на улице «дубак», но Светлову холодно не было. Он ничего не понимал в моде, тем более — в женской, но всё-таки с видом знатока произнёс слова, услышанные им в какой-то телепередаче: — Сейчас это — последний писк моды. И женщины готовы отдать любые деньги, лишь бы выглядеть модно и красиво...

— Дуры ваши женщины! — оборвала его речь чародейка, резко отвернувшись от витрины. — Могли бы сами себе наряды шить... А ты чего-нибудь ещё хочешь?

Вспомнив прошлый, позапрошлый и многие другие новогодние праздники, Андрей, не задумываясь, ответил:

— В сауну хочу!

— Будет тебе сауна! Только закрой глаза и досчитай до десяти.

— Не вопрос! — Андрей зажмурился и начал считать: — Один, два, три...

Отсчитав «десять», он открыл глаза и увидел, что стоит перед дверью собственной квартиры. По левую руку от него в воздухе парила Джина.

— Как ты представляешь себе сауну? — спросила она.

— Как... — Светлов задумался. — Она должна выглядеть как «Нептун», где мы с товарищами частенько... отдыхали.

— Будет тебе «Нептун», — чародейка сделала отмашку рукой, как полководец, дающий своим войскам сигнал к атаке, и входная дверь бесшумно открылась, приглашая Андрея войти внутрь.

Сначала Андрей ноздрями втянул носом знакомый запах — запах сауны, который ни с чем не спутаешь. И только потом он увидел, что прихожая превратилась в оббитую деревянными

рейками раздевалку со скамейками, расставленными вдоль стен, над которыми висели ровные ряды вешалок для одежды.

— Ну, ты пока раздевайся и проходи... — Колдунья исчезла. Видимо, ей не очень хотелось смотреть на раздевающегося Андрея.

Раздевшись до трусов, Светлов прошёл внутрь.

Обстановка, действительно, напоминала сауну «Нептун», даже кафельные плитки, которыми были покрыты стены и сам бассейн, были такого же цвета, как в «Нептуне». Размеры и расположение сауны были такими же. Напротив бассейна, на стене, висел точно такой же телевизор, по которому транслировался тот же музыкальный канал.

Получалось, что бассейн был на месте гостиной и кухни, а сама сауна и душевые кабинки — четыре, как в «Нептуне» — располагались там, где раньше были спальня и ванная комната. И только туалет остался на прежнем месте, хоть и изменившийся до неузнаваемости.

Был там и мини-бар, заполненный разными по объёму бутылками, с одной и той же темной жидкостью внутри. Надпись на этикетках Светлова почему-то не удивила: «Liganara». Это было всё то же вино из сока лиганары.

Площадь квартиры увеличилась раза в два. Понимая это, Андрей подумал, что дом или должен растянуться, как резиновый, или у кого-то из соседей площадь квартиры уменьшилась. Впрочем, не исключено, что не произошло ни то, ни другое, ведь для Джины и её магии нет ничего невозможного.

Как и в «Нептуне», у стены, рядом с лестницей для спуска в бассейн, стояла мраморная подставка. Только «Нептуне» на той подставке стояла большая ваза с торчащими из неё высохшими ветками, а в сауне Светлова на подставке стоял египетский кувшин, переливаясь всеми цветами радуги, будто радуясь чему-то.

— Как тебе? — Чародейка появилась так внезапно, что Андрей вздрогнул от неожиданности.

— Зашибись!

— Ну, тогда грейся, купайся, а я пока побуду в кувшине.

— А...

— Мне нужно немножко подзарядиться. — Джина подлетела к кувшину, взмахнула руками, после чего превратилась в тоненькую струйку дыма, которую, как пылесос, со смачным шипением всосал в себя кувшин.

— Ну, подзаряжайся, — пробормотал Андрей, направляясь в сауну, которая была точной копией оригинала, только Светлову она показалась гораздо жарче, и пахло там благовониями, запах

которых слегка кружил голову, наполняя душу необычайным спокойствием.

Сделав два захода в сауну и дважды понежившись в прохладном бассейне, Андрей вдруг захотел русскую баню.

— Джина! — крикнул он в сторону кувшина, вылезая из бассейна.

— Что, мой господин? — слышался её приглушенный голос.

— А можешь сделать русскую баню и берёзовый веник?.. Нет, два веника?

— Иди, парься! — услышал он в ответ знакомый голос, доносящийся как из глубокого колодца. На кафельной стене тут же появились крючки с целым набором веников: березовых, дубовых, пихтовых, что Андрея даже не удивило, ведь всю информацию о русской бане Джина слизала из его головы. Она знала о русской бане всё, что знает он. И ничего дополнительно объяснять ей не нужно. — Лёгкого тебе пара!

— Спасибо! — ответил чародейке Светлов, засовывая веник под мышку.

И понеслось...

Сначала ему казалось, что он может париться бесконечно долго, но в какой-то момент Андрею стало чего-то не хватать. Точнее кого-то. Он при-вык к тому, что в бане или в сауне с ним всегда кто-то был: коллеги по работе, проститутки или и те, и другие. А вот сейчас он был абсолютно один. И лишь телевизор на стене составлял ему компанию. Но разве это компания? Коллег по работе — теперь уже бывших — ему видеть не хотелось. Но насчет проституток...

Светлов видел, что Джина может заставить людей плясать под её дудку. Значит, ей не составит особого труда пригласить сюда какую-нибудь даму или дам. Может, попросить её об этом? Андрей уже открыл было рот, чтобы озвучить своё желание, но тут же вспомнил, как призрачная колдунья расправлялась с нежелательными компаньонами в ресторане. И это было слишком жёстко! Даже, если она исполнит его желание, любое существо женского пола или переломает ноги по пути в баню, или сломает шею прямо здесь, поскользнувшись или запнувшись. Может, вообще утонет в бассейне или вырубится в парилке от перегрева. Может ли такое быть? Ещё как может! Ведь, как показала практика, ревность не чужда даже тем, у кого нет физической оболочки, то есть тела. Поэтому придётся париться в гордом одиночестве, пока не надоест.

И он парился. Хлестал себя веником до седьмого пота, а потом плавал в бассейне. В перерывах между «подходами» пил

вино из сока лиганары. В какой-то момент, немного утомившись, решил прилечь на кожаный диван, такой же, как в «Нептуне», и заснул. Его храп эхом отдавался от кафельных плит, вызывая смех у Джины и рябь на воде в бассейне. Чародейка, давно не слышавшая такого храпа, смеялась от души. Но в какой-то момент ей это надоело. Прозрачной дымкой выйдя из кувшина, она подлетела к Андрею и, что-то тихо шепча, провела рукой над его лицом. Храп тут же прекратился. Колдунья излечила Светлова от этой «болезни», которая, зачастую, беспокоит не столько самого больного, сколько его близких, которым «посчастливилось» ночевать с храпуном в одном помещении. Излечила навсегда, о чём Андрей никогда не узнает, и вряд ли будет догадываться. Он же всегда считал, что вообще не храпит.

А тремя часами ранее Юлия стояла у крыльца и нервно курила, дрожащей от холода рукой стряхивая на снег пепел. Из её носа торчали окровавленные тампоны, на правой щеке пульсировал болью уже начавший темнеть синяк. Плюс ко всему — ноющая боль в затылке. Похоже там большая шишка. Слава Богу, что волосы длинные, хоть шишак не виден.

Глядя на голубоватое облако табачного дыма, в котором угадывались фигуры сказочных гномов и драконов, она думала о том, что жизнь полное дерьмо, что надо быть полной неудачницей, чтобы приехать из Челябины в Ё-бург, чтобы познакомиться с нормальным мужиком и в первом же ресторане встретить... челябинца! Да не простого, а того, кого она знала уже много лет и в родном Челябинске, возможно, даже не обратила бы на него никакого внимания.

Он учился с ней в школе. Она не могла вспомнить его имени, но точно помнила, что он оказывал ей знаки внимания, пока она его не отшила.

А как тут не отшить? Он был мелким, тощим, прыщавым, с впалой цыплячьей грудью. С такой внешностью он напоминал ей гадкого утёнка. А зачем ей нужен был этот гадкий утёнок, когда вокруг неё вились настоящие самцы, породистые жеребцы? Конечно, он ей был не интересен.

Только вот где сейчас эти самцы и нужна ли она им? Да хрен знает, где! И она им не нужна. Она вообще никому не нужна!

Зато гадкий утёнок превратился в настоящего лебедя. Судя по пакету, доверху набитому деньгами, богатого лебедя. То, что в пакете именно деньги, она не сомневалась. Ведь во-первых, она чувствовала этот запах купюр, который ни с чем не спутаешь, а во-вторых, проходя мимо столика, за которым сидел этот «лебедь», она «как бы случайно» подошла как можно ближе и заглянула в пакет. Там действительно были деньги. Много денег!

А этот лопух, болтая по телефону, её даже не заметил.

Как же его зовут? Александр? Алексей? Нет!.. Андрей! Да, его имя — Андрей! А вот фамилия его напрочь стёрлась из памяти. Какая-то простая — то ли Белов, то ли Краснов. Может, Чернов? Да, чёрт с ней, с фамилией. Главное — она вспомнила его имя. Это уже неплохо. Это уже полдела.

И вот этот Андрей сидит за столиком и базарит с кем-то по телефону через грёбаную гарнитуру. Сначала, глядя на него, Юлия подумала, что у него сделка в ресторане. В девяностые годы прошлого века она часто имела дело с мужиками, которые заключали сделки в ресторанах, в кафешках, в саунах, в вагонах поездов, в самолётах и даже на отдыхе за бугром. Чёрт побери, но это были девяностые! А сейчас времена пошли немного другие. И мужики совсем другие пошли. К тому, же он пил коньяк, а разве можно в наше время совершать сделки на пьяную голову? Конечно, нет. Это может быть чревато проблемами.

К тому же, Юлия в перерывах между песнями услышала обрывок его телефонного разговора: «За тебя, красавица моя! Жаль, ты не можешь разделить со мной этот ужин...»

Он бухает. Никто не пришёл на сделку. Его тёлка, похоже, тоже в ресторан не придёт. И при этом у него хорошее настроение, а ведь любой нормальный мужик, сорвись у него сделка или не приди в ресторан подруга, расстроился бы и тут же заказал бы водку. А этот сидит себе довольненький...

А раз это не встреча с деловым партнёром и не «свиданка» с сучкой, тогда что это?

А вдруг он такой богатый, что вместо кошелька носит с собой мешок с деньгами? В девяностые таких мужиков она тоже встречала. Вдруг он работает с «чёрным налом», поэтому его деньги лежат не на счетах, а в большой кубышке? Очень большой!

Юля не знала ответов на все свои вопросы, а потому решила пойти ва-банк и всё выяснить самой. К тому же, раз она — его нереализованная сексуальная фантазия — и Юлия это знала, — ей бы не составило особого труда при благоприятном стечении обстоятельств сорвать джек-пот. Главное, чтобы её не опередила какая-нибудь молоденькая сучка с длинными ногами и силиконовыми грудями. Молоденькая сучка ещё своё насосёт, а ей, Юле, такая возможность уже может не представиться. Возраст уже не тот.

И вот, понимая, что промедление смерти подобно, Юлия поднялась из-за своего одиноко стоящего в углу столика и походкой «от бедра» направилась к Андрею, не отводя взгляда от пакета с деньгами, которые, если всё пойдёт по плану, могут достаться ей. Главное ухватить его покрепче за член, и он уже

никуда не денется, когда она разденется.

Она его окликнула. Он узнал её, даже поднялся со стула и улыбнулся. Жар-птица была уже почти в руках, но тут какая-то падла — Юлия даже не видела, кто это был, да это уже не так важно, — выдвинула свой стул, как нарочно, в самый проход. И надо же такому случиться, что нога Юлии зацепилась прямо за этот чёртов стул.

Далше всё пошло по самому худшему сценарию: она стала падать, со всей дури грохнувшись сначала на стол, потом лицом об пол. В довесок что-то тяжёлое упало ей на голову, после чего Юля всё видела, как сквозь пелену тумана: вокруг неё засуетились люди, со всех сторон, как мухи на говно, слетелись официанты со своими дурацкими извинениями. Да кому нужны их извинения, когда она такой шанс только что упустила?! Пусть они засунут эти извинения себе в жопу.

Да, пролетела, как фанера над Ла-Маншем. Хотя в данном случае слово «фанера» не подходит. «Корова» — вот самое подходящее слово!

Она не помнила, как оказалась в кабинке и как заказала бутылку водки, но именно водка помогла ей прийти в себя. Оглядевшись, Юля поняла, что сидит одна в тёмной кабинке. С одной стороны, её это порадовало, ведь никто не будет пялиться на её распухший нос и на синяк на лице. Никто не будет показывать на неё пальцем и говорить: «А вон та баба упала. Ха-ха-ха! Наверное, пьяная уже...»

С другой стороны, как в этой мрачной кабинке можно познакомиться с мужиком, если сюда никто не заходит? Даже официанты обходят эту кабинку стороной. И Андрея уже вряд ли получится охмурить с такой физиономией. Остаётся одно — напиться с горя и уйти отсюда восвояси. Быть может, будет дубль два и дубль три. Как знать, может, в другой раз повезёт?

Всё это Юлия прокручивала в голове пока курила. Несмотря на собачий холод, она курила уже вторую сигарету подряд. Мороз пошёл ей на пользу: в голове немного прояснилось, перестали болеть щека и затылок. Кровь из носа тоже перестала течь, поэтому Юля смело достала из ноздрей тампоны и кинула их в снег.

И тут из ресторана вышел ОН! В расстегнутой дублёнке, в меховой шапке, небрежно помахивая пакетом с деньгами, он прошёл мимо Юлии и остановился у витрины магазина, рассматривая женские платья. Неужели он хочет сделать подарок своей сучке? Нет! Этого нельзя допустить!

Пар вырывался из его рта, когда он беззвучно шевелил губами. Вероятно, про себя крыл матом итальянских модельеров,

которые шьют такие дорогие платья. Но разве мужики, подобные Андрею, считают деньги? Похоже, что да!

«Он мой, только мой!» — твёрдо решила Юлия, решительной походкой направляясь к Светлову. Похоже, боженька всё же смилостивился над ней и решил дать второй шанс, который она сейчас точно не упустит. Главное — смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться, не подвернуть ногу и не упасть в открытый канализационный колодец, как в две тысячи пятом году.

Андрей отошёл на несколько шагов от витрины, замер, словно о чём-то раздумывая. Юлия решила подойти к нему сзади и, мягко положив руку ему на плечо, уговорить остаться. Тогда его яйца и кошелек точно будут в её руках. С другими мужиками это срабатывало, сработает и с ним. Но, когда её рука уже должна была коснуться его плеча, Андрей вдруг исчез, а Юлина рука, оцарапав воздух, безвольно повисла. Он словно исчез, испарился.

— Что за ху... — Юлия подняла глаза вверх, но не увидела ничего, кроме большого снежного нароста, свисающего с края крыши, готового вот-вот свалиться кому-нибудь на голову. Женщина посмотрела по сторонам, потом туда, где только что стоял Андрей. Нет, она не сошла с ума и не допилась до белой горячки. От крыльца ресторана шла стройная цепочка следов мужских ботинок сорок третьего размера, которая внезапно обрывалась прямо у неё под ногами. Но как такое возможно? Может, это какой-то фокус или розыгрыш?

От размышлений её оторвал мужской голос:

— Не стойте здесь, замёрзнете! Пройдёте внутрь!

Она подняла глаза. Перед ней стоял мужчина, как две капли воды похожий на одного известного голливудского актёра, имени которого она, увы, вспомнить не могла.

— Ага, — она посеменила к ресторану, отмечая, как иголки холода безжалостно впиваются в руки, в мочки ушей и в нос.

Сдав шубу в гардероб, Юлия поспешила в свой тёмный закуток, прикрывая лицо ладонью, словно закрываясь от яркого света, чтобы не показывать никому свои синяки и припухлости, в борьбе с которыми оказались бессильными и холодная ложка, и тональный крем.

Каково же было её удивление, когда в своей кабинке она увидела того самого мужчину, которого встретила на улице! Но как он мог оказаться в кабинке раньше её, если шёл позади? И откуда он узнал, что она сидит именно в этой кабинке, а не где-нибудь в другом месте?

В тот момент, когда Юлия приоткрыв рот от удивления и вытаращила глаза, в её памяти даже всплыло имя того актёра, на которого был так похож наглец, посмевавшийся без разрешения

усесться за столик в её кабинке — Кристофер Уокен. И единственный фильм с его участием, который Юлия вспомнила «Мёртвая зона», снятый по роману Стивена Кинга. Фильм ей понравился, а вот актёр нет. Юля считала, что Кристофер Уокен, благодаря своим холодным глазам и тонким губам, очень похож на рыбу. Этаким голливудский карась. А потому он ей не нравился. Не нравился ей и мужчина, сидящий в кабинке и с интересом рассматривающий её. Так бы и выцарапала ему глазёнки!

— Мужчина! Эта кабинка моя, и я ни с кем не хотела бы её...

— Щ-щ-щ! — Он приложил палец к своим рыбьим губам, не дав ей договорить. — Всего один вопрос, и я уйду.

— У тебя две минуты. — Юлия уперлась руками в пока ещё стройные бока. Лоб её прорезала вертикальная морщина. Так она и стояла, возвышаясь над двойником Кристофера Уокена. В ту минуту она была прочной и высокой, как неприступная крепость.

— Успею, — в левой руке мужчины вдруг оказался блокнот в кожаном переплёте, а в правой дорогая шариковая ручка, какие обычно бывают только у больших начальников. — В общем, так... Меня зовут Белозар. Я провожу небольшое социологическое исследование и выясняю, чего в новогодние праздники больше всего хотят от жизни граждане России, о чём они мечтают. У вас вот, например, какая мечта?

— Моя мечта? — Вертикальная морщинка на лбу разгладилась, Юля убрала руки с талии и опустилась на диванчик, сев напротив мужчины. — Я хочу познакомиться с нормальным мужиком. Я для этого сюда из Челябинска пёрлась. Мне нужен богатый, щедрый, добрый, понимающий меня мужик. Чтобы мы любили друг друга и были, как две части одного целого... Я так устала плыть по реке говна под названием «жизнь» в одиночестве! Поэтому мне нужен спутник. Мужчина, на которого всегда можно опереться, который всегда меня поддержит... В общем, чтобы член у него стоял и бабки были.

— Это и есть ваша мечта? — Брови мужчины удивлённо поползли вверх. — Ваше желание?

— Да! — Она кивнула. — Моя мечта и моё желание. Только сразу хочу сказать, Белозар, что моя мечта — не ты. Ты не герой моего романа...

— Понимаю, — Белозар кивнул, что-то нацарапав в своём блокноте. — Ваше желание обязательно исполнится!

— Твои бы слова да Богу в...

Он не стал её дослушивать, просто засунул блокнот и ручку во внут-ренний карман пиджака и выскочил из кабинки, оставив после себя лишь приторный запах мужского парфюма.

Немного посидев и обдумав ситуацию, Юлия решила, что Белозар скорее всего, ненормальный. Судя по нездоровому блеску его глаз, так оно и было. Нужно выкинуть его из головы, как и всё, что сегодня произошло, и жить дальше. Просто жить, маленькими шажками двигаясь к намеченной цели. Но для начала нужно немного выпить...

Она уже хотела подняться с диванчика, чтобы позвать кого-нибудь из официантов, заодно посмотреть, как продвигается работа у горе-социолога, но тут створки двери кабинки распахнулись, и внутрь влетел ОН. ОН ворвался, как вихрь — мощный, напористый и неудержимый. Сразу же крикнул пробегающей мимо официантке:

— Нам принесите чего-нибудь красного полусладкого и салатиков... На ваше усмотрение.

Когда официантка скрылась за шторкой кухни, незнакомец присел рядом с опешившей от неожиданности Юлии и тихо спросил: — И как зовут такую красоту?

Его губы были так близко от уха Юлии, что, казалось, ещё чуть-чуть, и он поцелует её ушную раковину. И что с того? Пусть целует. Она даже сопротивляться не будет и не отвесит ему пощёчину. Ведь это был тот самый мужчина, которого она искала. Юля это поняла с первого взгляда. Пусть, стареющий (под пятьдесят или чуть за пятьдесят), но это был настоящий брутальный самец с «ёжиком» седых волос на голове, подтянутый и моложавый, в красной рубаше и кожаной жилетке, в дорогих остроносых сапогах с металлическими накладками. Ему не хватало лишь ковбойской шляпы и сигары, хотя Юлия не сомневалась, что всё это у него есть. От него просто веяло уверенностью в себе и властью. Про таких обычно говорят: «Настоящий полковник». Правда, военный человек так одеваться бы не стал. Нанизывать золотые перстни на все пальцы рук тоже. Его стиль одежды можно было охарактеризовать как цыганский. Но если он и цыган, то, непременно, барон. Никак не меньше.

— Девочки... коллеги зовут меня Джулией, — Юлия снова прикрыла рукой лицо. Но поздно. От цепкого взгляда незнакомца не укрылись ни синяк на её щеке, ни опухший нос.

— Потрясающе звучит... Джулия! Джулия, я прошу вас, не прячьте от меня своё личико. Вы прекрасны, и даже маленький синячок вас не портит, поверьте мне! — Он нежно прикоснулся к её правой руке и опустил её на стол, слегка погладил, накрыв своей большой ладонью. И Юлия не отдернула свою руку, как это она делала всегда, общаясь с незнакомыми мужчинами, чтобы показать им, что она, хоть и проститутка, но не такая уж доступная, и ночь с ней дорогого стоит. В тот момент для неё

ничего не существовало, кроме его мужественного голоса, который завораживал и... возбуждал, заставляя бабочек внизу живота потихоньку расправить свои крылышки и начать ими помахивать. И ей хотелось, чтобы он продолжал говорить, но незнакомец вдруг замолчал, наблюдая за тем, как официантка расставляет на столе тарелки с салатами и разливает по бокалам вино. Когда официантка наконец-то удалилась, он продолжил: — А я Сергей Сергеевич. Джулия, давайте выпьем за знакомство, а?

И они выпили.

Вино ударило Юле в голову, и она, как говорится, поплыла. Как её так развезло, она понять не могла. Может, дело было в крепком вине, может, в накопившейся усталости. Хотя какая может быть усталость в новогодние праздники? Наутро она только помнила, как они с Сергеем Сергеевичем танцевали, болтали о жизни и смеялись, сидя в кабинке. Снова пили, опять танцевали. После закрытия ресторана поехали на «запасную» квартиру Сергея Сергеевича, где занимались любовью, пока Юля не заснула. Это только внешне Сергей Сергеевич казался немолодым. «Там» у него всё работало исправно, как у пионера, который всегда готов.

Утром, за завтраком, выяснилось, что Сергей Сергеевич (что казалось невероятным) тоже из Челябинска, и у него есть свой коттедж недалеко от озера Увельды, куда он и пригласил Юлю. Конечно, она не смогла отказаться от такого приглашения, и сразу после завтрака они прыгнули в «Порш» Сергея Сергеевича и поехали, как он сказал, в родную деревню.

Всю дорогу они болтали о жизни. Выяснилось, что у них много общего: оба в своё время отбывали наказание за кражи, мошенничество и принуждение к занятию проституцией. Оба мечтали открыть массажный салон или сауну (а лучше и то, и другое), где бы трудились самые красивые проститутки Челябинска. И администраторы чтобы «толкали» клиентам наркоту. Вот тогда бы дело пошло! Разумеется, наученные горьким жизненным опытом, они будут вести свой незаконный бизнес с предельной осторожностью. И никакие менты им будут не страшны. Но всё это были лишь мечты, которым не суждено было сбыться.

«Вот это удача! — думала Юля, сидя на пассажирском сиденье. — Я встретила нормального мужика, который меня любит, понимает, и у нас так много с ним общего! Он состоятельный и из Челябинска. Чудеса! Кажется, мечты сбываются. Не зря под бой курантов желание загадывала. Не зря!»

Сергей Сергеевич тоже думал о Юле. Думал о том, что она — сексу-альна и красива, молода, мастерски сосёт и довольно-таки

живенькая в по-стели. Разумеется, всё это в сравнении с его бывшей женой, на которую у него член не вставал даже с «волшебными» таблетками. В своё время он даже поставил на себе крест, как на мужчине, думая, что конченный импотент. А оказалось, что нет. С Юлей у него всё получилось. Результат превзошёл все ожидания, и не понадобились никакие таблетки. Тут же вспомнился странный тип в ресторане, который пообещал ему, что его желание — трахаться с молодой бабой исполнится. И оно исполнилось... Какая же она красивая!

В лучах утреннего солнца, с румянцем на щеках, она казалась ему не просто красивой, а божественно красивой. Такой же румянец у неё был, когда она ночью стонала под ним и дважды кончила. И Сергей Сергеевич не сомневался в том, что её румяные щёки всегда будут ассоциироваться у него с сексом. Только он не знал, что Юле всего-навсего стало жарко. И секс тут был ни при чём.

Она расстегнула шубу, сладко потянулась, продемонстрировав Сергею Сергеевичу большую отвисшую грудь, плоский живот, пусть даже в нескольких местах покрытые «звездочками» варикоза, но всё-таки красивые и длинные ноги.

И в тот самый момент Сергей Сергеевич ощутил очередную волну желания, которая прилила к его гениталиям с такой силой, что член мгновенно затвердел и стало трудно вести машину. Пока Сергей Сергеевич судорожно соображал, что делать: остановиться на обочине и оттрахать Юльку или потерпеть до дома, его левая рука, лежащая на руле, произвольно дёрнулась. И дернулась она так сильно, что машину резко повело влево, и она тут же оказалась на встречной полосе, где лоб в лоб столкнулась с груженым под завязку «MANом». После удара машину отбросило назад, на свою полосу. «Порш» завертелся вокруг своей оси, разбрасывая в разные стороны пластик и осколки стёкол. Послышался истошный крик Юлии. Тут же в бок ударил «МАЗ», отправив «Порш» на обочину, где он упёрся смятым в «гармошку» передком в занесённый снегом большой камень, на котором по иронии судьбы кто-то черной краской нарисовал череп и снизу написал по-английски слово «смерть» — «deth».

Крик Юлии оборвался. Замерло всё кругом: искореженный, не так давно купленный в кредит «Порш», грузовики на Челябинском тракте, птицы в кронах деревьев.

Гробовая тишина длилась не больше двадцати секунд, но казалось, что с момента аварии прошла целая вечность. Потом всё пришло в движение: с криками забегали люди, кто-то вызвал ГИБДД-шников, потом приехали спасатели, которые извлекли из бесформенной груды металла окровавленные тела Юлии и её

немолодого любовника. Бездыханные тела накрыли белыми простынями и погрузили в машины «скорой помощи».

За всем этим через хрустальный шар наблюдал Белозар. В тот момент он находился в том самом коттедже Сергея Сергеевича, до которого влюблённая парочка так и не доехала. Белозар сидел у камина в кресле-качалке, сжимая шар руками. Поодаль от него за журнальным столиком на простой табуретке сидело человекоподобное существо с рогами и копытами, покрытое густой чёрной шерстью. Это был самый настоящий чёрт Сева, давний приятель Белозара. Чёрт раскладывал карточный пасьянс, периодически постукивая копытами по полу.

Когда хрустальный шар перестал светиться, и картинка пропала, Белозар осторожно положил шар в деревянный ящик и обернулся к Севе.

— Какой финал! Я сейчас расплачусь! Это надо было показать моему товарищу из штатов по имени Квентин. Думаю, он бы эту сцену включил в какой-нибудь фильм.

— Да вы циник, батенька, — пробормотал чёрт, ненадолго оторвав свои свинячьи глазки от карт.

— Зато я исполнил желания сразу двух человек: они нашли друг друга, у них была любовь, и оба стали частью одного целого...

— Какого ещё целого? — удивился Сева. — Я видел картинку с шара. Машина в хлам разбита...

— Они стали частью одного ДТП, о котором потом долго будут рассказывать средства массовой информации. — Белозар вдруг задёргался. Его так сильно трясло, что он чуть не перевернулся вместе с креслом. По нему забегали голубоватые молнии, которые растворялись в нём, проникая под одежду, под кожу. Это походило на разряды электрического тока, но Белозар знал, что с электричеством это никак не связано. То, что с ним происходило, было приходом энергии, скромной платой за исполнение желаний. И так было всегда, на протяжении сотен лет. Так будет всегда, пока Белозар не уйдёт в мир иной. И что-то подсказывало Белозару, что произойдёт это не скоро.

Молнии исчезли так же внезапно, как и появились. Белозар обмяк в кресле, откинувшись на его спинку и прикрыв глаза. Так он сидел минут пять. Потом, не открывая глаз, достал из кармана полосатого халата сигару, прикурил от зажигалки, некогда принадлежавшей Сергею Сергеевичу.

— Ох, хорошо-то как, — выдохнул он вместе со струёй густого дыма. Белозар считал себя сторонником здорового образа жизни, но сигары, особенно в последнее время, стали его слабостью. Особенно, кубинские. — Как хорошо!

— Когда-нибудь ты не справишься с этой энергией, и она разорвёт тебя изнутри, — шлёпая картой по крышке столика, сказал Сева.

— Завидуй молча! — Белозар дыхнул в сторону черта облаком табачного дыма, улыбнулся. — Раздавай карты. Сейчас я тебя в «Дурака» сделаю!

Глава 4. «Развод» Станислава Игоревича и ещё кое-что

Как только Светлов перестал храпеть, Джина вернула его квартиру в прежнее состояние и вылетела через окно, легко пройдя сквозь оконное стекло. Она полетела «в гости» к Станиславу Игоревичу, теперь уже бывшему боссу Светлова. Нужно было наказать «старого козла» и заставить его заплатить за всё сполна. Да, это было желание Андрея, но сроки его исполнения они не оговаривали. А потому Джина решила исполнить его ночью, втайне от своего любимого господина, от своего освободителя, чтобы сделать ему сюрприз.

Руководствуясь воспоминаниями Андрея, как навигатором, чародейка легко нашла просторную квартиру Станислава Игоревича и через окно влетела внутрь.

Квартира была просторной, обставленной дорогой мебелью, не такой скромной, как у Андрея. Ну, ничего! У него ещё круче хоромы будут! Уж она-то ему в этом поможет!

Бывший начальник Светлова сидел в гостиной на кожаном диване и, как маленький ребёнок, увлеченно играл в «Тетрис» на телефоне. В ванной принимала душ любовница Станислава Игоревича, которая по возрасту была на два года моложе его дочери. А в его желудке растворялась таблетка от импотенции. Всё это Джина узнала, слегка прикоснувшись к сознанию того, кого все называют боссом. А вот проникнув глубже, узнала о нём много чего интересного и поняла, что исполнить желание господина и повелителя будет не так уж сложно. И на это уйдёт не так уж много сил.

«Gameover», — высветилось на экране. А эта тупая сучка всё не выходила. И чего она так долго? Воды дома нет, вот и решила капитально помыться, чтобы надолго хватило? И член уже начал потихоньку оживать... Как бы не получилось, что он успеет опасть, а эта тупица так и не вылезет из этой долбаной ванной. Будет там до утра свою щель намыливать! Когда она уже вылезет?

Судя по непрекращающемуся шуму воды, Ксения решила засесть в ванной комнате надолго. Ну, и ладно! Опадёт хер — до утра сосать будет, пока рот не устанет! Две таблетки за один раз принимать нельзя, это вредно для здоровья.

Тяжело вздохнув, Станислав Игоревич направился в кухню. Пользуясь случаем, решил выпить немного любимого коньяка и выкурить сигаретку. Что время зря терять, да? Потом он ещё выпьет и покурит, но это будет потом.

Ещё в коридоре уловил носом давно забытый, но знакомый запах — запах телячьей кожи, мужского одеколона «Eldiablo» и запах сигар. Этот запах шёл из кухни и распространялся по всей квартире. Ужасный, отвратительный запах. Так всегда воняло от Ильи Кожухова по кличке Кожа, с которым Станислав Игоревич дружил ещё в далёких девяностых. Хотя можно ли это назвать дружбой? Скорее, нет. Лучшие друзья таких бизнесменов, как Станислав Панов — деньги. И чем их больше — тем лучше! А люди — так, букашки. Декорации в спектакле под названием «Моя Жизнь», которые постоянно меняются. Ну, и хрен с ними!

Интересно, а чем всё-таки так воняет? Что-то забыл убрать в холодильник, и оно начало протухать? Салат? Сыр? Колбаса? Может, шиншилла опять убежала из клетки и сдохла на кухне? Хоть бы и сдохла! Достала эта крыса! Подарок дочке, тупейшее существо, о котором любимая дочурка вспоминает лишь тогда, когда бывает в гостях, да и то редко.

Входя в кухню, Станислав Игоревич щёлкнул выключателем и включил свет.

— О! — вырвалось у него. — А-а-а...

Лучше бы это была шиншилла. Но на его кухне, за столом, под картиной с голой девкой на стене, сидел... Кожа собственной персоной!

Но как это могло быть? Он что, вернулся из преисподней? Нет, нет! Только не это!

Панов затрясся всем телом. В следующее мгновение его мочевого пузыря не выдержал, и тёмное пятно начало медленно расползаться по белым итальянским брюкам, купленным в Милане. Но Станислав Игоревич был так напуган, что даже не заметил этого. А ведь было, чего испугаться, ведь Кожа в своё время в Кирове был довольно-таки известной личностью. Его боялись и уважали. Он дружил и с ментами, и с криминальными авторитетами. Дружил с ним и Панов. В своё время они вместе протапывали дорожку в большой бизнес, у них даже был свой магазин по продаже электроники, но позже Кожа от Панова отпочковался и занялся более рискованными делами, чем продажа утюгов и телевизоров. Разумеется, эти дела были незаконными, но приносили Илье Кожухову баснословные барыши. К тому же, у него всегда было всё схвачено и за всё заплачено. Именно поэтому он всегда оставался на свободе и выходил победителем из любой передраги. Именно поэтому Станислав Игоревич много лет поддерживал с ним приятельские отношения. Крест на этих отношениях поставил августовский кризис тысяча девятьсот девяносто восьмого года. самого плохого года в жизни Панова, о котором впоследствии он не любил вспоминать.

Хотя многие тогда говорили, что произойдёт обвал курса рубля, и «будет полная жопа», Панов им не верил. Ему казалось, что ситуация в стране стабильная, и всё будет хорошо. Поэтому летом тысяча девятьсот девяносто восьмого года он попросил у Кожи денег в долг и закупил крупную партию электроники по самым низким ценам, которые были на тот момент. Разумеется, он брал долг в долларах США и верил, что сможет быстро отдать. Но грянул экономический кризис, который обвалил рубль и сделал сумму долга неподъёмной. Весь товар «встал». Склады и полки магазинов были им забиты под завязку. И никто ничего не покупал. Как назло, Кожа постоянно звонил и напоминал о приближении сроков возврата долга. Не желая ничего слышать ни об экономическом кризисе, ни об обвале рубля, он требовал отдать долг и не давал никакой отсрочки, намекая на начисление процентов в случае несвоевременного возврата долга и на физическую расправу над Пановым и его семьёй: женой и дочкой. Разумеется, начать расправу он планировал с семьи. Когда Станислав Игоревич сказал, что может отдать долг товаром, Илья посоветовал ему засунуть товар себе в жопу, чем, по сути, подписал себе смертный приговор, так как, будучи загнанным в угол, Панов был готов на всё, в том числе и на убийство своего кредитора.

После очередной безуспешной попытки отсрочить срок платежа, Станислав Игоревич пригласил Илью Кожухова к себе на дачу. Якобы, компаньоны по бизнесу привезут деньги туда. Заодно пообещал Коже баньку, девочек и шашлыки с водочкой. Разумеется, Илья не смог от такого приглашения отказаться. К тому же, ни за что из обещанного платить было не нужно. И в назначенный час он подъехал на своём «Мерседесе» к воротам дачи Панова. Когда он вышел из машины, чтобы нажать на кнопку домофона, к нему подскочили два молодчика — наркоманы, нанятые Станиславом Игоревичем. Один из них воткнул Коже нож в грудь, а второй обрезком трубы превратил его голову в кровавое месиво.

Как и обещал, Панов расплатился с ними килограммом героина. Не знали только наркоманы, что в запечатанном пакете больше яда, чем героина, а эту убийственную смесь по заказу Станислава Игоревича сделал его знакомый «химик». Уже через час наркоманы ушли в мир иной, утянув за собой троих своих товарищей.

У правоохранителей не возникло вопросов о том, кто убил Илью Кожухова, так как у наркоманов нашли «мыльницу», на которую они сфотографировали распостёртое на земле окровавленное тело Кожи и себя на его фоне. Прямо, как

охотники, которые фотографируются на фоне своих трофеев. Только это была не их инициатива, а сделали они это по просьбе Станислава Игоревича.

Разумеется, от начала и до конца это был план Панова. Нет, ранее он никого не отправлял к праотцам, а подобное убийство он видел в одном американском фильме, название которого со временем из головы вылетело, а вот само убийство — нет. Как и в том фильме, убийцы были мертвы, а заказчик убийства так и не понёс наказание. Гениально! Сценаристам — респект!

На похоронах Кожы Станислав Игоревич произнёс такую пламенную речь, что чуть не расплакался. В тот момент он даже поверил, что они с Кожуховым были настоящими друзьями, и такого надёжного партнера по бизнесу, как Илья, у него уже не будет. Хотя где-то в глубине своей черной, черствой душонки он хлопал в ладоши, рукоплеща собственной сообразительности и актёрскому мастерству. Чтобы выйти из образа скорбящего друга, ему потребовалась всего одна бутылка хорошей водки.

А на следующий день после похорон «друга» Панов сел на поезд и уехал из Кирова в Челябинск, где планировал залечь на дно, пока всё не уляжется. Там и остался, о чём никогда не жалел, пока к нему не явился этот призрак из прошлого, такой же реальный, как клавиша выключателя под подушечкой пальца.

— Присаживайся! — Кожа широким жестом указал на табурет, стоящий у стола.

— Д-да, — с трясущимися поджилками Станислав Игоревич дошёл до стола и тяжело опустился напротив Ильи. Как бы страшно ему ни было, как бы он ни старался, всё равно не мог отвести глаз от спокойного лица Кожы, высеченного словно из камня. В своё время Панов пытался забыть, выкинуть это лицо с властными чертами из головы, и никак не ожидал его увидеть, да не где-нибудь, а в собственной кухне. В памяти тут же всплыли кадры из фильмов про мертвецов, и сердце сковало ледяным ужасом. Наверное, сейчас Илья задушит его и начнет поедать не успевший остыть труп. От этой мысли во рту Панова стало сухо, а на всём теле выступил холодный липкий пот, от которого рубашка прилипла к спине, и стало так холодно, словно кто-то, может даже Кожа, открыл настежь все окна в квартире. От этого Станислава Игоревича стало трясти ещё сильнее.

— Да успокойся ты! — Илья достал из внутреннего кармана своей неизменной кожаной куртки пистолет и положил его на крышку стола. — Не умер я! Я живой...

«Значит, просто убьет! — пронеслось в голове Панова. — Жрать меня не будет, просто убьёт! Господи, лишь бы не мучил меня перед смертью! Лишь бы не мучил».

— Но... Как? — с трудом выдавил из себя Станислав Игоревич. Его вопрос прозвучал, как карканье вороны.

— Я перекупил твой заказ и инсценировал собственную смерть. Потом семнадцать лет жил за границей...

— Прости! Прости! — Из глаз Панова полились крупные слёзы. Не от раскаяния, нет. От страха. Впервые в жизни он понял, что облажался. А ведь он должен был понять это много лет назад, ещё в конце проклятых девяностых, когда стоял у свежей могилы и смотрел... На крышку гроба! Да, именно на крышку гроба, так как голову Ильи наркоманы превратили в кровавую кашу, и немногочисленные родственники покойного настаивали на том, чтобы его хоронили в закрытом гробу. А что было в гробу — история умалчивает. Там мог быть и строительный мусор, и неопознанный труп бомжа. Там мог лежать и один из должничков Илюхи, не отдавший долг вовремя. Только Панов этого не видел. Он вообще ничего этого не видел, хотя бы потому, что ему ЭТО не показали. Но он-то тогда был уверен, что хоронит своего кредитора. Иначе присутствовал бы не на его похоронах, а на своих собственных. Но получается, что он все эти годы он обманывал сам себя, тешил напрасными надеждами на то, что всё улеглось, устаканилось. А Кожухов все это время был жив и здоров. Быть может, он следил за ним и выжидал удобного момента, чтобы расквитаться. И сейчас он это сделает! И миновать этого нельзя, можно только немного отсрочить. — Честное слово, бес попутал. Я...

Станислав Игоревич опустил на пол, встав на колени в позу кающегося грешника, и затряс перед лицом ладонями, сложенными «лодочкой».

— Заткнись! — холодно оборвал его Кожа. В тот момент его глаза сверкнули. Позже Станислав Игоревич уверял себя, что это было лишь отражение очередного дворового салюта, тогда от страха он чуть не навалил в штаны. — Заткнись и слушай...

— Да, да — всхлипывая, Панов кивал головой, не переставая трястись.

— Дошли до меня слухи, что ты, гнида позорная, уволил моего кореша — Андриюху Светлова...

— Пока не уволил, но...

— Не лепи мне горбатого! — Илья подался вперёд. Его глаза снова гневно сверкнули. — Он мне переслал твоё сообщение... Ты, сука, понимаешь, что ты в очередной раз накосячил, а? Ты оскорбил моего лучшего друга, ты просто показал, что этот хороший человек, благодаря которому ты неплохо обогатился, для тебя никто. Ты просто втоптал его в грязь, смешал с дерьмом. А ведь он тебе верил. Он уважал тебя и пахал, себя не жалея. И

ради тебя и твоей фирмочки он жертвовал всем, чем только можно! А ты так по-скотски с ним обошёлся!.. В Новый год ему такой «подарочек» подкинул!

— Д-да, — Панов ещё сильнее затрясся, вжав голову в плечи. — Нехорошо получилось...

— Что же мне с тобой делать? — Кожа взял со стола пистолет, навёл на Станислава Игоревича и снял с предохранителя.

— Не убивай! Прошу, не убивай! — взмолился тот, глядя в чёрную пропасть дула, из которой в любой момент вылетит птичка, которая сделает в его черепе на одну дырку больше, если он не успокоит хозяина этой «птихи» со свинцовым сердечником. — Я всё исправлю, всё сделаю...

— Допустим, исправить ты уже ничего не сможешь, а вот кое-что сделать ты обязан...

— Я всё-всё-всё сделаю! — скороговоркой выпалил Панов. — Всё-всё-всё!

— Тогда слушай меня сюда... — Кожа угрожающе сдвинул брови, что не предвещало ничего хорошего. — Завтра утром ты созвонишься со своей кадровичкой. Пусть притацит свою толстую задницу к тебе в офис, и вы задним числом, концом декабря, оформите увольнение Андрея. Чтобы всё было, как положено понятно?

— Д-да!

— Не перебивай меня, тварь ползучая!.. Потом ты возьмёшь из своего тайничка под полом три ляма. Два я возьму себе, один отдам ему. Надеюсь, ты понимаешь, что это — компенсация морального вреда и мне, и моему корешу?

Вместо ответа Станислав Игоревич кивнул. В тот момент из его носа вытекла сопля и плюхнулась на пол. Заметив это, Кожа не смог сдержать своей неизменной улыбки — наглой и мерзкой.

— В какой валюте, — дёрнув кадыком, упавшим голосом спросил.

— В деревянной, — Илья сплюнул на пол, чуть не попав плевком Панову в плечо. Но, даже если бы он попал Станиславу Игоревичу в лицо, тому всё равно ничего не оставалось делать, кроме как сделать вид, что ничего этого не заметил. Ведь это не самый удачный момент для того, чтобы учить Кожухова хорошим манерам. Вот и оставалось терпеть, стоя на коленях, как бы обидно и унижительно это ни было.

От осознания того, что терпеть осталось очень недолго, слёзы из глаз Панова полились ещё сильнее. Это были слёзы горечи и отчаяния, слёзы рухнувших надежд и слёзы сожаления. Что будет с Настей? Что будет с бизнесом, ради которого он пошёл на всё

это? Да ещё денег жалко было, хоть и в рублях, а всё равно много.

Видя горячие слёзы бывшего партнёра по бизнесу, Кожа скалился всеми своими металлическими коронками. Ему явно доставляло удовольствие видеть, как плачет Станислав Игоревич. Может, именно для этого он вернулся прямо из преисподней, когда все уже не только забыли, как он выглядит, но даже имя его на надгробной плите стёрлось? Всё может быть.

— Ага! Как скажешь! — Панов вдруг перестал плакать. До него вдруг дошло, что он получил, если не помилование, то отсрочку приговора. Один день у него уже точно есть. А это так много, когда ты находишься на волосок от смерти!

Тут же включился так называемый инстинкт торгаша, и Станислав Игоревич решил поторговаться, в надежде уменьшить сумму компенсации.

— А если я не уволю Светлова? — спросил Панов, шмыгая носом. — Если предложу другую должность, с повышением?

— А ты, я смотрю, совсем дурак, — Кожа повертел пальцем у виска. — Неужели ты думаешь, что после такого дерьма, которое ты вывалил ему в сообщении, он будет продолжать, как ни в чем ни бывало, на тебя работать? Конечно, нет. Он будет работать на меня. А ты завтра принесёшь и трудовую книжку Светлова, и деньги к нему домой, встанешь так же, как сейчас, на колени и извинишься. Понял?

— Д-да!

— «Д-да, д-да, д-да, д-да! — в свойственной только ему манере, которая в своё время так бесила Станислава Игоревича, передразнил его Илья. — А теперь поднимай с пола свою рыхлую жопу, смотри на телевизор и считай до десяти. И без глупостей, а то...

Илья с сухим щелчком передёрнул затвор пистолета. Панов тут же начал считать:

— Один, два, три... — Когда он досчитал до пяти, в кухне погас свет, и Станислав Игоревич смотрел уже не на тёмный прямоугольник экрана телевизора, а на красную лампочку индикатора, которая действовала на Панова гипнотически, как глаз дракона из книги, которую Станислав Игоревич в своё время так и не дочитал. И никогда уже не дочитает. — Шесть!

И тут вдруг он засомневался, что Кожа отсрочит свой смертный приговор. Раз Илюха знает про тайник, зачем ему оставлять своего несостоявшегося убийцу в живых? Скорее всего, на счёте «десять» он нажмёт на спусковой крючок. Грянет выстрел, будет небольшая вспышка, и всё! Больше не будет ничего, не будет и его Панова Станислава Игоревича. Он умрёт так быстро, что даже не успеет почувствовать боли. А после его

смерти останется лишь холмик на могилке, да и то при условии, что Кожа поленится и не спрячет тело. Если же спрячет, то и могилы нормальной не будет. Тогда вопрос: зачем считать быстро? Чтобы приблизить момент смерти? Ну, уж нет!

И Панов начал считать гораздо медленнее:

— Семь!

Попытался вспомнить что-нибудь хорошее из жизни. В памяти всплывали лишь моменты, связанные с удачными сделками и с лёгким обогащением. Даже день рождения единственной дочери блек по сравнению с этими моментами, а уж день свадьбы тем более.

Как бы медленно ни считал Станислав Игоревич. Всё равно рано или поздно нужно было сказать «десять». И вот, мысленно попросив прощения у Господа Бога за свои грехи, он зажмурился и произнёс:

— Десять!

И тишина. Никакого выстрела не последовало, только звук открываемой двери и щелчок выключателя.

— Станислав, а ты чего тут делаешь? — Голос Ксении.

Панов открыл глаза, огляделся. В кухне горел свет. У двери стояла Ксения. Никакого намёка на Кожу, даже его запах выветрился. В кухне только двое: он, она. И он живой! Живой!

— Слава Богу! — выдохнул Станислав Игоревич, опираясь руками на крышку стола, чтобы не упасть, так как ноги вдруг стали ватными.

А она с распущенными волосами, в красном халатике на голое тело. Её соски так торчали, что, казалось, вот-вот прорвут ткань халата. С блядской улыбочкой на лице, готовая на всё, разумеется, по команде босса.

Вот только босс уже не был готов ни на что: ни на безумства, ни на шалости. Не готов ни морально, ни физически. А всё из-за этой идиотки, которая не могла мыться быстрее. Приди она чуть раньше, быть может, не было бы этого кошмара.

— У тебя что, недержание? — Ксюша указала пальцем на брюки своего престарелого любовника и хохотнула.

Только сейчас, бросив взгляд вниз, Панов понял, что обоссался от страха. И никто не должен его видеть в таком виде, даже любовница.

— Это апельсиновый сок, дура ты набитая! — прошипел он сквозь зубы.

— Что?!

— Я говорю: собирай свои манатки и вали отсюда!

— Что?! — опять повторила она, но уже громче.

— Пошла в жопу, тварь тупая! — тут он уже не выдержал.

Неуклюже подойдя к навесному шкафчику, он распахнул его дверцы, схватил с полки бокал и швырнул его в любовницу. Его рука оказалась не такой твёрдой, как раньше, и бокал упал на пол, так и не долетев до Ксении. Девушка вскрикнула, когда его осколки разлетелись по полу, и несколько мелких впились в её длинные ноги.

— Ты что, с катушек слетел? — спросила Ксения, как клещей, отрывая осколки от кожи, на которой тут же начали появляться кровавые точки. — Совсем дурак, что ли? Ты что...

— Вон! — словно не слыша слов любовницы, прокричал Станислав Игоревич. — Вон!

Панов хотел метнуть в девушку ещё один бокал, но та взвизгнула и быстро выскочила за дверь.

Станислав Игоревич посмотрел на бокал. Нужно было срочно выпить, так как в трезвой голове то, что произошло, никак не укладывалось. Уж больно это всё напоминало какой-то бред или кошмарный сон.

Тяжело дыша, Панов добрался до мини-бара, открыл бутылку коньяка, плеснул в бокал её содержимое, выпил. Снова налил, опять выпил.

Хорошо, но мало.

Тогда он начал пить прямо из горлышка и несколькими мощными глотками осушил бутылку до последней капли. И только после этого он почувствовал нечто похожее на облегчение. А вслед за этим навалилось опьянение, которое нещадно придавило Станислава Игоревича к полу, даже не дав ему возможности закусить коньяк долькой лимона и снять обоссанные штаны.

Не прошло и минуты, как Панов заснул, оглашая кухню громким храпом.

Тут же в коридоре послышались тихие шаги. В кухню вошла Ксения, держа в руке смартфон с включенной видеокамерой. На девушке были обтягивающие джинсы и белая кофточка. Волосы собраны в тугую «шишку» не макушке.

— Всем привет! — Она говорила громко, так как точно знала, что босс в полном «ауте» и, даже если её увидит с камерой или услышит, завтра этого не вспомнит. — С вами Няшка Ксю. Сегодня я в гостях у своего директора, Панова Станислава Игоревича. Он пригласил меня в гости, я приехала и что вижу?! В кухне — бардак, а сам Панов — в говно! А я-то, наивная, ожидала романтики: конфеток, цветочков и поцелуйчиков...

Ксения обошла босса со всех сторон, снимая его на камеру под разными углами. Остановилась на обоссанных брюках, сделала крупный план.

— ...Как видите, он так обрадовался нашей встрече, что надул в штаны от счастья...

В тот самый момент Станислав Игоревич перестал храпеть, зашевелился, хрюкнул нечто нечленораздельное и громко пукнул.

— Фу-у-у! — Ксения помахала рукой перед камерой, как бы разгоняя газы. — Это не постановочное видео. Это происходит на самом деле. Друзья, вы даже не представляете, какая здесь вонь! У меня глазки щиплет!.. Девочки, мой вам совет: никогда не встречайтесь со старыми пердунами, какими бы большими начальниками они ни были. Делайте карьеру мозгами, а не телами! На сегодня у меня всё. Я ухожу, потому что если не сделаю этого, то потеряю сознание. Дышать здесь совсем нечем! До новых встреч! С вами была Няшка Ксю.

Храп Станислава Игоревича продолжился, причем, с утроенной силой.

Включив камеру смартфона, девушка вышла из кухни с твёрдым намерением никогда больше не возвращаться ни в эту кухню, ни в эту квартиру.

Когда она ехала на такси домой, несколько раз пересматривала видео и смеялась. Ксения показала это видео и таксисту, который заржал, как конь. Видео и вправду было смешным.

Той же ночью Ксения разместила ролик в интернете, тем самым вбив первый гвоздь в крышку гроба Панова. Уже на следующий день видео набрало миллионы просмотров и сотни тысяч «лайков». Няшка Ксю осуществила свою мечту и стала известным блоггером, а от Панова все отвернулись.

Понимала ли Ксения, что её видео под названием «Бухой босс» запустит череду событий которые приведут к скорой смерти Панова? Наверное, нет. В противном случае всё сложилось бы иначе.

Светлов проснулся в тот самый момент, когда Белозар и чёрт начали играть в карты.

Андрей приподнялся на локтях и огляделся. Он находился в своей кровати, в своей спальне. Не было никакого намёка ни на русскую баню, ни на бассейн. Хотя слабый запах берёзовых веников всё-таки остался.

Настроение было отличным.

В дверном проёме зависла Джина. Сложив руки на груди, она улыбалась своей чарующей улыбкой.

— Как спалось? — поинтересовалась она.

— Отлично! — Андрей принял сидячее положение и потянулся. — Спасибо тебе за вчерашний день и шикарный вечер.

— Рада, что тебе понравилось, — Джина сделала чуть заметный кивок головой. — Кушать сюда подать?

— Я не привык есть в спальне. Давай, как вчера, в гостиной?

— Как скажешь, — Чародейка исчезла, а Светлов начал натягивать на себя шаровары и халат.

Завтракал он не в привычной для него гостиной, а в просторном зале средневекового замка, где, кроме большого стола, доспехов и оружия, нашлось место и телевизору.

Он не просил об этом чародейку, она сделала это сама, руководствуясь какими-то своими соображениями. Но это было так мило, так приятно, что Андрею захотелось её расцеловать. Вспомнив, что это невозможно, он ограничился воздушным поцелуем. Но и этого хватило, чтобы Джина засветилась от счастья.

От многообразия блюд, которые влетали через приоткрытую массивную резную дверь, глаза разбегались в разные стороны.

Любого другого человека это бы удивило, но после вчерашнего Андрей уже ничему не удивлялся, ведь он знал, что чародейка может многое, что простым людям не под силу. Даже не верилось, что это — реальность, а не сон. Даже не верилось, что так будет всегда. Не жизнь, а сказка!

Только было немного странно через огромное окно видеть панельные многоэтажки и летящий по небу самолёт.

Вдоволь наевшись и напившись, Светлов отодвинул от себя золотую тарелку, кинул взгляд на парящую под высоким потолком чародейку.

— Джина, а чем мы займёмся после завтрака?

Колдунья подлетела к Светлову.

— После завтрака к тебе будут приходить люди, и приносить деньги. Не отказывайся и бери всё, что дают. Потом я тебе объясню, что к чему...

— Но... — Андрей хотел сказать, что у них и так предостаточно денег, но послышался звонок в дверь. Обычный звонок. Просторный зал замка тут же превратился в гостиную. Исчез большой стол, уставленный блюдами. Куда-то пропала и чародейка.

Понимая, что лучше сделать так, как велела Джина, Светлов пошёл открывать дверь.

У порога стояла женщина лет пятидесяти. Пробормотав нечто похожее на слова благодарности, она протянула Андрею сложенные пополам купюры разного достоинства и направилась к лифту.

— Странно, — вполголоса проговорил Светлов. Хотел вернуть даме деньги, но, вспомнив слова чародейки: «...Не отказывайся и

бери всё, что дают...», передумал и засунул купюры в ящик комода, стоящего в прихожей.

Не успел закрыть дверь, снова послышался звонок. На сей раз пришёл полный мужчина, в котором без труда угадывался руководящий работник.

— Спасибо, — буркнул он, протягивая деньги. Развернулся и ушёл.

Потом в течение часа были ещё посетители: мужчины и женщины разных возрастов и национальностей, из разных социальных слоёв населения. Объединяло их одно: все они приносили деньги и уходили. Одни расставались со своими кровными сбережениями со словами благодарности, другие уходили молча.

Когда поток «ходоков» иссяк, а деньги уже было некуда складывать, появилась Джина.

— И как это понимать? — спросил её Андрей, указывая на кучи денег, лежащие и на полу, и на комоде, торчащие из карманов одежды. — Ты загипнотизировала этих людей, да?

— Нет, — спокойно ответила чародейка. — То, что ты видишь — плата мне за то, что я сделала людей счастливыми.

— Что!? — удивился Светлов. Он не верил своим ушам. — И, если не секрет, как это у тебя получилось?

— Просто, — Джина пожала плечами. — Я всего лишь исполняла их желания. Не через жопу, как это делает некто Белозар, а качественно. Так, например, одна женщина сегодня утром пообщалась с умершим супругом и думает, что он жив, но находится на секретном задании... Молодой человек, сильно комплексующий по поводу своей внешности, встретил девушку, которая сказала, что он — красавец, чем сильно подняла уровень его самооценки... Старейший алкаш наконец-то вступил в половую связь со своей соседкой. Благодаря мне у него впервые за десять лет была полноценная эрекция. А его соседка думала, что трахается с Антонио Бандерасом... Кто-то встретил на улице Элвиса, кто-то увидел Майкла Джексона... А одна деваха увидела свою собаку, которая пять лет назад попала под машину из-за её беспечности и сдохла на обочине дороги. Зато сейчас та особа думает, что Найда жива и здорова, только не хочет к ней возвращаться. И та девица больше не будет винить себя в смерти своей любимицы и будет тратить свою энергию на более нужные вещи: создание семьи, рождение детей, хобби... Ещё продолжать?

— Пожалуй, нет, но... — Светлов хотел ещё что-то сказать, но тут прон-зительно запищал дверной звонок.

Подойдя к двери, Андрей посмотрел в дверной «глазок». Ему показалось, что под дверью мнётся какой-то пухлый мальчуган.

Однако, только открыв дверь, он понял, что ошибся. Это был не мальчик, а его босс, стоящий на коленях. Опухший после вчерашнего перепоя, воняющий перегаром. Красные глаза виновато бегают, в руках зажат пластиковый пакет.

Андрей приоткрыл рот от удивления. Чего-чего, а такого он явно не ожидал.

— Ты это... — пробормотал Станислав Игоревич. Глазки его при этом забегали ещё быстрее. — Прости меня за то сообщение... Вспылил, с кем не бывает. К тому же, возникли кое-какие проблемы у моей дочки, которую я очень люблю... Здесь деньги, как договаривались, и твоя трудовая книжка. Ещё раз прости...

Бывший работодатель поднялся на ноги довольно-таки быстро, не-смотря на сильно потрепанный вид, и поковылял к лифту. Двери лифта от-крылись, едва он коснулся кнопки, и лифт проглотил его, унося вниз.

По привычке Светлов хотел крикнуть слова благодарности во всех смыслах опускающемуся вниз Панову, но промолчал, решив, что скажет это в другой раз, при встрече. Тогда он ещё не знал, что эта их встреча — последняя. Другого раза не будет.

— Так, а это что? — спросил он призрачную леди, заглядывая в пакет. Кроме «трудовой», в нём лежали три миллиона рублей — шесть тугих пачек новеньких пятитысячных купюр. Тут же вспомнил их с Джиной разговор о компенсации морального вреда. — Я же говорил про один миллион. А здесь — три!

— Ну, — чародейка смущенно уперлась взглядом в потолок, словно разглядывая там что-то, потом выдавила из себя: — Я же всё-таки женщина. И когда-нибудь у меня будет тело. Как и все женщины, я буду ходить по парикмахерским, по салонам красоты, по магазинам. А на это понадобятся деньги. Так как, находясь в теле, колдовать намного труднее, лучше позаботиться о будущем сейчас и накопить как можно больше.

— А секс у нас будет? — с горящими глазами спросил Андрей. Его рука по привычке потянулась к яйцам, чтобы поправить их, но замерла на половине пути. Всё-таки неприлично. Она же — женщина! Да и вопрос этот, наверное, задавать не стоило.

— Почему бы и нет? — Лицо прозрачной красавицы оставалось спокой-ным, хотя любая другая дама вспыхнула бы и сказала что-нибудь едкое. — Ты — холостой, симпатичный, к тому же, не дурак и хорошо сложен. К тому же, я уже тебя люблю. У нас с тобой будет всё. Я тебе это обещаю. Запасись только терпением.

— Я буду терпеть, — Андрей улыбнулся. — Думаю, это того

стоит.

— Ты не думай, а будь уверен в этом, — в руках чародейки вдруг появилась конфетница, полная любимых конфет Светлова с ананасами на обертках. — Скушай конфетку, но фантик не выбрасывай.

— Хорошо, — долго уговаривать Андрея, чтобы он съел сладкое, не нужно было, так как он с детства был заядлым сладкоежкой. Хотя это даже иногда оборачивалось небольшим (ему приятно было так думать) ожирением, Светлов тут же засунул в рот сразу две конфеты и с наслаждением съел их.

— А теперь разгладь фантики, зажми их между ладонями, закрой глаза и сосчитай до десяти.

— No problem, — Андрей сделал так, как сказала призрачная красotka. Досчитав до десяти, открыл глаза и посмотрел на раскрытую ладонь. Вместо обёрток там лежали две пяти тысячные купюры. — Ух ты, блин! Я — деньгопечатная машина!.. А они настоящие?

— Да, — Джина кивнула. — Можешь проверить.

Светлов зашел в кухню и подошёл к окну, где было светлее. Начал внимательно изучать купюры. Однако, как бы ни вертел он купюры, как бы ни присматривался к ним, никаких признаков подделки не обнаружил. Настоящим был даже запах — запах денег, который до встречи с Джиной Андрея всегда приводил в восторг.

Закончив осматривать купюры, он вышел из кухни и посмотрел на разбросанные по прихожей деньги.

— Может, сейф наколдуешь?

— Зачем тебе сейф? — удивилась чародейка. — У нас ведь есть кувшин. А он лучше любого сейфа.

— И туда всё войдет? — с сомнением в голосе произнёс Андрей.

— Ещё как! Он сохранит наши деньги лучше любого сейфа.

— Ну... — Светлов задумался, почесывая бородку, которую так и не решился сбрить после посещения ресторана. — Тогда миллион закинь мне на счет в банке, тысяч сто оставь в спальне, в тумбочке у кровати, остальное — в горшок!

— Как скажешь, — прозрачная леди прикрыла глаза, расставила руки в стороны. Тут же поднялся самый настоящий денежный вихрь, который с шумом начал кружиться по квартире, вбирая в себя все добытые с Нового года деньги. Он расширялся, пока не собрал всю наличность, после чего спрятался в кувшине. Стало чисто и тихо.

На телефон пришло сообщение. Если верить СМС-оповещению, на банковском счёте на один миллион рублей стало

больше.

Глядя на экран смартфона, Светлов только и мог сказать:

— Оху...

По-другому выразить переполняющую его гамму чувств он бы не смог, но договорить сорвавшееся с губ слово Джина ему не дала, выпалив скороговоркой:

— А теперь я должна побыть в кувшине, чтобы подсчитать деньги и подзарядиться энергией. Что я могу наколдовать для тебя, чтобы тебе скучно не было в моё отсутствие?

— Ну... — Андрей задумался. — Хочу оказаться на каком-нибудь острове. Хочу лежать на песочке, на берегу океана, под пальмами. А рядом чтобы стоял холодильник, набитый чем-нибудь сладким и бутылочками с вином из сока лиганары...

— Будет исполнено! Считай до десяти!

Как обычно, на счет «десять» Светлов открыл глаза и оказался именно там, где хотел. Его окружало всё то, что раньше он видел в кино, на фотографиях или в клипах попсовых певцов и певичек.

Под пальмами стоял шезлонг, рядом с ним стоял белый столик, на котором лежали тубик с кремом от загара, плавательные очки, пачка сигарилл и зажигалка.

Чертовка Джина и тут всё предусмотрела.

Чуть в стороне стоял холодильник, на который проходящие мимо люди смотрели с большим удивлением: откуда это он мог взяться?

Оглядев себя, Андрей увидел, что на нём нет ничего, кроме плавок. Едва он подумал про шорты, рубашку, солнцезащитные очки и какую-нибудь шляпу, чтобы голову прикрыть, всё это появилось на шезлонге. И сланцы, слегка присыпанные песочком, стояли прямо у ног.

— Зашибись! — сказал Светлов, открывая холодильник и разглядывая его содержимое. — Вот это я понимаю!

Дальше всё шло по обычному сценарию: купание в океане, возлияния вперемешку с табакокурением, прогулка по пляжу. Всё было чудесно, по высшему разряду. Но было кое-что, что немного омрачало праздник: отсутствие привлекательных женщин. Женщины были, но такие страшные, что Андрею на них и смотреть не хотелось. Чтобы на таких залезть, нужно было выпить очень много спиртного. А по личному опыту Светлов знал, что если много выпить, там уже не до секса, так как хочется спать. Просто спать.

Ну, где эти тропиканочки, эти мулаточки с пышными формами, глядя на которых сразу хочется вдуть? А нет ни одной. Ревнивая призрачная колдунья предусмотрела даже то, что Андрея на секс потянет. Поэтому на этом острове были только

мужчины, дети и уродины. Прогуливаясь в поисках сексуальных приключений по острову, Андрей даже название ему придумал — Крокодилиий остров или Крокодилятник.

Кроме некрасивых женщин там ещё было несколько отелей, магазины, рестораны и, как назло, ни одного стрип-бара, ни одного борделя. На улицах ни одной проститутки. Спасибо, Джина!

Вернувшись на пляж, Светлов устроился в шезлонге и прикрыл глаза. Шум океана в сочетании с легким ветерком его убаюкивали, и он начал погружаться в дрему. И заснул бы, если бы ни знакомый голос:

— Ну, как тебе?

— Шикарно, — открыв глаза, он посмотрел на Джину. — Ты — прелесть. И я очень боюсь того, что всё это сон, который скоро закончится.

— Не переживай, — она подняла руку, словно хотела по-дружески хлопнуть Андрея по плечу. Но, видать, вспомнив, что не сможет этого сделать, принялась рассматривать перстни на своей правой руке. Перстни причудливо искрились в лучах яркого солнца. — Я уверена, что, пока мы вместе, этот сон никогда не закончится. Поверь мне, тебе он покажется сказкой длиною в жизнь.

Глава 5. Приключения сексуального характера

Насчет сказки чародейка не соврала. Она исполняла любые желания Андрея, делая всё возможное, чтобы тому не было скучно: делала из квартиры дворцы и рестораны, фитнес-клубы и президентские номера гостиниц. Прозрачная леди переносила «повелителя» во все точки земного шара, кормила досыта всякими вкусностями и поила разными напитками. Она могла перенести Светлова в прошлое, чтобы он мог посмотреть на исторических личностей, которых давно не было в живых.

В общем, Джина, как могла, потакала всем прихотям Андрея. И это была сказка, сюжет которой каждый день менялся по желанию «господина». Казалось бы, это может длиться вечно, но прошло всего два месяца, а Андрею, как это ни странно, стало кое-чего не хватать. И это кое-что — банальный секс. Секс с женщиной. В то время он бы многое отдал за то, чтобы подержаться за ядрёную сиську и ощутить тепло и упругость женского тела под собой. Но Джина не давала ему такой возможности.

Везде, где бы он ни бывал, его никто в упор не видел и не слышал. В любой точке планеты Земля или в других мирах для всех окружающих Светлов был лишь бесплотным духом, который мог прикоснуться к любому живому существу, мог даже ударить или пнуть его, и увидеть реакцию — лёгкое почёсывание того места, с которым соприкоснулась рука или нога Андрея. Это в лучшем случае. Чаще всего, реакции не было никакой.

Соответственно, ни о каком сексе с женщиной не могло быть и речи. И это был единственный «минус» магии Джины. Минус, который за два месяца воздержания разросся до такой степени, что секс превратился для Светлова в навязчивую идею. Поэтому Андрей каждый день задавал своей чародейке один и тот же вопрос: «Когда ты наколдуюшь себе тело?»

На что получал один и тот же ответ: «Я не готова. Подожди ещё немного...»

Конечно, Андрей мог бы в приказном порядке сказать Джине: «Желаю, чтобы ты наконец-то сделала себе нормальное тело», и колдунья не могла бы ему отказать, исполнила бы желание. Но она могла исполнить его и как-нибудь коряво: вместо молодого и красивого тела могла бы наколдовать себе старое и уродливое, с двумя головами, одной лишней конечностью и прочими уродствами. И Светлов знал, что она может это сделать, так как

Джина много раз рассказывала ему о некоем Белозаре, который исполняет желания «через жопу и ловит от этого кайф». Такого исполнения желаний Андрею не хотелось, поэтому оставалось только ждать, когда призрачная колдунья «будет готова» или прочить, как в далёком подростковом возрасте. Последнего ему не очень хотелось, но и ожидание уже напрягало. Был ещё третий вариант — заниматься сексом с женщиной на стороне. Но как это можно сделать, когда с тобой живёт колдунья, от которой даже мысли не спрячешь? Самой маленькой, ничтожной мыслишки?

Над этим Светлов много думал, даже по ночам иногда не мог заснуть. А как тут заснёшь, когда член наливается кровью, и яйца распухают так, что кажется, будто они вот-вот взорвутся?

Хоть подушку трахай, блин!

Когда Андрею уже начало казаться, что воздержание его прикончит или сведет с ума, он нашёл выход из положения.

Он уже давно заметил, что сразу после того, как Джина что-нибудь наколдует, ей обязательно нужно залезть в «горшок» и подзарядиться энергией. Без этого она не могла. И ей требовалось сидеть в кувшине, в зависимости от объёмов наколдованного, от полутора до четырёх часов. Чем больше Светлов просил, тем, соответственно, дольше призрачная леди не показывалась. В это время она, судя по ощущениям Андрея, не читала его мысли. Он не ощущал болезненных ощущений в голове, и не было у него чувства, что в мозгах кто-то роется, пытаюсь выгребсти из памяти что-нибудь полезное для себя.

Именно в эти часы можно было глотнуть маленький глоток свободы. И для этого всего-то требовалось — по-полной загрузить Джину с утра, чтобы после обеда делать, что хочется. А хотелось Андрею лишь одного — переспать с женщиной.

И вот, полетав в облаках с утра и понежившись под ярким солнцем где-нибудь на тропических островах, после обеда Андрей вдруг начинал испытывать жуткую «тягу» к чтению книг, к социальным сетям или к телевизору. Объяснял эту «тягу» он тем, что немного ностальгирует по старым временам, когда Джины в его жизни ещё не было.

Конечно, говоря так, он врал, включая всё своё актёрское мастерство, мысленно надевая на голову прочный шлем и представляя маятник часов, летящую бабочку или ещё какую-нибудь бессмыслицу. Самое удивительное, что это срабатывало, хотя Андрея этому никто не учил. И у Джины, как бы она ни старалась пробить эту глухую, если не тупую, защиту, ничего не получалось. Поэтому она пряталась в кувшине, а Светлов, посидев на диване перед включенным телевизором минут пятнадцать, одевался и выходил из квартиры.

Поначалу ему нравилось просто гулять по городу, разглядывать витрины магазинов, прохожих, подставляя лицо лучам весеннего солнца. Он никогда бы раньше не подумал, что простой мир, без магии, не так уж плох, несмотря на запах оттаявшего собачьего дерьма, вонь выхлопных газов, шум и вечно спешащих куда-то с одинаковыми выражениями озабоченности на лицах, людишек.

Погуляв час-полтора (больше ему и не требовалось), Андрей возвращался домой. Принимая ту же позу, сидя на диване, начинал читать. Прочитав несколько страниц, как правило, засыпал. Поэтому Джина, выходя на свет Божий, заставляла его в той же позе, сидящим перед телевизором, словно он никуда и не уходил.

И так продолжалось с неделю, пока Светло не понял, что не просчитался в своих расчетах, и прозрачная колдунья ничего не подозревает. А ведь, судя по её поведению, так оно и было.

Простые прогулки Андрею стали надоедать, и он понял, что время охоты на мохнатки пришло. И как-то так совпало, что в тот же день, когда его голову посетила эта мысль, проходя мимо магазина бытовой техники и электроники, он услышал:

— Молодой человек, у вас сигаретки не будет? — Голос был чертовски сексуальным.

Оглянувшись, Светлов увидел, что и хозяйка голоса очень даже ничего. Конечно, не такая красивая, как Джина, но у неё хоть было тело, да ещё какое! Это была молодая и сексапильная телочка. Просто находка для педофила, словно только вчера за школьной партой сидела. И какой-нибудь старый учитель пускал слюни, когда вызывал её к доске. Вот только Андрей знал, что она не малолетка, и хер во рту уже держала, о чем свидетельствовали её мимика и жесты. Оценивающий взгляд, брошенный на Светлова, сказал ему о том, что, ещё не зная его, эта сучка уже оценивала толщину его кошелька.

«Да большой у меня кошелёк, большой!» — подумал Андрей и начал рыться в карманах куртки. Очень обрадовался, когда кончики пальцев нащупали знакомые контуры пачки сигарилл и зажигалки.

«Откуда всё это? — подумал он, выуживая то, что вредно для здоровья, из внутреннего кармана. — Я же не курил хрен знает сколько!»

Да, в тот момент он обрадовался. Но не тому, что покурит, а тому, что молоденькая брюнетка с внешностью порноактрисы сходу не утратит к нему интерес.

— ... Ой, как замечательно! — девица аж захлопала ладоши. — А то я утром на работу опаздывала, а о сигаретах даже

не вспомнила».

— Это сигариллы, — как бы между прочим, небрежно бросил Светлов.

— О! — произнесла она, закуривая и блаженно закатив глаза, выдохнув в воздух струю ароматного табачного дыма, вкусить которого Андрею не очень-то хотелось.

— Вам нравится? — спросил её Андрей, но уже знал, что получит утвердительный ответ.

— Ага, — она кивнула и улыбнулась блядской, многообещающей улыбочкой.

— Тогда оставьте сигариллы себе, — Андрей сдержанно улыбнулся. Уж кто-кто, а он-то точно знал, что нельзя при первой встрече с дамой расплываться в дебильной улыбке и пускать слюни. Как бы сильно ни хотел её оттрахать.

— Ой, спасибо! — Ещё одна блядская улыбка. Вот это рот! Вот это губы. Не зря сосалки силикон в них закачивают, не зря. Уж они-то знают, чем мужика богатого привлечь! А уж он-то, Андрей Светлов, властелин мира. Только тяжеловато ему без секса-то. — А как вас зовут?

— Меня никто не зовет. Я сам прихожу! — вспомнив фразу из какого-то фильма, с важностью произнес Светлов.

— А я — Маша. Работаю здесь продавцом-консультантом.

— А я — Андрей, — Светлов на секунду замялся, не зная, кем представиться. И не удивительно, ведь он уже не первый месяц жил за счет джинна и ни в чем себе не отказывал. И всё же умная мысль быстро пришла в его голову: — Предприниматель...

Судя по тому, как загорелись её глаза, попал он в самую точку. Какая же нищесбродка не мечтает познакомиться с бизнесменом, когда у неё даже денег на сигареты нет?.. Конечно, она — нищесбродка, сомнений нет. Это было видно, если внимательно присмотреться: по её дешевой курточке из кождама и не менее дешевой джинсовки из Китая. Да ещё эта дурацкая розовая футболка с логотипом фирмы...

— Может, зайдёте в магазин, посмотрите, как я работаю? — томным голосом спросила Маша, насчет которой у Светлова уже не возникало сомнений: три рубля и наша. Точнее, его. Его любовница. Ну, как пить дать!

— Конечно, — ответил он. — Было бы интересно посмотреть. Я, знаете ли, давно не заглядывал в магазины бытовой техники...

И он заглянул. И не пожалел, что зашел. Ведь Маша, пытаясь произвести на него впечатление, и бегала от клиента к клиенту, и сексуально нагибалась, демонстрируя Андрею свои аппетитные ягодички, и ходила по магазину, как по подиуму, периодически подмигивая Светлову...

В какой-то момент он понял, что или сейчас кончит прямо в штаны, или у него взорвутся распухшие от длительного воздержания яйца, или он просто затолкает эту блядь в подсобку и отдрючит её во все дыхательные-пихательные...

Но ведь это УЖЕ был не его уровень. Он ведь — властелин мира.

Поэтому Андрей просто подошёл к семейной паре, собирающейся купить в кредит компьютер своему сопливному сынишке, возле которых, сексуально выпятив зад, в тот момент стояла Маша. Сказав им, что они тысячные покупатели за день, оплатил им все их покупки: системный блок, монитор, сетевой фильтр. Обрадовавшись внезапно рухнувшей на их головы халяве, родители сопляка тут же «вспомнили», что им нужны ноутбук и телевизор.

Конечно же, Светлов всё им оплатил. Он оплатил бы им и доставку, но они попали под акцию, и доставка была бесплатной.

Уже на выходе из магазина Андрей услышал за спиной знакомые лёгкие шаги.

— Андрей! — Он обернулся. Это была Маша три рубля и наша. — Давайте встретимся завтра, на том же месте, в то же время.

— Хорошо. Я прихвачу с собой сигариллы. — Он одарил её улыбкой, хотя в глубине души спросил небеса: «Какого хрена не сегодня? Завтра может не срастись! А я сегодня трахаться хочу!»

Словно прочитав его мысли, что было исключено, ведь это не Джина, Маша тихим голосом произнесла: — Завтра у меня день рождения, а сегодня я работаю до восьми, а после работы буду готовиться к денюхе...

И тут он пожалел, что рядом нет Джины. Возьми она всё в свои изящные руки, Машу отпустили бы с работы. Салаты, жареная курица, пироги и прочие блюда были бы уже готовы. А он, Андрей Светлов, трахал бы эту молоденькую сучку так, что у неё ветер бы в ушах свистел...

Но Джины рядом нет. И она никогда не должна узнать о его поползновениях налево. Жаль, конечно, но что делать?

Поэтому он вынужден был кивнуть в знак согласия головой, выйти из магазина и направиться домой.

Добрая часть следующего дня мало чем отличалась от дня предыдущего, за исключением того, что, когда Светлов восседал на золотом унитазе, ему в голову вдруг пришли неплохие строки, из которых сложилось неплохое поздравительное стихотворение, которое Андрей чуть позже записал в своём блокноте, спрятавшись от Джины в ванной.

Конечно, далеко не Пушкин, но вряд ли Маше кто-нибудь,

когда-нибудь посвящал такие строки. И вряд ли посвятит.

Андрей не сомневался, что именно этот стишок поможет как можно быстрее склонить Машу к интимной близости. К тому же, по дороге к магазину бытовой техники и электроники Андрей заскочил в павильон «Цветы» и купил там большой букет шикарных роз. Также не забыл он заскочить в соседний табачный киоск и купить целый блок сигарилл.

Ну, как после таких подарков отказать человеку в сексе, да не просто, а состоятельному? Да никак! Даст, как миленькая, даже ломаться не будет!

Так думал Светлов, подходя в назначенное время к магазину. Он думал, что Маша уже ждет его вся такая расфуфыренная и счастливая от того, что именно её пригласил на свидание этот богатый человек, который может себе позволить раздавать дорогие подарки всяким нищebroдам.

Но Маши на месте встречи не оказалось. Не пришла она ни через пять, ни через десять минут, ни через пятнадцать.

Хотя был март, первый месяц весны, весной ещё и не пахло. У Светлова стала подмерзать ноги, руки и мочки ушей. Он не ожидал, что ему придётся ждать, а потому надел лёгкое драповое пальто, туфли, летние брюки. Выходя из квартиры, о головном уборе он даже не вспомнил, о чем сильно пожалел, ибо морозец холодными тисками начал не спеша сдавливать его голову.

И тут Андрею в голову пришла мысль: если Маша пришла на свидание раньше его, она тоже, наверняка, замёрзла, ушла в магазин и ждёт его там!

— Какой же я осёл! — В другой ситуации Светлов тут же хлопнул бы себя по лбу, но тогда были заняты обе его руки: в правой он держал букет роз, который про себя называл веником из мёртвых цветов, а в левой руке он держал черный пластиковый пакет, на дне которого покоился блок дорогих сигарилл с фильтром.

Сунув букет подмышку, он побежал — единственное, что оставалось для того, чтобы хоть немного согреться, — ко входу в магазин, уже не сомневаясь в том, что Маша стоит где-то внутри, у входа и напряженно всматривается вдаль через прозрачное стекло, но её не было видно, только силуэты других продавцов и покупателей. А ещё — уборщица со шваброй, старательно смывающая с пола следы тех, кто делает магазину прибыль.

Ворвавшись внутрь магазина, Андрей пробежался между прилавками, заставленными компьютерами и бытовой техникой, но и там Маши не было.

— Могу я вам чем-то помочь? — услужливо спросила внезапно появившаяся продавец-консультант азиатской

внешности. Табличка на груди гласила, что её имя — Шахноза.

— Где Мария? — спросил Светлов, бросив взгляд на продавщицу. Черты лица у неё были приятными, но фигура — ужасная, словно она родила пятерых детей и не знает, что существуют диеты и фитнес-клубы.

— Маша? — Шахноза задумалась, одернула розовую футболку, сидящую на ней, как наволочка на подушке. — У неё сегодня выходной...

— И она не приходила?

— Нет, — ответила Шахноза, выпятив бесформенную грудь, которая смотрелась, как два слегка спущенных воздушных шарика. — А зачем ей приходиться? У неё же сегодня день рождения...

Слово «день» она произнесла, как «тень».

— С-сука, — сквозь зубы процедил Андрей. Ему казалось, что он сказал это тихо, но, похоже, восточная женщина это всё же услышала и расплылась в злорадной улыбке.

Это слово, которым в русском языке принято называть собак женского пола, Светлов, разумеется, употребил в отношении Маши. Ну, как можно опоздать на свидание с НИМ, с ВЛАСТЕЛИНОМ МИРА, заставить его мерзнуть от холода? Такое можно ожидать только от суки. Тупой, конченной суки! О том, что она вообще не придёт, Светлов даже мысли не допускал.

От негодования кулаки Андрея тут же сжались. Шипы роз до крови вонзились в ладони. Но он даже не заметил этого. Видать, руки замерзли очень сильно.

— Она вообще распи... Неорганизованная, — с сочувствием в голосе произнесла Шахноза. — Я бы на встречу с таким мужчиной не опоздала! Вы позвоните ей. Может, Машка время перепутала? С ней такое бывает...

И в тот момент Светлов ещё раз мог бы назвать себя ослом и хлопнуть ладошкой по лбу, если бы руки не были заняты. До него вдруг дошло, что он даже не взял телефон этой Маши, чего ранее, даже год назад, никогда бы не сделал. Вот расслабился-то, живя с Джиной! В конце оступел от сытой жизни!

— Я бы позвонил, но её телефона у меня нет, — Андрей печально вздохнул.

— А вы, похоже, тот самый Алексей, про которого мне рассказывала Машка, Тот, который вчера поднял ей продажи за этот месяц и... спас от увольнения?

— Да, — Светлов кивнул. — Только я — Андрей. И у меня нет её телефона. Так что, и поторопить её не могу.

— А вы запишите... — Шахноза с трудом достала из заднего кармана тесных ей джинс сотовый телефон, недолго порылась в

нѐм и начала озвучивать те самые одиннадцать заветных цифр, которые Светлов тут же ввел в «контакты» своего телефона.

Букет и пакет мешали, поэтому он положил их на стойку, усыпанную листовками, рекламирующими магазин, который, к слову сказать, был так себе.

— Спасибо. — Восточная женщина, услышав эти слова, расплылась в улыбке, будто она всю жизнь только и ждала этих слов. Андрей же отошел от неё на несколько шагов, нажал кнопку вызова абонента.

После многих гудков, которых, как ему казалось, прозвучало не меньше сотни, вдруг послышался голос Маши:

— Аё! — Это был одновременно и её, и не её голос. Голос пьяной женщины, которая приняла на грудь больше, чем может принять.

— Привет, — игриво произнес Андрей. — Ты где?

— А ты кто?

«Вот это да! — подумал Светлов. — Я её вчера от увольнения спас, а она даже голос мой не запомнила! Точно, тупая сука! Но на один-то раз — какая разница!»

— Я — Андрей, — Светлов продолжал изображать безмятежность, хотя где-то в глубине души он орал: «Сука-сука-сука! Ты у меня сосать за вче-рашний день всю жизнь будешь!..»

— Андей... Ик!.. И что тебе надо, Андей?

— Как «чего»? Мы с тобой вчера договорились встретиться...

— В обсем, так... — оборвала она его, довольно-таки грубо. — Я никому нисего не должна. Ты мне не директор и не насяльник. Пошёл-ка ты на х...

Быть может, она наговорила бы ещё каких-нибудь гадостей, но в телефоне вдруг послышался властный, грубый мужской голос на заднем плане. Голос принадлежал мужчине, которому явно было уже за пятьдесят:

— Ну, ты долго там? Бросай свою трубку на х... У меня действие таб-летки скоро закончится...

После чего связь сразу оборвалась.

Ошеломленный, Светлов какое-то время просто стоял и глядел на свой мобильный. В голове вертелись вопросы: «Как? Почему? Что пошло не так, ведь вчера всё было по-другому?»

Глянув на кассиршу за кассой, которая была страшнее, чем Шахноза, страшнее атомной войны, он вдруг начал понимать. Для него вдруг всё стало ясно, как Божий лень: он расплатился наличкой, которая, скорее всего, была сделана из фантиков Джиной или им самим не без участия Джины. В какой-то момент сила магии ослабла, и деньги превратились в обертки от конфет. Служба безопасности магазина, опираясь на показания с камер

видеонаблюдения, быстро вычислила, какой клиент и чей расплатился не деньгами, а бумажками. Конечно, нужно обращаться в полицию, ждать, когда они поймают преступника и так далее. Но зачем? Проще взыскать сумму ущерба со своих подчиненных, в смену которых произошел «косяк». А они заплатят. Они же — юридически безграмотные, тупое быдло, привыкшее лизать жопу босса и подчиняться. Всё сделают, лишь бы их не уволили. Именно так думал о подчиненных Станислав Игоревич Панов, бывший работодатель Андрея. Так думали и думают многие другие руководители фирм, фирмочек и фирмуличек. В сходной ситуации действуют, как по трафарету: вычтут из зарплаты работника, имевшего несчастье работать в день ЧП, а дальше — хоть трава не расти!

Судя по голосу за кадром, директором магазина по продаже бытовой техники и электроники, был человек уже не молодой, умудренный жизненным опытом. Конечно, он мог бы в первую очередь удержать свои убытки из зарплаты кассира, но у него был совсем другой интерес. Определённо, другой.

Не нужны ему были деньги. А нужно ему было насадить молодую плоть на свой засыхающий стручок, что он и сделал. И будет делать на протяжении долгого времени, пока до этой дуры Маши не дойдёт, что она была вообще не при делах, а этот старый козёл её тупо использовал.

Проанализировав всё это, Светлов успокоился, с улыбкой посмотрел на Шахнозу.

— Всё нормально. Она действительно неорганизованная. — Андрей выдавил из себя улыбку, хотя понимал, что она фальшивая, как сиськи Памеллы Андерсон. Светлов сгреб со стойки и букет, и пакет, протянул всё это продавщице. — Это вам. Спасибо за помощь.

— Может, я могу ещё чем-то вам помочь? — В тот момент Шахноза по-пыталась изобразить Памеллу Андерсон, но у неё, с её формами, это получилось ужасно.

Ещё раз, бросив критический взгляд на восточную женщину, Светлов уклончиво ответил: — Не сегодня. У меня много дел. Позже зайду...

Про себя же он подумал о том, что больше никогда не зайдет в этот сраный магазин, никогда в нем ничего не купить. Среднеазиатка... Это, конечно же, лучше, чем мастурбация, но, после секса она, скорее всего, заставит его на себе жениться, потом будет настаивать на том, чтобы он прописал у себя всех её детей и родственников, коих, в чем Андрей не сомневался, великое множество. После чего у Светлова будет не квартира, а чайхана, и ему самому придет хана. Потом под надуманным

предлогом эта азиатская бегемотиха потребует развода и раздела «совместно нажитого в браке имущества». ЕГО имущества. Плюс ещё алименты на детей. Не его детей. В общем, пошла она по известному адресу!

— Я буду ждать, — томным голосом проворковала азиатская женщина.

— Ага, — ответил ей Светлов и пулей вылетел из магазина.

Настроение было паршивым. Хотелось нажраться и забыться, чтобы снять стресс. Это ведь настоящий стресс, когда осознаешь, что какая-то блядь променяла тебя на старого импотента.

Впереди замаячил продуктовый магазин.

— Самое то, — пробормотал Андрей.

Отказ «какой-то там пришмандовки» посексоваться с ним был для него самым настоящим стрессом. И, как большинство русских мужиков, коим он себя считал, чтобы справиться с этим стрессом, избавиться от него раз и навсегда, Светлов решил воспользоваться дедовскими методами — алкоголем. Только не таким, коим поила его Джина, от которого даже толком не торкает, а крепким, типа водки. Впрочем, зачем водка, если он может себе позволить коньяк или виски?

Конечно, в магазине он выбрал себе виски и колбасную нарезку в качестве закуски. Конечно, он планировал всё это выпить или на улице, или в подъезде, иначе дома чародейка — в этом он не сомневался, — превратит всё бухло в безобидный сок, скажем так, апельсиновый. А зачем это надо? В данной ситуации совсем не надо.

И вот, выбрав всё это и сложив в корзину, на дне которой лежали чеки, оставшиеся от предыдущих покупателей, Андрей встал в очередь к кассе. Очередь двигалась медленно, поэтому у него было время, чтобы немного осмотреться.

Поначалу ничего не привлекло его внимание: медлительная кассирша, тупящие покупательницы, в основном, старые бабки, дети, выгребаящие из карманов последнюю мелочь, чтобы купить упаковку чипсов... В общем, всё, как всегда.

Но тут вдруг Светлов обернулся на стоящего позади покупателя. Это был парень лет двадцати с креативной прической.

Креативный пацан широко раскрытыми глазами пялился на ноги дамы, стоящей перед Андреем.

«Интересно, а что он там увидел?» — подумал Светлов и проследил за взглядом креативного покупателя.

Действительно, такого он не видел давно: впереди него стояла дама в короткой шубке, из-под которой торчали восхитительно длинные ножки, обутые в проститутские — выше

колена — сапожки, обтянутые колготками — сеточкой. Но не это главное. Главное, что из-под шубки на грязный пол, как осенние листья на ветру, кружились и опадали купюры достоинством пятьсот, тысяча и пять тысяч рублей.

Да, в далёкие, голодные девяностые, о которых даже вспоминать противно, Андрей дождался бы, когда эта фигуристая блондиночка отойдёт, а потом бы собрал все эти купюры и быстро — в мгновение ока — засунул бы бабло себе в карман. Но в тот момент Светлова деньги не интересовали. Ему хотелось вдуть какой-нибудь тёлочке, пока Джина заряжается в своём горшке, а потому он подошёл к обладательнице шикарных форм сзади и зашептал ей на ухо. Хотелось облизать это аккуратное, красивое ушко, но он ограничился лишь: — Леди, а вы что, занимаетесь благотворительностью?

— Не поняла, — ответила леди с нажимом на первый слог.

— Вы деньгами просто разбрасываетесь, — Андрей взглядом указал на пол.

Лицо парня сзади даже не говорило, а кричало: «Чувак! Тебя кто за язык тянул? Ну, ты лошара!»

Блондинка опустила взгляд.

— Ой! А я и не заметила! Спасибо вам!.. Надела шубку, а в ней внутреннего кармана нет...

— С кем не бывает, — философски заметил Светлов.

Дождавшись, когда рассеянная блондинка оплатит свои презервативы, прокладки, йогурты и кексики, Андрей быстро оплатил свои покупки, сложил их в пластиковый пакет и, помахивая им на ходу, направился к своему дому. Он планировал, как в далёком студенчестве, всё, что купил, выпить и съесть в подъезде. Правда, в студенчестве он это делал с друзьями, сейчас же сделает, как говорится, в одно рыло. Да, это гадко, низко. Но надо же хоть как-то снять стресс, да?

Однако, не дойдя до перекрестка, Светлов услышал за спиной хруст каблучков по не успевшему растаять снегу и знакомый голос:

— Молодой человек!.. Да постойте, куда же вы так торопитесь?

— Я? — Термин «молодой» по отношению к Светлову употребляли в последнее время нечасто, поэтому он даже немного опешил.

— Да, вы! — Это была та же блондинка с идеальными, красивыми ногами.

— Ну...

— Вы мне сэкономили сегодня много денег. Хочу немного вас отблагодарить... — Она протягивает ему пятацотрублевую

купюру.

«Засунь себе эту пятисотку в свою красивую попку!..» — думает Анд-рей, но вслух говорит: — Гусары с дам денег не берут!

— Ого! — произнесла она, удивленно глядя на Светлова. — А вы, я смотрю, и вправду гусар!

— Ну, гусар — не гусар, а в деньгах особо не нуждаюсь...

На тот момент это было правдой. Хотя, даже полгода назад он такого бы не сказал.

— Кажется, я вас знаю, — она хлопала ресницами, глядя на него снизу вверх, пристально вглядываясь в черты его лица. — Мы же с вами живем в одном доме, только я живу в соседнем подъезде!

— Точно! А я думаю, почему у вас лицо такое знакомое? — Это была ложь, но ложь во спасение.

У Андрея ещё было время в запасе, и блондиночку он бы с удовольствием оттрахал. К тому же, она была симпатичнее Маши, а Шахноза вообще не шла с ней ни в какое сравнение. К тому же, эта обладательница восхитительных ног сама сказала, что хотела бы его отблагодарить, и никто её за язык не тянул. Подумаешь, с Машей вышел облом, зато с этой дамочкой всё может быть...

— Я — Эльвира. А вас как зовут?

Лишь в тот момент Светлов заметил маленькую сумочку, которую блондинка извлекла из-под мышки и начала в ней рыться. Андрею тут же в голову пришла мысль, что, возможно, эта дамочка ночью или под утро танцевала для каких-то богатых дядей стриптиз, те напихали ей денег в трусики или ещё куда, а она была настолько пьяна, что забыла убрать деньги в сумку, поэтому они из неё в магазине и посыпались.

Слабый запах алкоголя, который не мог перебить аромат духов и на-спех запудренные мешочки под глазами говорили о том, что в своих раз-мышлениях он не далёк от истины.

У Андрея в штанах всё разбухло только от одной мысли, что перед ним — настоящая стриптизерша. И можно будет не только трахнуть её, но и посмотреть, как она танцует. Конечно, он всё будет делать в обратном порядке, и у него, определенно, есть, что ей в трусики засунуть. Ей будет, ради чего перед ним булками и сиськами трясти.

После долгих скитаний по дну сумки, изящная рука Эльвиры вдруг вынырнула наружу и протянула Светлову визитную карточку.

Увы, в визитке было указано, что Эльвира — организатор досуга, а не стриптизерша и не проститутка, хотя похожа была и на ту, и на другую. Но Андрей вдул бы ей даже, если бы она была

микробиологом или стоматологом. Ему не хотелось ещё раз обламываться с сексом. Лишь бы у Эльвиры не было ни яиц, ни члена. Парни, которые ездили отдыхать в Таиланд, рассказывали, что у местных проституток такое встречается.

Помимо рода деятельности, в визитной карточке были указаны кон-тактные телефоны Эльвиры — стационарный и мобильный, а также домашний адрес, который частично совпадал с адресом регистрации Андрея. Они действительно жили в одном доме, в соседних подъездах. Только Светлов почему-то раньше никогда с «организатором досуга» не встречался. Не потому ли, что ночью, когда у Эльвиры только начиналась рабочая смена, Андрей уже крепко спал?

— А я Светлов Андрей. Предприниматель.

— А чем вы торгуете? — Эльвира заметно оживилась. Видимо, слово «предприниматель» вызывает у дамочек неподдельный интерес.

— А, всем, — хотел отмахнуться от неё Андрей, но, увидев, как быстро тухнут огоньки заинтересованности в глазах Эльвиры, понял, что общими фразами тут отделаться не получится, иначе секс и с ней окажется под угрозой срыва. А этого допустить он не мог.

Поэтому Светлову пришлось в очередной раз врать. Врал он мастерски, заливаясь соловьём. И ему это давалось без труда, ведь он действительно был зарегистрирован как индивидуальный предприниматель. Правда, сделал он это не по своей воле, а потому, что его вынудил это сделать босс. И не для извлечения прибыли для себя, а для совершения сомнительных сделок с другими ИП-шниками, которые предпочитали рассчитываться за наличный расчет.

Даже со статусом индивидуального предпринимателя Андрей оставался простым наёмным работником, а львиная доля прибыли от его сделок оседала в карманах Станислава Игоревича.

Но об этом он Эльвире рассказывать не стал, так как рассказ получился бы слишком коротким и не произвёл бы на Эльвиру должного впечатления. Зато Андрей рассказал почти всё о фирме «Торгоптима». Причём, рассказывал всё так, словно это было его детище, а не Станислава Игоревича.

Пока они шли по направлению к дому, Светлов рассказал Эльвире о товаре, о том, где находятся склады и сколько квадратных метров они занимают. Не забыл он рассказать ей о поставщиках и покупателях, о численности персонала и товарообороте.

Он так увлёкся, вешая «организатору досуга» лапшу на уши, что не заметил, как они дошли до подъезда, в котором жила Эля.

Они уже были на «ты».

— А в чем твоя работа заключается? — спросил её Андрей, когда его «лапша» наконец-то закончилась.

— Я? — Эля загадочно улыбнулась. — Ну, если ты никуда не торопишься, я тебе расскажу. А если зайдёшь ко мне в гости, то и покажу...

— У меня есть, как минимум, два часа, так что...

— Пошли! — она взяла его за руку, и они вошли в подъезд.

На лифте они начали подниматься на пятый этаж. Лифт слегка покачивало, и чем выше он поднимался, тем больше усиливалась пульсация в штанах Светлова. Он уже еле сдерживался, чтобы не нажать на кнопку «Стоп» и не овладеть Элей прямо в этом зассанном, заплёванном лифте.

Наконец-то двери кабинки разъехались.

Андрей приплясывал на месте от возбуждения, когда Эльвира, гремя ключами, открывала дверь своей квартиры. Казалось, она открывает эту чертову дверь целую вечность.

Наконец-то, справившись с замками, Эля пригласила Андрея войти внутрь. Однако стоило ему переступить порог квартиры, от возбуждения, которое едва не взорвало ему яйца, не осталось и следа. словно дверь, захлопнувшаяся у него за спиной, отсекала все потоки воздуха, и пожар желания, всю бушевавший в его теле, вдруг погас.

— Снимай пока верхнюю одежду и обувь, потом проходи в ту комнату, — шепнула ему Эльвира и скрылась в другой комнате, напротив.

«Фигня, — думал Светлов, направляясь в комнату, на которую указала ему Эля. — Сейчас она выйдет оттуда в одном халатике, покажет мне сиськи, и я снова буду твёрдым, решительным и несгибаемым!»

Это, конечно же, была большая спальня в розовых тонах, добрую часть которой занимала кровать. Пахло какими-то благовониями. На полу лежал мягкий розовый ковёр с неестественно длинным ворсом. Из углов комнаты вдруг полилась музыка. Всё говорило о том, что сейчас будет секс. Но ни сама обстановка, ни предвкушение полового акта с той, которая была воплощением подростковых и взрослых сексуальных фантазий Андрея, почему-то не возбудили его.

Но Светлов всё ещё думал, что это только пока не возбуждает. Сейчас Эльвира покажет ему всё, на что способна, и всё будет в ажуре.

И тут вошла Эля. Вопреки ожиданиям Андрея, на ней было короткое белое платье, облегающее и без того идеальную фигуру. Двигаясь плавно, как кошка, она слегка толкнула Светлова в

грудь, и он тут же присел на краешек кровати. Едва его ягодицы коснулись бархатистого покрывала, Эльвира начала медленно двигаться под музыку, сначала демонстрируя Светлову самые аппетитные части своего тела, обтянутые платьем, а потом — сбрасывая с себя одежду.

Сперва на полу оказалось белое платье, после в Андрея полетел сладко пахнущий белый лифчик, и она осталась в одних лишь стрингах.

«Вот тебе и организатор досуга для маленького друга», — подумал Светлов и, сам не зная зачем, понюхал лифчик.

Тем временем «друг» и вправду был маленьким. Он отказывался расти тогда, когда Эля начала прикасаться к Андрею различными частями своего тела. Он словно впал в кому, и не шевелился даже тогда, когда «организатор досуга» уверенным движением руки расстегнула Светлову ширинку, запустила в неё руку и принялась массировать его, изо всех сил пытаясь реанимировать член.

По иронии судьбы, в тот момент играла песня группы «Evanescence», «Bring me to life!» — надрывно пела Эмми Ли, призывая Эльвиру вернуть к жизни маленького «друга».

Бесполезно. Никакого шевеления.

— Чёрт, — пробормотал Светлов. Он начал нервничать, так как такого с ним ещё не было никогда.

— Наверное, ты устал сегодня? — печально спросила Эля, глядя его по голове.

На член это поглаживание не произвело ровным счетом никакого впечатления, но Андрей вдруг начал испытывать беспричинное беспокойство, перерастающее в страх, будто сейчас произойдёт что-то ужасное: упадёт стена или обвалится потолок, в квартиру ворвутся террористы и всех перестреляют... Не важно, что, но что-то будет. И уверенность в этом нарастала с каждой секундой.

— Ага! И у меня были стрессы, — ответил ей Светлов, чувствуя, что вспотел так, как не потел даже в сауне. Взмокшая рубашка мгновенно прилипла к коже, что вызывало дискомфорт, а не желание продолжать находиться здесь, в этой комнате, в этой квартире. Как никогда, захотелось домой. Андрей тут же попытался встать на ноги. Но «организатор досуга» остановила его мягким прикосновением к плечу.

— Да успокойся ты! У меня есть одно средство... — Эльвира выпорхнула из комнаты, быстро вернулась с белой таблеткой на блюдце в одной руке и со стаканом воды в другой. — Проглоти таблетку и запей... Поверь мне, всем помогает!

Андрей закинул в рот таблетку, выпил воды, слыша, как

собственные зубы противно стучат по стакану.

— Спасибо, — он протянул ей стакан.

Светлов прикрыл глаза, и какое-то время сидел неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям.

Поначалу всё было хорошо: чувство страх начал проходить, исчезли и чувство внутреннего дискомфорта, и желание уйти. Настроение вдруг стало улучшаться.

— Ну, вот видишь, всё хорошо, — слышался слегка приглушенный музыкой голос «организатора досуга». То ли от её голоса, то ли от действия таблетки Андрей почувствовал себя значительно лучше.

Он открыл глаза и даже смог улыбнуться Эле. Она улыбнулась ему в ответ. Когда его взгляд переместился на её красивую, упругую грудь, член вдруг восстал из мёртвых, что давало надежду на то, что Андрей получит то, что хотел. Может даже, больше.

Увы, улучшение оказалось даже слишком кратковременным, потому что сразу же после этого живот Светлова пронзила резкая боль, а желудок сжала чья-то невидимая рука. Перекошенный от боли рот приоткрылся, но вместо вскрика из него пулей вылетела белая таблетка и угодила «организатору досуга» прямо в глаз. Вслед за этим желудок принялся извергать из себя поток до конца не переваренного обеда, который, к слову сказать, был вкусным и сытным.

Что-то попало на кровать и на розовый ковёр, но большая часть блевотины досталась Эльвире. Держа руку у глаза, она вскрикнула и выскочила из комнаты.

Где-то в глубине квартиры хлопнула дверь, слышался шум льющейся воды.

Именно тогда до Андрея дошло, что нечто похожее в его жизни уже происходило, только когда и при каких обстоятельствах, он вспомнить не мог. Видать, был тогда в жопу пьяный. Но и тогда, похоже, его секс накрылся медным тазом. Поэтому, понимая, что сегодня ему уже ничего не обломится, старательно обходя лужи собственной блевотины, Светлов тихо прошёл в коридор, натянул на себя пальто, надел туфли. И, как только он попытался открыть дверь, за спиной слышалось:

— Эй, а деньги?

— Какие деньги? — Андрей специально «включил дурака», уже давно поняв, что «организатор досуга» — проститутка. Да, деньги у него были и оставлять их было не жалко. Но платить за то, что не принесло никакого удовольствия, он не хотел.

— Ты что, издеваешься? — Эльвира сложила руки на груди и встала между Светловым и дверью. Сейчас на ней был розовый

халатик, надетый на мокрое тело, чему Андрей даже не удивился, ведь её образ именно в этом халате изначально стоял у него перед глазами. Да по ней видно, что она помешана на розовом! Но что это было: экстрасенсорика или что-то другое? Да хрен знает! Об это можно поразмышлять потом, на досуге. — Я для тебя танцевала, я делала тебе приятно, делая массаж твоему отростку... Ты же испортил моё нижнее бельё, сделав на него блеванессенс, испортил кровать, ковёр... А ведь я, насколько тебе известно — организатор досуга. Я организовала тебе досуг, вот и заплати! А то, что твой организм с этим не справился — не мои проблемы. Походи по врачам, подлечись...

— Сколько? — оборвал её Светлов.

— Десять!

— Без проблем! — Андрей выдавил из себя улыбку. Эх, знала бы Эля, чего стоила ему эта улыбка, скинула бы тысяча пять. Но деваться было некуда, а долг платежом красен. Поэтому Светлов извлёк из своего пухлого кошелька пятнадцать тысяч — три бумажки достоинством по пять тысяч рублей — и отдал их «организатору досуга» со словами: — Пятёрка сверху за моральный ущерб.

— Ого! — Эльвира явно была приятно удивлена. — То есть, ты не врал мне про свой бизнес, да?

— Конечно, нет! — в очередной раз, не моргнув глазом, соврал ей Андрей. Спасибо театральному кружку! Слава КПСС!

— Ну, ты заходи, когда здоровьице поправишь, — открыв входную дверь и выпустив Светлова из квартиры, произнесла Эля. — Ты, я смотрю, мужик нормальный, хоть и с прибабахами.

— Посмотрим... — уклончиво ответил ей Андрей, хотя, когда лифт, всё также пошатываясь, тащил его вниз, Светлов уже точно знал, что в гостях у этой дамы он был в первый и в последний раз. Второй раз он такого позора не перенесёт, так как, скорее всего, покончит жизнь самоубийством.

Подходя к своему подъезду, вспомнил про пакет с виски и колбасной нарезкой, который так и остался в квартире Эльвиры, в прихожей. Возвращаться не хотелось, и Светлов махнул рукой и на виски, и на нарезку. В тот момент его больше волновали внезапно возникшие проблемы со здоровьем, а всё остальное казалось ему чем-то малозначительным.

В то же самое время Эля стояла обнаженная перед зеркалом и большими глотками хлебала вискарь из горлышка, закусывая колбасой. Она была уверена, что специально всё это оставил для неё, чтобы она, как можно скорее, забыла про этот конфуз.

— Что со мной не так? — спрашивала Эльвира у своего отражения в зеркале. — Вроде, и сиськи, и попа на месте, но

какого... Ик!.. Какого хрена у него не встал?

Так и не услышав от безмолвного отражения ответы на свои вопросы, «организатор досуга» надела халат и, сделав два жадных глотка, направилась в кухню, где она долго сидела в гордом одиночестве за столом, снимала стресс буржуйским пойлом под названием виски и курила одну сигарету за другой. Там же и заснула, на табуретке, что в последнее время с ней происходило довольно-таки часто.

Утром проснулась с сильной головной болью и с болью в спине. Никаких встреч с клиентами на тот день назначено не было, поэтому Эльвира решила снять боль телесную тем же средством, которым накануне лечила боль душевную и пошла в тот же продуктовый магазин, где накануне встретила Андрея. Там она выбрала бутылку самого дорогого вина и направилась к кассе. Её глаза чуть не вылезли из орбит от удивления, когда она открыла кошелек и вместо трёх пятидесятирублевых купюр увидела там три обертки от шоколадных конфет с изображенными на них ананасами. Не смогла сдержать крик души:

— Твою мать! Это что за х...

— Что вы сказали? — спросила её кассир.

— Да так, ничего... Оплачу по карточке!

Для Эльвиры это был самый настоящий шок. У неё в голове не укладывалось, как такое могло произойти, и как такое могло произойти с НЕЙ, ведь она, заботясь о фигуре, не ела ни сладкого, ни мучного. И точно помнила, что проверяла подлинность каждой из трёх купюр, разглядывая их на свет перед тем, как убрать их в кошелек. Что это вообще такое?

По дороге домой, она так ушла в себя, прокручивая в голове вопросы, на которые не могла найти внятных ответов, что забыла про осторожность и начала переходить дорогу на красный сигнал светофора. За это Эля тут же поплатилась жизнью. Её сбил большой белый внедорожник и скрылся с места происшествия.

За рулем того внедорожника сидела коллега по цеху и лучшая подруга Эльвиры — проститутка Илона. Зная, что недалеко живёт её подруга, Илона решила заехать к ней в гости, чтобы поболтать, заодно похвастаться своим новым внедорожником, на который насосала в прямом смысле.

Потянувшись к сумочке, лежащей на пассажирском кресле, чтобы достать из неё мобильный телефон, Илона отвлеклась от дороги и наехала на свою лучшую подругу. Конечно, в тот момент она даже не знала, кого сбила. Она так испугалась, что тут же ударила по газам. Желание зайти в гости к Эле у неё сразу же пропало. Вечером она всё же набрала телефон Эльвиры, но «абонент» почему-то был «временно не доступен». О том, что она

убила свою подругу, Илона поняла только через три дня, на похоронах Эльвиры. Что тут скажешь? Судьба — злодейка!

Глава 6. Джина снова в теле

Когда ещё живая, но уже слегка пьяненькая Эльвира включила вытяжку на кухне и закурила, Светлов вошёл в свою квартиру. Настроение было поганым. Он был морально подавленным и раздавленным. На душе скребли кошки и от того, что хотел изменить Джине, и от того, что потерпел фиаско. Хотелось только одного — пройти в спальню и лечь спать. Больше ничего не хотелось, и он уже был на половине пути к мягкой кровати, но тут между ним и спальней появилась Джина.

— Как погулял, мой повелитель? — спросила она, улыбаясь своей неповторимой улыбкой.

— Нормально, — буркнул Андрей в ответ.

— А что ты такой недовольный? Что-то случилось?

Судя по интонации её голоса, по выражению лица, она ничего не знала о злоключениях своего господина.

«Хоть в этом повезло!» — подумал, глядя на призрачную деву, Светлов, а произнёс лишь:

— Устал я что-то. Мне бы поспать чуток, — он обошёл Джину, хотя мог пройти и сквозь неё, вошёл в спальню и, не раздеваясь, рухнул на кровать, зарывшись лицом в подушку. Хотелось завить зверем, но он не стал этого делать, чтобы не пугать Джину.

— Есть хочешь? — Голос прозвучал прямо над ухом..

Андрей оторвал лицо от подушки. Джина стояла рядом с кроватью, склонив на бок голову.

Обычно в это время Светлов от еды не отказывался, но сейчас, вспоминая, как блеванул на Эльвиру, он даже думать о еде не мог. Перед глазами до сих пор стояла таблетка, летящая в глаз «организатора досуга».

Вместо ответа Андрей просто замотал головой.

— Хочешь, я подниму тебе настроение? — в самое ухо прошептала чародейка. От этого шепота уху стало щекотно.

«Подними мне лучше хер», — подумал Светлов, но ответил:

— Ага.

— Сегодня я сделаю себе тело.

— Что? — Светлов, как ошпаренный, подскочил на кровати, сел.

— Да-да, — Джина кивнула. — Тебе не слышалось. Помнишь, я говорила тебе, что у меня будет тело лишь тогда, когда я буду готова к этому? Ну, так вот, сейчас я, как никогда, готова...

«Зато я не готов, — с досадой подумал Андрей. — И именно

сейчас, сука, мой хер дал сбой. Конкретный сбой! Может, отговорить её?»

Он уже открыл рот, чтобы сказать: «Да ты не торопись, всё взвесь. Куда спешить-то? Ты мне и такая нравишься», но тут вдруг вспомнил, что Джина — колдунья и, если верить её словам, для магии нет границ. И пока что сомневаться в её словах у него не было причин, так как она день ото дня доказывала ему правоту своих слов. К тому же, если она станет полноценной женщиной, она будет хотеть секса и будет заинтересованной в том, чтобы у него, Андрея Светлова, все системы функционировали в нормальном режиме. Значит, если ещё раз такая фигня, как сегодня, повторится, она Джине не составит особого труда пустить все свои магические способности на «починку» члена, и всё будет нормально. Значит, что он, Андрей Светлов, теряет? Да ничего он не теряет! Ни-че-го!

И у Андрея вдруг стало так хорошо на душе, так легко, словно камень с плеч свалился. Ему даже стало стыдно за свои упаднические настроения.

— Давай! — Он махнул руками. — Превращайся!

— Какой же ты нетерпеливый, — Джина хихикнула. — Завладение телом — процесс не такой уж и быстрый. Сначала нужно найти подходящее тело, потом вселиться в него... А для этого нужно выйти на улицу, и я очень хотела бы, чтобы рядом был ты. Это для энергетической подпитки...

— Ну, так пошли! — Светлов вскочил с кровати.

— Подожди. — В спальню по воздуху вплыл поднос, на котором лежал пирог. — Я чувствую, что ты голоден. Съешь его, и мы пойдём.

И, действительно, у Андрея вдруг появилось зверское чувство голода. Столь сильное, что он смог бы съесть даже слона. Только где найти слона в Челябинске?

— Давай сюда его! — Светлов схватил с подноса пирог и стал вгрызаться в него, откусывая большие куски. — О, фкуфнотиф-фя-то какая!

Через пять минут они уже шли по улицам Челябинска и искали нужное тело. Точнее, шел только Андрей, а Джина летела рядом с ним.

Они разглядывали всех попадающихся им по пути представительниц слабого пола, пытаясь найти единственную и неповторимую, достойную того, чтобы в её теле жила Джина.

— Сейчас ты для всех невидимый и неслышимый, — предупредила чародейка Андрея. — Так что, делай и говори, что хочешь!

— Понял, — Светлов кивнул. — Не дурак...

Было тепло, одежды на «кандидатках» было не так уж много, так что, Андрей мог по достоинству оценить все «плюсы» и «минусы» фигуры любой дамы. Конечно же, он обращал внимание только на красивых девушек. Джина же почему-то их не замечала или делала вид, что не замечает.

После часа таких бесплодных скитаний Светлов наконец-то увидел ту самую, которая, как ему казалось, была идеальной — длинноногая брюнетка с большой грудью. Если бы Андрей был режиссером, он дал бы ей главную роль в своём фильме. Разумеется, через постель.

— Посмотри на неё, — обратился он к Джине. — Почему бы тебе не все-литься в её тело?

— Блядь- блядь, — ответила чародейка. — Мне бы было противно жить в таком теле.

— А эта? — Светлов указал на блондинку модельной внешности.

— Дура дуррой. Тупица. Я боюсь, что в её теле сама дурой стану. Ду-рость она, знаешь ли, очень заразительна. Как вирус.

— Ну, ладно. А вот эта? — Андрей ткнул пальцем в шатенку. Да, две предыдущие дамы обладали красотой, но их красота была какой-то холодной, по-другому и не скажешь. Эта же была воплощением женственности, настоящая русская красавица.

— Ты серьёзно? — Бровь Джины удивленно поползла вверх.

— Да, а что? — Светлов ещё раз критически оглядел шатенку. — Всё при ней, красивая...

— Не так давно это существо было мужчиной, который с раннего детства полагал, что он — женщина. Врачи отрезали ему всё, что плохим танцорам танцевать мешает, но это не принесло ему счастья и сейчас это существо чувствует себя никому не нужным и грезит о самоубийстве...

— Вот это да! — потрясенно молвил Андрей. — А по... нему и не ска-жешь...

— Идём дальше!

Они блуждали ещё час, пока Джина не указала рукой на низкорослую, бедно одетую девушку в очках, одну из тех, которых обычно сравнивают с серой мышью:

— Вот она!

«Серая мышь» вышагивала по улице с таким выражением лица, словно она не понимает, где она находится, и что вокруг ней происходит.

— Что?! — закричал Светлов, округлив глаза. — Но почему ты выбрала именно эту страшилку?

— Потому, что она детдомовская, не местная. Всего два часа назад приехала сюда на поезде. У неё здесь нет никого и ничего.

Если она пропадёт, её пропажу никто не заметит. К тому же, она не дура, ничем себя не запятнала, кроме мелких хищений в детском доме и драк с такими же, как она, детдомовцами...

— Ты сказала «пропажу»?

— Да, — невозмутимо продолжала Джина. — Именно пропажу. Потому что, когда я вселюсь в неё, её уже не будет. Буду я такой, какой ты привык меня видеть, только во плоти...

— А я-то думал...

— Нет! — оборвала его чародейка. — У меня будет моя внешность.

— Ф-фу! — облегченно выдохнул Андрей. — Ну, тогда давай...

— Всё не так уж просто. Ты что, думал, что я просто так тебя с собой взяла? — Чародейка усмехнулась. — Для начала ты должен подойти к ней и задать какой-нибудь простой вопрос. Спроси, который час или как пройти в библиотеку. Она должна поговорить с тобой. Не так уж важно, что скажет.

— Будем надеяться, что не пошлет на х...

И он пошёл навстречу «страшилке». Когда их отделяло друг от друга не более двух шагов, она посмотрела на него. Значит, Джина не забыла отключить невидимость.

— Что вам надо, мужчина? — заговорила она первой. — Если хотите спросить, где и что находится, я ничем не смогу вам помочь, так как я сегодня первый день в Челябинске. Если хотите развести меня на бабки...

В тот самый момент Джина начала уменьшаться в размерах. После ослепительной вспышки, которую видел только Светлов, она превратилась в маленькую, размером не больше десятирублевой монеты, звездочку и влетела в рот «серой мыши».

Девушка вдруг начала надрывно кашлять. У неё позеленело лицо, её затрясло дрожью, глаза закатились. Когда её колени подогнулись, от её головы, на которой была дешёвая вязанная шапочка, отделилось нечто похожее на облако и стало подниматься вверх. Глядя на него, пока оно было в зоне видимости, Андрей понял, что это — душа той девушки, хотя ранее он никогда отделения души от тела не видел и сомневался, в том, что она в человеке вообще есть.

После того, как душа куда-то испарилась, «Страшилка» выпрямилась, и её тело начало меняться: подросло в высоту, округлились формы, поперла вперед грудь, разрывая молнию сильно поношенной курточки китайского пошива.

Ниже плеч отрасли волосы. Шапочка тогда, когда они росли, свалилась с головы и упала на асфальт.

В последнюю очередь начала менять форму голова. Глупое

лицо тупой пролетарки — слава Богу! — начало превращаться в лицо Джины. И всё это сопровождалось треском костей, таким громким и противным, что Светлову хотелось закрыть ладонями уши, чтобы не слышать этого. Но сделать это он не успел, так как преобразование завершилось. Оно закончилось так же неожиданно, как и началось. Андрей и глазом моргнуть не успел, а перед Андреем уже стояла Джина, но в лохмотьях и пахнущая поездом.

— Кажется, всё получилось, — оглядывая себя и ощупывая лицо, сказала она.

— Джина! Джиночка! — Светлов подскочил к ней и обнял. Он планировал просто обнять, но чародейка прижала его к себе, и их губы слились в страстном поцелуе, который заставил Андрея забыть все неприятности дня сегодняшнего, ибо реакция организма на поцелуй была абсолютно нормальной. Уже не маленький и очень окрепший друг кричал: «Я — опытный спелеолог! Запусти меня в её пещеру!»

В какой-то момент чародейка слегка отстранилась от Светлова и прошептала ему в ухо:

— Это то, о чем я мечтала всю свою долгую жизнь, поверь мне, ради этого можно просидеть в кувшине хоть миллион, хоть два миллиона лет.

— Это только цветочки, — улыбнувшись, ответил ей Андрей. — Ягодки ещё впереди.

И они продолжили целоваться.

Прохожие кидали на них косые взгляды, Их все видели, но Андрею с Джиной было всё равно. Плевать им было на всех и на то, что эта серая масса думает о них. Они были счастливы, и это — главное.

Трудно сказать, сколько они так стояли, слипшись губами, но в какой-то момент чародейка отшатнулась.

— Что такое? — Светлов сдвинул брови.

— Я похожа на нищенку. Мне нужно приодеться!

— Да нормально ты выглядишь! — Андрей оглядел свою подругу, снова притянул к себе. — Ты — просто конфетка!

— Нет! — Джина отпрянула и, взяв Андрея за руку, потащила к магазину одежды. У самого магазина она отпустила его руку. — Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

— Хоть всю жизнь, — ответил ей Светлов, про себя подумав: «Похоже, это часа на полтора! Чем я займу это время?»

Но, вопреки его опасениям, чародейка вышла из магазина через минуту в дорогих сапогах, распахнутой песцовой шубе, такой же шапке, с множеством больших пакетов в руках. Под шубой Андрей разглядел красное вечернее платье.

— Давай помогу, — Светлов взял пакеты из рук Джины,

отметив, что, все они весят килограммов пятнадцать-двадцать.

Он уже хотел предложить своей возлюбленной вызвать такси, но та с уверенным видом достала из кармана шубы ключ от машины, нажала на кнопку. Тут же дважды моргнул фарами большой белый внедорожник, припаркованный у обочины дороги. Привычным жестом открыв заднюю дверь, колдунья посмотрела на Андрея.

— Что стоишь? Складывай пакеты!..

У Светлова к тому времени уже начали слегка деревенеть руки, а потому он с удовольствием подчинился.

Джина вставила ключ в замок зажигания, заурчал двигатель, и автомобиль плавно покатил по улицам Челябинска, в сторону дома.

Конечно, такого от Джины Светлов не ожидал, тем более, в первый вечер её нахождения в теле. Наконец-то, немного оправившись от шока, Светлов задал вопрос:

— Зачем ты убила её, хозяйку тела?

— Иначе никак, — буднично ответила ему чародейка. — Та девушка всё равно умерла бы в страшных муках через неделю, Её бы сначала долго насильовали, а потом бы убили. Так хоть она ушла без мучений...

Он получил ответ на свой вопрос, но спросил Андрей совсем не о том, о чем думал. А думал он о том, откуда у Джины автомобиль, и как она так быстро научилась водить машину?

Конечно, он был уверен, что ответом на вопрос будет стандартное: «Всё дело в магии, дорогой. А возможности магии безграничны».

Спроси он у своей спутницы про автомобиль, Джина сразу бы ответила, что на этом автомобиле жрица любви не так давно насмерть задавила свою подругу, с которой у Светлова сегодня ничего хорошего не получилось. Проститутка Илона так испугалась, что бросила машину и поклялась больше за руль не садиться. Ещё бы колдунья добавила, что через три дня у жрицы любви будет нервный срыв, который приведет её к самоубийству, и машина ей больше не понадобится, так как мёртвым автотранспорт не нужен.

Конечно, после такого ответа Андрей уже никогда не чувствовал бы себя в этой машине так комфортно. Возможно, никогда больше не сел бы в салон этого роскошного внедорожника, за который Илоне пришлось отсосать тучу членометров и натереть трудовые мозоли на своих интимных местах. Всего этого Андрей никогда не узнает. Ему же лучше. А дома Светлова ждал нереальный секс, занимаясь которым они с Джиной парили в облаках, как это было когда-то. И было всё

равно Андрею, ранее происходило это в нереальной действительности или в слишком реалистичном сне.

Наверное, небеса никогда ещё не слышали столь громких стонов и не видели таких откровенных сцен, которым нашлось бы место только в порно.

А горячим любовникам было всё равно, что видели небеса, а чего — нет. Андрей с Джиной, придя к финишной черте удовольствия одновременно, начали падать на грешную землю и рухнули прямо в кровать, стоящую в обычной, как когда-то давно, спальне Светлова. Они долго лежали, обнявшись и тяжело дыша, с выражением счастья на лицах. Отдышавшись, колдунья вдруг поднялась с кровати и, пошатываясь, направилась к мраморной подставке, на которой уже долгое время стоял кувшин, некогда бывший её темницей.

— Ты куда? — Андрей поднял с тумбочки мобильник, чтобы посмотреть время и, раскрыв рот от удивления.

Время вполне соответствовало темноте на улице, но вот дата явно сбилась — 5 мая.

— Не удивляйся, — не оборачиваясь, словно давая Андрею возможность полюбоваться своими красивыми ягодицами, произнесла чародейка, — Нас не было полтора месяца. Но согласись ведь, это того стоило?

— О, да! — Светлов положил телефон на тумбочку, продолжая пялиться на зад своей подруги, которая стояла напротив кувшина, протянув к нему руки с растопыренными пальцами. Между пальцами и кувшином в темноте светились небольшие разряды, похожие на молнии во время грозы. Слегка пахло озоном. Так продолжалось минут пять, после чего чародейка убрала руки от кувшина, уже не шатаясь, подошла к кровати и нырнула под одеяло.

— Спасибо тебе, любимый, — она прижалась к Андрею всем телом и поцеловала в щеку. — Ты был великолепен! Я и не знала, что это так круто.

После всех тех обломов и конфуза, который навел его на мысль об импотенции, он уже не ожидал услышать в свой адрес таких слов, а потому засиял от счастья.

— Всегда пожалуйста... Кстати, а что это было только что? Ты вызывала грозу?

— Нет, — Джина хихикнула. — Я подзаряжалась энергией. Секс, знаешь ли, отнимает много сил. А ты не хочешь подзарядиться?

— Ну... — Светлов задумался. С одной стороны, ему не хотелось выле-зть из тёплой постели, но с другой стороны, вдруг ему потребуется энергия для второго дубля, который, судя по

наливающимся кровью Ваньке-Встаньке, очень даже возможен.

— Вижу, что нет, — уверенно заявила колдунья, заглянув под одеяло. — Тогда давай спать. Я не спала со времен царя Ахома.

— А я бы смог и второй раз, — произнес Светлов, разглядывая причудливые тени на потолке. — Может, ещё разик?

Увы, ответом на его вопрос было тихое похрапывание.

Глядя на спящую подругу, Андрей отметил, что её лицо было прекрасным даже в темноте. Оно словно светилось изнутри мягким белым светом, и Светлову отчетливо была видна каждая черточка прекрасного лица чародейки.

Андрей не верил своему счастью. Ему не верилось в то, что секс в облаках, был реальным, таким же реальным, как эта комната, кровать и похрапывающая рядом с ним подруга. Подумать только: ещё недавно у неё не было тела, а сейчас у неё есть машина и навыки вождения. Оказывается, жизнь непредсказуема: в один и тот же день можно получать один за одним подзатыльники от этой самой жизни, чувствовать себя жалким импотентом, а потом совокупляться с женщиной своей мечты в облаках и при этом ощущать себя таким негибким сексуальным монстром. Почему так происходит?

Он кинул ещё один взгляд на Джину, и тут вдруг до него дошло: не-удачные попытки сходить налево, внезапное желание чародейки иметь тело и полуторамесячный секс-марафон отнюдь не случайны.

Она всё знала. Знала с самого начала его поползновений на сторону. Она следила за ним и, хотя он наивно полагал, что может блокировать свою голову от чтения мыслей, знала, о чем он думает. Она любила его тогда, будучи бестелесной, любит его, дурака, и сейчас. А потому ей не хотелось делить его с какой-нибудь блядью. Вот она всё и подстроила. В этой трагикомедии все актёры играли по её сценарию, и она всё контролировала от начала и до конца. И секс на небесах был для них обоих премией «Оскар» за лучшую мужскую и лучшую женскую роль. Гениально, ничего не скажешь! А ларчик-то просто открывается. Не зря же говорят, что всё гениальное — просто. Ну, Джина, ну, плутовка!..

Когда Андрею всё стало ясно, как Божий день, он улыбнулся довольной улыбкой, сладко зевнул, закрыл глаза и расслабился.

«Все пазлы сошлись, всё наконец-то встало на свои места», — с этой мыслью он начал погружаться в крепкий сон.

Глава 7. Битва титанов

Вязкая, тягучая темнота окутывала его. В неё Андрей погружался всё глубже и глубже. Он опускался всё ниже и ниже, на самое дно темноты, ничего не чувствуя. Только ощущение покоя, Казалось бы, это ощущение может продлиться целую вечность, но тут послышался какой-то шум, и темнота вдруг стала отступать, а из неё начали проступать очертания спальни, её внутренней обстановки.

В спальне внезапно стало светло, как днем, и Светлов увидел Джину, стоящую у окна, за которым было темно. Она смотрела на звезды со слегка обеспокоенным видом. Но не это удивило Андрея, а то, что на его подруге были доспехи, точно такие же, какие он видел на тарингийских воинах, и меч в ножнах болтался на поясе. Начищенные до блеска доспехи поблескивали.

На её спине был красный, расшитый золотом рюкзак, который как-то не очень гармонировал с доспехами, но чародейку этот рюкзачок несколько не портил.

— Джина, ты что? — задал вопрос Светлов, но чародейка ему не ответила.

Она или не слышала его, или не хотела отвечать на его вопрос. А он висел в воздухе, как паралитик в аэродинамической трубе, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Он мог лишь подниматься то выше, то ниже и медленно летать по спальне. Это его не удивило, он ведь был уверен, что спит, и всё это ему снится. А во сне он никогда не чувствовал своего тела. Страшно во сне иногда было, когда снились кошмары, а вот больно — никогда. Это ж сон.

Послышался сильный удар в дверь. Дверь спальни с шумом распахнулась, чуть не слетев с петель. В дверном проёме показался чей-то силуэт. Андрею пришлось развернуться, чтобы разглядеть, кто это был. Каково же было его удивление, когда он увидел входящую в спальню... маман!

Но ещё больше его удивило то, что маман тоже была в доспехах, только не в блестящих а в черных. В одной руке она держала щит, в другой — обнаженный меч.

Поверх кирасы блестела золотая цепь с кулоном — единственное юве-лирное украшение, которое у маман было, которым она гордилась и так дорожила, что как-то отбила все руки маленькому Андрейке, когда тот достал эту цепь из шкатулки и попытался надеть на себя.

Как и в тот день, лицо маман было перекошено от злости, глаза сверкали в темноте, источая нечеловеческую ярость. Может,

поэтому Светлов решил подарить бывшей подруге Насте на Новый год кулон с цепью, так как с детства считал, что это — что-то дорогое и ценное? Ответ на этот вопрос в тот момент Андрей вряд ли нашел в своей голове. Хотя бы потому, что никогда об этом не задумывался. Просто купил, и всё.

— А ты, я смотрю, хорошо подготовилась к моему визиту, тупая с-с-сука, — прошипела она, разглядывая Джину.

— Не оскорбляй мою подругу, мать! — закричал Светлов, но маман даже не посмотрела в его сторону. Видимо, она его и не видела и не слышала.

— Да, я ждала тебя, Кутуш! — Джина отвернулась от окна и с лязгом вытащила меч из ножен. — И была уверена, что ты придёшь отнюдь не с дружеским визитом. И именно сегодня.

— Визит у меня как раз дружеский. Ты по-дружески отдашь мне свой кувшин и оставишь в покое моего Андрюшку...

Услышав «Андрюшку», Светлов чуть не взвыл от злости. Ещё бы, ведь он с детства ненавидел этот уменьшительно-ласкательный вариант своего имени. Ведь, называя его именем Андрюшка, мать всегда добавляла: «Говнюжка». В этот раз обошлось без «Говнюжки», но она, наверняка, сказала бы так, если бы Джина не оборвала её:

— Во-первых, ни Андрей, ни кувшин твоими никогда не были. Во-вторых, я отдам тебе их только в том случае, если ты меня одолеешь в честном бою.

— Ой, какие слова! Сама-то, поди, уже трусики от страха намочила, да? Или ты не носишь трусов? — Маман расхохоталась, довольная собственной шуткой.

— Это не твоё дело, Кутуш! — Глаза молодой чародейки гневно сверкнули. — Так мы будем биться или нет?

— Конечно, будем! Место поединка выбирать тебе. Выбери, где тебе умирать будет приятнее. Только кувшин не забудь.

«Так вот, зачем ей нужен рюкзак! — догадался Андрей. — Пока он у Джины за спиной, она постоянно будет от него заряжаться. Неплохо придумано!»

— Он у меня с собой. Летим в долину Ведьм. — Сказав это, Джина распахнула окно. В тот же миг вокруг неё появилось искрящееся розовое облако, которое подняло её вверх и плавно вынесло через окно наружу.

Вокруг маман тоже появилось облако, но больше похожее на грозовую тучу. Укутанная этой тучей, маманя поднялась в воздух, попыталась тоже вылететь в окно, но стукнулась головой об верхнюю часть оконной рамы. Раздался звук «бом-м-м», похожий на колокольный звон. Маман чертыхнулась, сдала назад, пригнулась, и только потом вылетела.

— Эй! Я тоже хочу в долину Ведьм! — крикнул им вслед Андрей без всякой надежды на то, что его услышат. Он боялся того, что даже если сможет лететь, не догонит их и не увидит того, что произойдет на поле боя.

Но какие-то силы всё-таки его услышали и он, пусть даже неуклюже, вылетел из окна и устремился вслед за двумя размытыми пятнышками в небе — маман и Джиной. В какой-то момент он даже приблизился к ним настолько близко, что смог даже слышать позвякивание их доспехов.

Светлов старался не смотреть ни вниз, ни по сторонам. Нет, он уже не боялся высоты, просто боялся, что потеряет и маман, и свою подругу из виду. А тогда всё, пиши: «Пропало».

В какой-то момент на горизонте стало светлее, и два облака впереди начали снижение. Андрей последовал за ними. После продолжительного спуска ноги дам, закованные в металл, коснулись земли.

Светлов же приземлиться не смог. Он так и находился в подвешенном состоянии, паря над головами Джини и матери.

Понимая, что уже от них не отстанет, начал осматриваться. Было раннее утро. Долина Ведьм представляла из себя пустынное плато, окруженное со всех сторон скалами. Не было слышно пения птиц, не было слышно шума ветра. Казалось, в долине Ведьм вообще не было ничего и никого живого.

Редкие кусты были без листьев, одиноко стоящее дерево было иссушенным солнцем и расколотым надвое вдоль ствола. Островки травы — сухие и пожелтевшие. В общем, тоска полнейшая! Вряд ли кто-нибудь здесь хотел бы жить. Умереть здесь, скорее всего, желающих тоже бы не нашлось.

Джина и маман встали друг напротив друга на участке земли, где камней было поменьше.

— Готова умереть? — с издевкой в голосе спросила маман, громко постучав мечом по щиту.

— Только через много лет после твоих похорон, — Джина сжала двумя руками ручку меча,

— А где же твой щит, сучка? Решила сдохнуть по-быстрому, да?

Молодая колдунья ничего на это не ответила, просто подняла меч до уровня плеч и начала приближаться к маман. Та, похоже, только и ждала этого, потому что сразу же, несмотря на свою грузность, побежала на Джину.

«Ой, что сейчас будет!» — только успел подумать Андрей.

Хотя он был уверен, что всё это происходит всего лишь во сне, он всей душой болел и переживал за Джину. Уж больно маленькой и хрупкой она казалась по сравнению с маман.

И вот они сошлись, лязгнули мечи, посыпались искры.

Маман, как заведенная, махала мечом, но Джина, как оказалось, тоже была не лыком шита. Она ловко уклонялась от меча, парировала удары, и ни один из выпадов маман, каждый из которых мог быть для подружки Светлова смертельным, не достиг своей цели.

Когда маман начала уставать и слегка сбавила обороты, Джина нанесла два сильных удара по её щиту, разрубив его на две половинки, и воткнула меч в живот маман, чуть ниже кирасы. Однако озверевшая маман, похоже, даже не обратила на это внимание. Она продолжала махать мечом, пока Джина не выдернула свой меч из её живота, и не отрубила ей руку. Удар был настолько сильным, что и рука, и меч отлетели метров на десять. Это была та самая рука, которая в детстве Светлова частенько больно шлёпала по мягкому месту и щедро отвешивала ему подзатыльники. Но сейчас, глядя на мать, Андрей испытал к ней жалость. Ему хотелось, чтобы всё наконец-то закончилось. Чтобы бой, пусть он даже состоялся не наяву, а во сне, закончился каким-нибудь хорошим финалом.

— Джина! — крикнул он своей подружке. — С неё хватит! Ты победила и...

Но чародейка его снова не услышала. Она подошла к рухнувшей на колени, истекающей кровью маман, концом меча сбила с её головы шлем и размахнулась для удара, после которого её сопернице уже не помог бы ни один врач.

Казалось бы всё, конечно, но маман вдруг выбросила вперед свою левую руку и послала в грудь Джине мощный энергетический удар, от которого молодую колдунью отбросило назад метров на двадцать. Она упала на спину, ударившись головой об камень. Любой другой человек не выжил бы после такого падения, но только не подруга Алексея. Она начала подниматься, разглядывая вмятину на кирасе.

Когда Джина поднялась на ноги, из-за кучи камней выскочил мужчина с булавой в руке. Что-то было в этом мужчине знакомое. Подлетев поближе, Светлов понял, что это — его отец. Только как он тут оказался? Он ведь не летел с ними. И как он мог узнать, что бой состоится в долине Ведьм?

Да всё просто. Это же сон. А во сне возможно всё.

Тем временем папаша сделал замах булавой, когда его и Джину разделяло не больше трех шагов. Чародейка повернулась к нему, указала на него пальцем и что-то сказала, беззвучно шевеля губами.

Отец встал, как вкопанный, посмотрел на свою булаву и внезапно на-чал бить себя ею по голове, разбрызгивая свою кровь

в разные стороны. Так продолжалось, пока он не рухнул лицом вниз на сухую траву, которая из желтой тут же начала превращаться в красную.

Андрей подумал, что его папаша так и останется лежать ничком на траве, не подавая признаков жизни, но тот вдруг исчез. И только красное пятно на траве напоминало о том, что он был здесь, пока не разmozжил себе башку.

Маман провела единственной, левой, рукой вдоль своего большого тела, что-то шепча. Доспехи тут же свалились с неё, с грохотом рухнув к ногам, и маман осталась в окровавленной стеганой одежде с болтающимся кроваво-красным лоскутом там, где была правая рука.

Поводив правой рукой у лоскута, маман закрыла глаза. И тут произошло чудо: из-под лоскута начала появляться культия. Культия удлинялась, становясь с каждым мгновением длиннее и толще, росла, пока не превратилась в руку. Точно такую же, как прежняя.

Потом стеганая одежда расползлась и истлела, словно её сожгли кислотой, а на месте её появился смешной балахон, поверх которого красовалась цепь с кулоном, блестя в лучах утреннего солнца.

Длились все эти преобразования считанные секунды. И, как только они закончились, маман улыбнулась самодовольной улыбкой и бросила на Джину взгляд, который мог означать только одно: «Тебе конец!»

Джина к тому времени тоже избавилась от своих доспехов, и они по-блескивали в желтой траве у неё за спиной. Только, в отличие от маман, она выбрала более сексуальный наряд — обтягивающий кожаный костюм.

Молодая колдунья приближалась к маман, беззвучно шевеля губами, а между ладоней её согнутых в локтях рук рос и наливался огнём шар, который сорвался и полетел в сторону маман, когда между соперницами оставалось не более двадцати шагов.

Шар должен был попасть в маман, но та, когда огненный сгусток был уже на подлете, разбила его ребром ладони, и он разлетелся на мелкие огненные брызги. Казалось, эти брызги могут поджечь всё на своём пути, но, попадая на землю и на балахон маман, они тухли.

Маман тоже не осталась в долгу и метнула в Джину целый сном тонких длинных шипов, которые осыпались на землю в нескольких шагах от Джины.

Далее пошло-поехало: женщины кидались огненными и ледяными шарами, метали друг в друга молнии, плевались друг в

друга струями огня, словно внутри каждой из них был спрятан огнемет. Также они жгли друг друга пучками лучей, бьющими из их ладоней. Периодически над каждой из противоборствующих сторон появлялась черная туча, извергающая на голову потоки кислоты.

Глядя на всё это, Светлов подумал, что набор приёмов одинаковый, что у маман, что у Джины.

И они всё время что-то шептали. Поднимали руки вверх или, наоборот, опускали их к земле, делали рубящие движения руками и всё время шептали, шептали, шептали.

Сначала Андрей подумал, что они шепотом осыпают проклятиями друг друга, но потом понял, что дамы читают заклинания перед тем, как пустить в ход очередное магическое оружие. И шептали они потому, что не хотели, чтобы соперница услышала, какое заклинание было произнесено и, соответственно, не смогла защититься от очередного выпада.

А не защищаться, не ставить блоки просто было нельзя, так как каждый пропущенный удар оставлял на теле либо ожоги, либо раны, сравнимые с последствиями выстрела из дробовика в упор.

Дамы так резво начали расстреливать друг друга, с такой жестокостью на лицах, что, казалось, они будут биться очень долго. Но постепенно интенсивность атак стала ослабевать и вообще сошла на нет. Боевые ранения перестали тоже заживать, хотя в начале поединка раны затягивались прямо на глазах. Оставались лишь дыры на одежде, сквозь которые была видна белая плоть.

Сейчас же маман и Джина, окровавленные и тяжело дышащие, просто стояли, сверля друг друга злобными взглядами. Было видно, что они выдохлись. Энергия закончилась.

Казалось бы, бой на этом закончился, и закончился он ничьей, но дамы сжали кулаки и начали сближаться.

Наблюдающий за ними Светлов решил, что каждая из них истратила весь свой магический арсенал, и сейчас они сойдутся в рукопашной схватке, но маман вдруг подняла руки к небу, словно обращаясь к Богу. Но она, похоже и не думала молиться. Между её рук тут же появилось огромное осиное гнездо, которое она с меткостью Майкла Джордана метнула в Джину.

И, хотя молодая колдунья успела отскочить в сторону, разозленные осы сразу же облепили её с ног до головы и начали жалить. И тут чародейка впервые за всё время, пока шел бой, закричала. В её крике было столько крика и отчаяния, что у Андрея сжалось сердце.

Невероятным усилием воли, заставив своё непослушное,

вялое тело подплыть к Джине, он набрал полные легкие воздух и изо всех сил дунул на неё, пытаясь сдуть ос, раз разогнать их руками не может.

И его усилия не оказались напрасными: ос сдуло. Но разлетелись они только на одну-две секунды. После чего они снова попытались атаковать чародейку, но та выпустил огонь из ладоней, и сожгла всех насекомых, которые горящими искрами начали падать на землю к её ногам. Видимо, тех секунд, на которые Светлов разогнал насекомых, Джине хватило на то, чтобы немного подзарядиться от кувшина.

Увы, укусы ос не прошли для Джини бесследно, и от её красоты не осталось и следа. Её ладони распухли, лицо изменилось до неузнаваемости: нос и губы увеличились до пугающих размеров, заплывшие глаза превратились в две узенькие щелочки.

Казалось бы, через такие щёлочки что-то разглядеть невозможно, но молодая колдунья успела заметить огненный шар, пущенный маман в её сторону. Джина быстро пригнулась, упав на одно колено, и стукнула распухшим кулаком по земле. С трудом шевеля губами, она произнесла лишь одно слово: «Скарон». После этого от её руки по земле, в сторону маман, побежала извилистая трещина, Из образовавшейся у ног маман глубокой расщелины высунулись огромные — каждая размером не меньше взрослого питона — гремучие змеи.

Только кинув взгляд на этих мерзких тварей, на их толстые чешуйча-тые тела, Андрей понял, что его мамаше сейчас не поздоровится, но ему не было её жалко. Но не потому, что он был злым и бессердечным, плохим сыном, а потому, что родичи были против Джини и хотели её убить. А ведь она, в отличие от родителей, его любила, а не унижала с детства, награждая порциями ремня, пинками и подзатыльниками. И, если бы предки в своё время не уехали в Питер, каким-то чудом оставив Андрею свою квартиру, он бы жил где угодно: хоть на помойке, хоть на вокзале, хоть на помойке, лишь бы не с ними.

Так что, пусть «гремучники» маманю кусают, а он, нелюбимый сынок и гадкий утенок, с удовольствием посмотрит на это и послушает мамашины вопли. Всё равно с ней ничего не случится. Это ведь всего лишь сон, верно?

Змеи тут же обвили толстые ляжки маман и начали кусать их. Маман, завизжав, как свинка, грохнулась на спину. Змеи, гремя своими погремушками на хвостах, тут же потащили свою жертву к краю расселины, и маман провалилась бы туда, но тут в её руках появился меч, которым она ловко отрубила головы четырем змеям, вцепившимся ей в ноги. Потом она быстро поднялась с

земли и начала отчаянно превращать в мясную нарезку других «гремучек», выползающих из расселины.

Она так увлеклась умерщвлением гремучих змей-переростков, что не заметила, как откуда-то сверху на неё камнем упал большой орёл, придавив к земле, когтистыми лапами сорвал с неё цепь с кулоном и взмыл вверх.

И силы начали покидать маманю. Она вдруг выронила меч, змеи снова повалили её на землю и всё-таки затащили в расселину.

И сразу же какая-то сила стала поднимать Светлова вверх и с огромной скоростью потащила по небу. Пронесла над полями, над лесами и горами, над чужими городами, потом швырнула на Челябинск, в аккурат над домом, в котором жил Андрей. Он падал вниз, переворачиваясь в воздухе, пока через открытое окно не влетел в спальню и не оказался в кровати, после чего погрузился в кромешную тьму, из которой выбрался, лишь открыв глаза.

Судя по яркому солнечному свету, уже был полдень. Какое-то время Светлов просто лежал, глядя в потолок, прокручивая в голове всё, что предшествовало его пробуждению. Разумеется, вспомнился сон, в котором Джина билась с маман. Только был ли это сон? Чтобы найти для себя ответ на этот вопрос, Андрей перевернулся на бок, посмотрел на похрапывающую рядом с ним Джину. Тут же вспомнились дикие осы, изуродовавшие её лицо, вспомнились страшные раны на её теле, оставшиеся после боя. Но лицо Джины было, как всегда, прекрасным, на гладкой коже не было даже царапинки.

Тихо, осторожно, чтобы не разбудить свою красавицу, Светлов при-поднял край одеяла и осмотрел тело колдуньи. Тело было упругим и красивым, никаких ран или даже синяков на нем не наблюдалось.

Андрей облегченно выдохнул. Одна его половина сознания говорила о том, что он всего лишь видел сон, не имеющий никакого отношения к реальности. Другая же половина сознания, которая всегда была очень недоверчивой и всячески опровергала общеизвестные истины, даже не говорила, а кричала, что ночью он не спал, а выходил из тела и видел настоящий бой мамани и подруги. Эта же часть его «я» подсказала, что состояние контролируемого выхода души из тела, по словам Джины, называется сафна. И чародейка специально ввела его в это состояние, чтобы, во-первых, он мог всё видеть, во-вторых, чтобы его не видеть и не отвлекаться на него, в-третьих, чтобы никто не причинил ему вреда, а в-четвертых, чтобы он не мог вмешиваться в ход поединка. Хотя он всё-таки вмешался в ход боя и на какое-

то время отогнал атаковавших Джину ос, но это мог быть и порыв ветра, правильно?

А почему на Джине нет боевых шрамов? Да потому, что она успела подзарядиться от кувшина, и всё зажило. Раны на её теле какое-то время не затягивались только потому, что у чародейки подсели батарейки. Потом она подзарядилась и привела себя в порядок. Только и всего. Всё просто.

Можно было до бесконечности рассуждать об этом и ломать над этим голову. Но, чтобы окончательно помирить две свои половины, раздирающие его изнутри, Андрей тихо поднялся в кровати и на цыпочках вышел из спальни и прошел в гостиную. Там он включил компьютер и попытался по Скайпу связаться с маман. Если бы она не вышла на связь, это могло бы означать только одно: Джина отобрала у неё артефакт — золотую цепь с кулоном, и огромные змеи утащили маманю в расщелину, где, возможно, и сожрали. Тогда свою маман он уже никогда не увидит и не услышит. Значит, то, что произошло, не было сном, а он, Андрей Светлов, будет жить с убийцей своей матери. С УБИЙЦЕЙ! И как он тогда будет заниматься с чародейкой любовью, понимая, что она — убийца, и у неё руки по локти в крови?

С другой стороны, если это был не сон, значит, что мать тоже была колдуньей, да? Но как такое возможно?

Пусть не сразу, но мать на связь всё-таки вышла. И, едва взглянув на неё, Андрей понял, что та часть его, которая всё подвергает сомнению, оказалась права, так как вид у мамани был такой, будто по ней проехался самосвал: под глазами синяки, на щеке — повязка, на распухшем носу — лейкопластырь, волосы взъерошены. Левая рука вся в гипсе, ладонь правой руки обмотана окровавленным бинтом. О том, что маманя скрывает под мешковатой блузкой, даже думать не хотелось.

Едва бросив взгляд на свою маман, Андрей понял, что всё, увиденное и пережитое им ночью, не было сном. Это была сафна. Долбанная сафна. Его мать, действительно, колдунья. И зовут её не Вера Павловна, а Кутуш. И пусть даже, слабее, чем Джина, но всё равно способна на многое. И она, действительно, билась с его возлюбленной. И цепь с кулоном, которой она так дорожила — довольно-таки слабенький артефакт, который окончательно разрядился и не помог мамане восстановиться. Кстати, он почему-то болтался на её дряблой шее, хотя Светлов помнил, что его стырил орёл. Впрочем, не исключено, что маман нацепила похожую цепь для отвода глаз. Дескать никакая она не колдунья. И ничего такого её сын не видел. Приснилось.

— Привет, мама, — Светлов постарался изобразить тревогу в

голосе. Хвала школьному театральному кружку. Получилось. Слава КПСС. — Что с тобой?

— Ой, — маман махнула забинтованной рукой. — Даже не спрашивай!

— Как «не спрашивай»? Я же вижу, что с тобой случилось какое-то несчастье. Что с тобой стряслось?

— Скажи спасибо своему отцу, — маман сдвинулась в сторону, дав Андрею возможность увидеть отца, сидящего с виноватым видом в кресле. Его голова была обмотана бинтами, но он был жив и даже помахал сыну рукой. Вяло, но всё-таки помахал. После чего рука безвольно упала между ног. Заплывшее жиром тело маман снова вернулось в прежнее положение, скрыв папашу от глаз Андрея. — Этот чокнутый профессор собрал на балконе самогонный аппарат, принёс его на кухню и начал варить самогон. Разумеется, этот старый придурок позвал меня, чтобы показать своё творение. В тот самый момент его аппарат и взорвался...

— Ой, — Андрей сочувственно изогнул брови, хотя про себя подумал: «Них пиздишен, как говорят немцы». Он уже всё для себя понял. Дальнейшее враньё слышать не хотелось. — Ну, вы берегите себя. Что же вы так? Аккуратнее надо, вам же ещё жить и жить... Я вижу, что побеспокоил вас не в очень удачный момент, так что...

Светлов уже хотел попрощаться и оборвать связь, так как общение с родителями, которое длилось больше минуты, его всегда напрягало, но маман вдруг спросила, указав забинтованной рукой:

— Это кто? Твоя подруга?

Андрей повернул голову. Рядом с ним стояла Джина в красном халате, а-ля секси, надетом на голое тело, с глубоким вырезом. В другой ситуации Светлов с удовольствием запустил бы руки под этот халат, но тут случай был явно не подходящий, и он с удовольствием отправил бы Джину в спальню или на кухню, но не стал этого делать из уважения к ней. Раз пришла, значит, так надо. Ей надо.

— Да, — Андрей не удержался и похлопал чародейку по упругим ягодицам. — Это моя невеста.

— Невеста? — Маман попыталась изобразить удивление, будто она Джину не знает. Увы, в театральный кружок она не ходила, поэтому удивление получилось неискренним, насквозь фальшивым. — А как зовут твою невесту?

— Джина, — гордо ответила чародейка. — Джина Камамат.

— Жидовка, что ли? — Маман усмехнулась гадливой улыбочкой.

— Мама! — произнес Андрей с укоризной в голосе, но маман, похоже, его не видела и не слышала. Всё её внимание было сконцентрировано только на Джине.

— Тарингийка, — спокойно парировала молодая чародейка.

— Что-то я не знаю никакой Тарингии... — Врать маман, судя по голосу, никогда уже не научится. Никогда!

— Никогда не поздно подучить историю и географию, — насмешливым тоном продолжала Джина. — А то проживете жизнь, а про Тарингию так и не вспомните.

— Думаешь, мне это надо? — Маман придвинулась к веб-камере. Каза-лось, ещё немного, и она попытается через монитор компьютера пролезть в гостиную Андрея. — Мне насрать на Тарингию...

Связь прервалась. Джина с нежностью провела рукой по волосам Светлова.

— Освободи-ка мне компьютер. Я сейчас тебе кое-что покажу...

— Надеюсь, ты не будешь пытаться ещё раз переговорить с маман? — Андрей поднялся с кресла на колёсиках, уступая место чародейке.

— Конечно, нет. Общаться с ней — весьма сомнительное удовольствие. Я тебе сейчас покажу...

— Джина зашла на свою страничку в одной известной социальной сети, нашла сообщение. — Тут одна женщина мне пишет, что её сын — член группы смерти, хочет свести счеты с жизнью. Женщина просит помочь. Она — бизнес-вумен, так что, отблагодарит. Поможем? Как я поняла, тебе в последнее время не хватало драйва, да?

— Да, — Андрей кивнул. — Я хочу какой-то движухи. Размер вознаграждения, как я понимаю, нам не важен, да?

— Да! — Джина хлопнула в ладоши. — Значит, сейчас начнем!

Глава 8. Книга Знаний и прочие приключения

Андрей ожидал, что после хлопка начнутся очередные чудеса, но Джина кивком головы дала понять, что ему нужно следовать за ней и направилась в прихожую. Накинула кожаный плащ — за окном моросил дождь, — и вышла из квартиры, предварительно нацепив на Светлова кожаный пиджак и рюкзак, внутри которого прощупывался египетский кувшин. Не задавая лишних вопросов, Андрей вышел следом за чародейкой. Вместе они спустились на лифте, вышли из подъезда и сели в машину. Как только Светлов захлопнул пассажирскую дверь, внедорожник сорвался с места. Ничего необычного. Ни грамма магии.

— Эта женщина будет ждет нас в ресторане «Люцифер», — ловко выкручивая руль на повороте, сказала чародейка. — Мы поговорим с ней и начнем действовать.

— Прямо сегодня? — с сомнением в голосе спросил Андрей.

— Ну, да, — Джина просканировала Светлова мимолетным взглядом. — А у тебя на сегодня какие-то планы?

— Конечно, нет, — ответил ей Андрей. — Просто спросил.

Через две минуты они уже входили в ресторан. За столиком сидела женщина лет пятидесяти с мешками под красными глазами. И мешки эти были отнюдь не от слёз. Похоже, своё горе эта дама уже несколько дней заливала алкоголем. Поэтому и встречу назначила в таком месте, чтобы продолжить снимать напряжение. Да, по ней было видно, что она — алкоголичка. Но не опустившаяся, а обеспеченная.

— Здравствуйте, — поприветствовала её Джина, садясь напротив. Светлов тоже присел за стол, хотя сидеть рядом с этой опойкой желания не испытывал.

— Здрахуйте, — дама тряхнула головой. — Вы и есть те самые экстрасенсы?

— Да, — ответила ей чародейка. Слукавила. Честный ответ был бы: «Частично».

— И хде ваши хрустальные шары, черепа, черные коты, амулеты и прочая хрень? — Дама прищурила один глаз, сверля им то Андрея, то Джину.

— Нам они не нужны, — ответила ей Джина. Андрей промолчал, но с напускной важностью утвердительно кивнул головой.

— И вы думаете, что я поверю в то, что вы — экстрасексы? — Богатая алкашка открыла второй глаз и сдвинула брови.

— У вас нет выбора, — ответила колдунья. — Если вы не наймете нас и не заплатите нам сегодня, ваш сын будет мёртв уже завтра. Поверьте мне, его смерть будет страшнее, чем смерть вашей сестры. Скорее, его добровольный уход из жизни будет напоминать смерть Жужика.

— Что-о-о? — Дама подалась вперед. Похоже, осведомленность Джины её отрезвила, как холодный душ или как пощечина. — Откуда вы знаете?

— Оттуда, — колдунья многозначительно указала пальцем вверх.

Алкоголизирующая дама проследила за её пальцем. На потолке рельефные ангелочки целились луками друг другу в задницы.

— Хорошо, — алкоголичка ещё раз тряхнула головой и добавила, протягивая Джине извлеченный из-под стола пакет с деньгами. — Я нанимаю вас. Похоже, вы — люди серьезные, раз уж знаете то, что могу знать только я.

Последнее, скорее всего, она сказала для успокоения самой себя, внушая себе, что её не обманывают.

Чародейка, мельком глянув на пакет, передала его Светлову и непри-нужденно продолжила беседу:

— Итак, как зовут вашего сына? Назовите число и год его рождения.

— Бобров... Бобров Иван Михайлович, — скороговоркой выпалила окончательно протрезвевшая алко-вумен. — Ему шестнадцать лет. Он родился пятого июля двухтысячного года. Учится в гимназии...

— Это его страничка в сетях? — оборвала словесный поток дамы Джина, показав ей свою ладонь.

— Да, — без тени сомнения ответила мадам так, словно в руке колдуньи был какой-то гаджет, но в ладони колдуньи ничего не было.

— На фото он? — Чародейка рассматривала собственную ладошку, и Андрей, глянув на неё, и сам увидел просвечивающуюся из-под кожи фотографию тощего подростка, словно спроецированную с его странички в социальной сети. И первые буквы имени и фамилии: «Бо... Ив... Ми...»

— Да, — дама затрясла головой. — Он!

— Ну, тогда мы приступаем к работе, — чародейка поднялась со стула и быстрым шагом направилась к выходу из ресторана. На ходу, не оборачиваясь, кинула Светлову: — Магистр Андрис, пожалуйста, следуйте за мной.

Андрей понял, что его подруга обратилась к нему именно так потому, что алкоголичной даме вовсе не стоило знать его

настоящее имя, а также для того, чтобы не портить величие момента, ведь дама как-никак только что рассталась со своими деньгами и, судя по весу пакета, весьма не малыми. Назови она Светлова его настоящим именем, впечатление о них двоих у клиентки было бы подпорченным.

— О, да! — Андрей с готовностью вскочил из-за стола. — Слушаюсь и повинуюсь, великая Дж... Джозефина!

Выйдя из ресторана, Светлов направился к машине. Джина к тому времени достала из багажника и раскатала на сухом — дождь к тому времени прекратился, — участке асфальта непонятно откуда взявшийся ковер.

— Молиться на нем будешь? — в шутку спросил колдунью Андрей, вспомнив, что мусульмане молятся на ковриках.

— Нет, — губы Джины тронула легкая улыбка. Не загадочная, нет. Эта улыбка могла означать лишь одно: «Ну, ты и темнота! Ну, отсталый! Тебе за моим паровозом никогда не угнаться». — Это ковер-самолет. Так как мы оба теперь в телах, наше перемещение в пространстве отнимет много-много энергии. Улететь обычным самолетом в Тунис сегодня не получится, поэтому лучше лететь на ковре-самолете. Это и дешево, и сродито.

Светлов хотел уточнить, шутит ли Джина, но, зная, что колдунья никогда не шутит, спросил:

— Где ты его взяла?

— Сама сделала, — без тени лукавства ответила колдунья. — Когда ты прочитаешь Книгу Знаний, ты поймешь, что сделать своими руками ковер-самолет довольно-таки просто. Так же просто, как сделать сапоги-скороходы, шапку-невидимку, скатерть-самобранку, меч-кладенец и прочие вещи, которые многие считают сказочными. Всё это есть и в наше время, только ты с этим не сталкивался.

— Но я видел антигравитационные платформы у древних воинов, когда мы с тобой перемещались в Тарингию. Ты ещё тогда ввела меня в состояние... сафны? — сказав слово «сафны», Андрей вопросительно посмотрел на Джину. Нет, его не интересовало, правильно ли он произнес это слово, которым тарингийцы называли выход души из тела, который смертью не являлся. Светлова интересовало, станет ли колдунья отрицать тот факт, что она его погрузила в сафну. Но Джина ничего не стала отрицать или поправлять Андрея за неточность. Более того, кивнула головой

— Ты правильно понял, каким образом перенесся на большое расстояние, на много лет назад. Только антигравитационные платформы или, как мы их называли, кофаши, даже если их когда

— нибудь откапает археологи, никогда не будут работать. И воссоздавать их я не хочу, так как я не технарь, а гуманитарий. У меня на создание антиграва уйдёт много энергии, и не факт, что платформа прослужит долго. Поэтому мне сделать ковер-самолет проще и предпочтительнее. Понимаешь?

Светлов кивнул. Это был весьма исчерпывающий ответ. Но оставались ещё вопросы.

— А почему мы летим именно в Тунис?

— Да потому, что именно там сейчас отдыхает руководитель группы смерти по имени Василий Бизиков с дурацким псевдонимом Ангел Смерти. Из всех стран с теплым климатом ему хватило денег только на Тунис. И поехал он по горячей путёвке. И тот, кто за ним стоит, мало ему платит...

— А что, у него есть ещё и хозяин? — удивленно спросил Светлов.

— Конечно, — спокойно ответила чародейка. — У Васи ума бы не хватило самому до такого додуматься.

— И ты не боишься встречи с теми, кто за Ангелом Смерти стоит?

— Нет. Чаще всего, над такими, как Вася, стоят габтерхааты. Это черные маги, питающиеся энергией умерших..

— Ничего себе, — Андрей покачал головой. В его голове всплыло значение слова «габтерхаат». В переводе с тарингийского языка это так и означало «подпитывающийся энергией мертвых». Но какая у мертвых может быть энергия?

Джина, видя недоумение на лице Светлова, начала объяснять:

— После смерти человека выделяется большое количество энергии. Эту энергию и забирает себе габтерхаат. Поэтому он всегда стоит над руководителем группы смерти, и всегда он — один, чтобы ни с кем энергией не делиться. Встречи с габтерхаатом я не боюсь, так как колдуны из клана Камаматов всегда были сильнее тех, кто живет за счет мертвых. Так что, не переживай, всё будет хорошо.

Слова чародейки успокоили Андрея, ведь ему не очень-то хотелось встречаться с пожирателями энергии трупов. И говорила Джина с такой уверенностью в голосе, словно расправиться с габтерхаатом — всё равно, что таракана на кухне раздавить. Главное — не упустить его, а остальное — дело техники: можно ногой, можно рукой, можно тапком, можно журналом или газетой.

— Ладно, — Светлов перевёл взгляд на ковер-самолёт. — А я не упаду с него?

— Конечно, нет, — Джина рассмеялась звонким смехом, и, вдоволь на-смеявшись, спросила: — А ты что, боишься лететь на

ковре-самолёте.

— Конечно, нет, — не моргнув глазом, соврал Андрей. — Всю жизнь мечтал на таком ковре с ветерком прокатиться!

— Ну, тогда садись на него, — колдунья сделала приглашающий жест рукой. — И полетим...

Андрей уселся на ковре, сложив ноги по-турецки. Джина села рядом, поджав ноги. Её платье соблазнительно задралось, оголив красивые колени и то, что чуть выше. Чародейка что-то прошептала, проведя по ковру рукой. И тот тут же начал подниматься вверх.

Что только Светлов не думал перед взлётом: и что будет чувствовать себя неудобно, как в гамаке, и что для того, чтобы не свалиться, нужно будет держаться всю дорогу за края ковра. А дорога — он в этом не сомневался, — будет долгой, так как лететь ковер-самолет будет медленно.

Почему в гамаках Андрею было всегда дискомфортно? Да потому, что в детстве он часто вываливался из них, падал на землю и больно ушибался. Иногда до крови. Будучи взрослым, он однажды по пьяни заснул в гамаке на даче у одного своего коллеги — Жени Гущина. Проснулся от удара об землю, трезвый, но с разбитым в кровь лицом. Как после этого гамаки любить?

Также вспомнит он про встречные потоки воздуха, которые заморозят его или сдуют с ковра, как пушинку.

В общем, может произойти всё. Джина, конечно, не даст пропасть, но экстрима не очень уж хотелось.

Но опасения Светлова не подтвердились. Как только ковер стал набирать высоту, он не потерял твердость, словно продолжал лежать на асфальте. Ягодицы Андрея будто примагнитились к ворсистой поверхности ковра, исключая не только возможность падения, но и возможность пошевелиться.

Ковер-самолет поднимался всё выше и выше, к облакам, набирая скорость, а Светлов не чувствовал никаких потоков воздуха, ни понижения температуры, хотя по опыту полетов в самолетах знал, что всё это должно быть.

Ковер-самолет словно окружала невидимая сфера, ограждающая его от любого воздействия извне.

Поднявшись на приличную высоту, когда облака были под ногами, ковер вдруг ещё больше ускорился, и земля, которая была видна сквозь прорехи в облаках, вдруг завертелась с головокружительной быстротой.

Вспомнив про свой повышенный рвотный рефлекс, Андрей решил не смотреть вниз, чтобы не попортить ковер и перевел взгляд на Джину. Колдунья была невозмутима и, как всегда, прекрасна. Светлов не удержался и положил ладонь ей на колено,

нежно погладил. Джина улыбнулась и накрыла своей ладонью ладонь Андрея.

Ковер начал снижение. Под ним простиралось Средиземное море. Сколько раз Светлов смотрел на него через иллюминатор, оно всегда было прекрасным. Его вид всегда рождал в душе ощущение грядущего праздника продолжительностью от десяти до четырнадцати дней. И хотя он летел не самолетом и отнюдь не на отдых, ощущение праздника всё равно было. Пусть даже скоро оно пройдет.

Опускаясь всё ниже, ковер-самолет летел вдоль береговой линии, пока не начал снижение на территории отеля, больше похожего на дворец.

Ковер приземлился на газоне, окруженном пальмами. Вокруг газона, по дорожкам, прогуливались отдыхающие, но никто из них не обращал ни на ковер, ни на Андрея, ни на его подругу никакого внимания. Из чего Светлов сделал вывод, что они для всех невидимые.

— Ну, вставай, — Джина подтолкнула Светлова локтем в бок.

Андрей отлепил свою руку от колени подруги, а зад отлепил от ковра. Поднявшись на ноги, принялся ходить вокруг ковра-самолета. Когда решил справить малую нужду в кустах, чародейка его предупредила:

— Я сняла с нас невидимость, так что беги в туалет на пляже. Сними пиджак, а то спаришься. Я тоже сниму плащ и оставлю его на ковре. Ковер и всё, что будет лежать на нем, никто видеть не будет.

— Ага! — Светлов бросил на ковер пиджак и побежал к пляжу.

По дороге столкнулся с толстым парнем. Сказал по-английски: «Sorry!»

— Смотри, куда прешь, козел! — ответил ему толстячок и направился в сторону бассейна. Его шорты сзади были мокрыми. И Андрей решил ускориться, опасаясь, что его серые брюки тоже скоро будут мокрыми, но не от того, что он купался в море. Хотя морем, скорее всего, будут пахнуть. Причем, сильно.

Но Светлов всё успел. Довольный, выйдя из туалета, он посмотрел на синюю гладь моря, вдохнул знакомый морской воздух. Захотелось искупнуться, но из-за пальмы вышла Джина.

— Не расслабляйся. Работа сейчас, а отдых потом. Я засекала этого Ангела Смерти. Он у бассейна. Только в таком виде мы будем выделяться из толпы, поэтому... — Взмах рукой. Платье чародейки исчезло, и она осталась в откровенном бикини, не прикрывающем почти ничего.

Светлов, почувствовав всем телом легкую прохладу,

посмотрел на себя. Он был в узких, но не тесных плавках и в сланцах, надетых поверх белых носков. И рюкзак за спиной.

На руках у обоих были оранжевые браслеты, а тела были покрыты двухнедельным загаром. Так они, действительно, мало чем отличались от остальных отдыхающих, большинство из которых были русскими.

Джина взяла Андрея под руку и повела к пахнущему хлоркой бассейну.

У бассейна былолюдно, не было ни одного свободного лежака, но при появлении Светлова и его подруги тощий парень с толстозадой девицей, оба покрытые татуировками, быстро вскочили со своих лежаков, собрали свои вещи и направились в сторону отеля.

Андрей кинул рюкзак на пластиковый табурет, и они с Джиной устроились в их лежаках под большим зонтом, а непонятно откуда взявшийся темнокожий официант тут же принес им прохладительные напитки.

— Ну, и где этот Ангел Смерти? — спросил Светлов, потягивая сок через трубочку.

— А вот он, — чародейка кивнула в сторону толстяка, сидящего в десяти метрах от них на лежаке и стучащего толстыми пальцами по клавиатуре ноутбука. — Строчит послания adeptам своей секты... Мразь!

Это был тот самый парень, с которым столкнулся Андрей по дороге в туалет, который обозвал Светлова козлом. Только сейчас на нем не было мокрых шортов. Вместо них на нем красовались цветастые трусы, из которых запросто можно было изготовить парашют.

— Точно, мразь, — согласился Андрей. Он не стал рассказывать Джине, что Ангел Смерти успел оскорбить его, решив ограничиться лишь нелестным высказыванием в адрес пухлячка: — Самая настоящая мразь. И как мы... И как ты с ним разберешься?

— Смотри... — Чародейка прикрыла глаза, на тарингийском языке зашептала слова заклинания, из которых Светлов понял только: «боги», «вода» и «сила».

Поднялся ветер, который взъерошил волосы толстяку и уронил на землю белое полотенце, которое лежало на его лежаке.

Смачно выругавшись, Ангел Смерти поднял полотенце, отряхнул его и бросил на лежак. Ветер стих, а толстяк натянул на свою большую, похожую на тыкву, голову очки для плавания, тяжело поднялся с лежака и, важно вышагивая, направился к бассейну.

Нет, он не стал спускаться в бассейн по лесенке. Вместо этого

он раз-бежался и прыгнул «бомбочкой», подняв фонтан брызг и едва не спровоцировав выход воды из бассейна.

Две молоденькие дамочки у бортика завизжали, одна из них ругнулась по-французски, прокартавив что-то типа «мерд».

«Действительно, смерд», — пробормотал Андрей себе под нос, согласившись с обрызганной дамочкой.

Вынырнув из-под воды, толстяк, самодовольно улыбаясь, как кит, брызнул струёй воды изо рта и принялся нырять. Причем, под водой он всё ближе и ближе приближался к дамам у бортика, чтобы поближе рассмотреть их прелести. Светлов и сам так делал, когда, будучи тинэйджером, ходил в плавательный бассейн. Но он-то тогда был подростком, а этот жиробас уже вышел из подросткового возраста.

То ли Ангел Смерти задел франкоязычных дамочек своей пухлой ко-нечностью, то ли они разгадали смысл его маневров, но они организованно выбрались из бассейна и направились в сторону бара.

Толстяк вынырнул, разочарованно глядя им вслед. Впрочем разочарование на его одутловатом лице быстро сменилось радостью, когда он увидел молоденьких красоток на противоположном конце бассейна. И он поплыл в их сторону, делая неуклюжие гребки заплывшими жиром руками. Однако доплыть до них у него не получилось, так как на середине бассейна он вдруг вскрикнул и скрылся под водой. Потом из-под воды показывалась то правая его рука, то левая, после чего он вообще пропал из вида.

Светлов посмотрел на Джину. Та сделала удивленные глаза.

— Что?

— Он что, утонул?

— Нет, нырнул поглубже, чтобы телочек на противоположном конце бассейна лучше разглядеть. А тут вдруг ногу судорогой свело... И где же спасатели? — Чародейка сделала ладонь «козырьком» и посмотрела по сторонам.

А спасателей нигде не было видно. Может, у них был обед, может, пересменка. Может, магия Джины их разогнала.

И Василий Бизиков из-под воды не показывался.

А чародейка подошла к его лежаку, присела на краешек, положила ноутбук Ангела Смерти себе на колени и принялась быстро стучать по клавишам.

Один из отдыхающих, пересекающий вплавь бассейн, вдруг быстро поплыл к бортику, что-то крича на французском. Все остальные купальщики и купальщицы повыскакивали из бассейна. Тут же откуда-то появились трое спасателей в белых футболках и в красных шортах. Они быстро вытащили

посиневшее жирное тело из воды и приступили к его откачиванию.

Светлов знал, что реанимировать Ангела Смерти бесполезно. Раз уж за дело взялась Джина, она обязательно доведет его до победного конца. Такая уж она... основательная!

— И что ты что делала с его ноутбуком? — спросил Светлов чародейку, когда она захлопнула ноутбук Ангела Смерти, грациозно поднялась с его лежака и, виляя ягодицами, подошла к Андрею.

— Отправила всем членам группы смерти сообщение, в котором Вася перед всеми извинился, сказал, что водил всех за нос, вводя в заблуждение. На самом деле ничего хорошего после самоубийства им не светит, они все должны жить, а он — умереть, так как ему стыдно за загубленные им жизни, он не сможет жить с этим грузом и бла-бла-бла, бла-бла-бла...

— Обожаю тебя, — Светлов прижал колдунью к себе и поцеловал в пупок.

— Я знаю, — Джина захихикала. — Становится жарко. Не хочешь искупнуться?

— Только не в бассейне.

— Тогда пошли на море, — чародейка взяла Андрея за руку и повела за собой по выложенной тротуарной плиткой дорожке, проложенной между баром и амфитеатром, ведущей к Средиземному морю. К морю, всегда ассоциирующемуся с праздником, пьянками и восторгом.

К морю они шли уже одетыми. Андрей снова был в белой рубашке и серых брюках, Джина опять была в своем желтом платье.

Но до моря у них дойти не получилось, так как из-за густых кустов с красными цветочками вышла огромная — больше двух метров в высоту, перекачанная — то ли немка, то ли финка с квадратной нижней челюстью. Она встала поперек дороги, уперев руки в бока, поигрывая мышцами. Из одежды на ней было только рваная футболка, через которую без труда можно было разглядеть торчащие соски и рельефный пресс, а также рваные шортики, подчеркивающие рельефность мощных ног, обутых в сандалии, похожие на греческие.

Когда она повернулась боком, Андрей увидел рюкзак на широкой спине перекачанной мадам. Он был таким большим, что в нем при желании мог бы уместиться сам Светлов.

Когда Андрей с Джиной попытались обойти даму-бодибилдера, та вдруг грубо схватила чародейку за шею и, как нашкодившего школьника, потащила к амфитеатру, говоря на ходу на тарингийском языке:

— Ты зачем убила моего помощника, а? Думаешь, тебе это сойдет с рук, да? Да я за моего Василия тебе порву пи...

— Ну, во-первых, убери свою нечистую руку от моей шеи, не опогани-вай меня своим прикосновением. А, во-вторых, твой Василий сам утонул. У него ногу свело судорогой. Я сама всё видела, но в воду залазить не стала... Аллергия на хлорку, понимаешь?

— Что ты мне тут сказки рассказываешь? — раздраженно сквозь зубы прорычала немка. — Я видела магический след. Это след рода Камаматов. Из Камаматов у нас здесь только ты...

Рука перекачанной мадам так сильно сжалась на шее Джины, что казалось, ещё немного, и затрещат позвонки.

— Убери свою руку от меня! — Теперь уже раздражение слышалось в голосе подруги Андрея.

— Отпусти её! — заорал Светлов, вцепившись в мускулистую, отнюдь не женственную руку, почти повиснув на ней.

— Ага! — Перекачанная немка, действительно, отпустила шею Джины, но только на мгновение, которого немке хватило, чтобы ударить Андрея костяшками пальцев по носу.

Послышался треск, Светлов ощутил резкую боль, словно ему в ноздри вставили раскаленные спицы, которые глубоко вошли в его голову, проткнув её чуть ли не насквозь. По лицу потекла солоноватая кровь, с подбородка капая на тротуарную плитку. Вскрикнув, Андрей опустился на колени, приложив ладони к лицу. Рука перекачанной немки снова вернулась на шею Джины. Чародейка из рода Камаматов на этот раз ничего не сказала, словно смирившись с участью той, которой сейчас кое-что порвут и безропотно шла к украшенному колоннами входу в амфитеатр.

Светлов, покачиваясь из стороны в сторону и прижимая руку к лицу, плелся за странной парочкой, которая со стороны напоминала злую маму и провинившуюся дочурку.

Они прошли через арку, от которой вниз, до самой арены амфитеатра тянулась мраморная лестница. В центре арены стояла сцена. Видимо, по вечерам здесь проходили концерты. Не исключено, что на этой сцене выступали какие-нибудь попсовые звезды, но Андрею, нос которого распух, как перезревшая груша и пульсировал болью так сильно, что, казалось, вот-вот взорвется, было наплевать на звезд.

Зато ему была не безразлична участь Джины, которая могла пострадать от лап этой гориллы с сиськами.

Но чародейка из рода Камаматов почему-то была спокойна, словно ей каждый день до посинения сжимают шею и угрожают расправой, причем, не реализовывая свои замыслы до конца.

Уже миновав арку Джина вдруг остановилась, перехватила

толстое запястье немки, крутанула её руку так, что перекачанная мадам, несмотря на свои габариты, сделала кувырок в воздухе и покатилась вниз по лестнице, подпрыгивая на мраморных ступеньках, как опутанный мышцами и венами большой мяч.

Глядя на то, как катится вниз немка, Светлов вспомнил фильмы со Стивеном Сигалом. Если бы он видел этот бросок, наверняка, зауважал бы Джину. Может, даже предложил бы ей роль в своем фильме.

Чародейка из рода Камаматов спускалась вниз, глядя на катящуюся немку. На губах её играла улыбка, словно говорящая: «Сейчас посмотрим, кто кому порвет пи...»

Когда немка преодолела больше половины лестницы, Андрей вдруг заметил, как из рюкзака вылетел какой-то прямоугольный предмет и улетел под ровный ряд кресел. Но немка этого даже не заметила, да и как такое заметишь, когда впереди её ожидало ещё с десятков ступеней и падение на каменную арену. Зато Светлов, ещё раз увидев большой рюкзак немки, вспомнил про свой рюкзак, который он оставил рядом с лежаком, у бассейна.

— Джина, — позвал он колдунью. Та даже не обернулась.

— «Что? — прозвучал в голове её голос. Видимо, представляя, как уди-вится Андрей, услышав её голос в своей голове, она поспешила его успокоить: — Не пугайся. Это нормально, мы ведь с тобой — пара. Поэтому мы можем слышать друг друга, ничего не говоря вслух. Главное, чтобы эта обезьяна нас не слышала... Так, что ты хотел?»

— «Я хотел сказать, что забыл рюкзак с твоим горшком рядом с лежа-ком, у бассейна».

Мысленно сказав это, он думал, что чародейка скажет, что это мелочи, вытянет руку, и рюкзак с кувшином тут же прилетит по воздуху и окажется у неё. Но, похоже, он ошибся, и тратить энергию на доставку рюкзака Джине не хотелось.

«Извини, конечно, но ты — тормоз! — Не останавливаясь, она оберну-лась, посмотрев на Светлова с укоризной. — Ты что угодно мог забыть, но только не это... Беги за кувшином, я тут сама с этой сукой разберусь!»

— «Как же я побегу? У меня нос сломан, и голова кружится. Мне даже просто идти тяжело».

— «Не проблема, — чародейка обернулась, вытянув руку ладонью вперед. Голова перестала кружиться, кровотечение из носа остановилось, боль притупилась, хотя — Андрей это чувствовал, — его шнобель всё ещё оставался перезрелой грушей, опухоль не спала. — Теперь беги, не теряя время!»

— «Хорошо», — Светлов развернулся и побежал. Он бежал так быстро, как только мог. Похоже, Джина не только обезболила его

нос, но ещё зарядила всё тело энергией.

Андрей боялся, что рюкзак могут украсть, но, к счастью, он лежал там же, где Светлов его оставил. И кувшин был внутри.

Ничего не напоминало о том, что считанные минуты назад в бассейне утонул человек, но люди в воду не лезли. Только какой-то смуглый мальчик плавал на надувном круге на противоположной стороне бассейна. Видать, брезгливость и страх, в отличие от остальных, ему чужды. Этакий маленький член клуба пофигистов. Ну, Бог ему судья!

Не забыв сделать глоток сока, бокал с которым всё ещё стоял на пла-стиковом табурете, Светлов схватил рюкзак и побежал назад, в амфитеатр, на бегу молясь о том, чтобы с Джиной ничего страшного за время его отсутствия не случилось.

Похоже, Бог услышал молитву Андрея, и с чародейкой к моменту возвращения Светлова ничего страшного не произошло, за исключением синяков на руках и ногах и в кровь разбитого лица. Впрочем, немка, или кто там она на самом деле, выглядела не лучшим образом. На её стороне был перевес в грубой физической силе, на стороне Джины была гибкость, подвижность и владение боевым искусством, которому позавидовали бы Джеки Чан и Джет Ли.

Несмотря на полученные травмы, дамы остервенело мутузили друг друга, и ни у одной не было желания отступить. Кровь заливала их одежду, красные капли покрывали мрамор под их ногами, но они не обращали на это внимание. С горящими глазами, они наносили друг другу удары руками и ногами, проводя броски и подсечки с такой интенсивностью, будто у каждой из них в жилах текла не кровь, а сильный энергетик.

Так продолжалось минут двадцать, пока Джина не стала уставать и не пропустила два удара подряд, которые отбросили её на несколько метров назад и не опрокинули на спину. Немка тут же подскочила к ней и принялась наносить удары ногами.

Когда сердце Светлова сжалось, и он уже сам хотел выскочить на арену, чтобы помочь своей подруге, в его голове прозвучал голос Джины. Спокойный, несмотря на её незавидное положение:

— «Не лезь. Это не твой бой. Стой, где стоишь, и жди сигнала».

Тут же, перехватив ступню немки, она уронила противницу на спину, прыгнула на неё сверху и начала наносить удары ей по лицу, словно месит тесто.

Глухие удары разносились по амфитеатру, но немка не издала ни звука. Ударив несколько раз Джину по ребрам, она скинула с себя колдунью из рода Камаматов и снова оказалась на ногах, чтобы принять от Джины мощный удар коленом в лицо,

который чародейка нанесла в прыжке.

Немка рухнула на спину, но тут же перевернулась на живот и попыталась подняться. В тот самый момент Джина прыгнула ей на спину и, обвив ногами её мощное тело, сделала удушающий захват, сцепив свои руки в замок. Она не расцепляла руки минут десять, может, больше, пока немка не перестала подавать признаков жизни. Потом, поднявшись, пошатываящейся походкой направилась к Андрею. На её разбитых, распухших губах играла улыбка. Это была улыбка победительницы. Она уже протянула руку к рюкзаку, чтобы подзарядиться, но вдруг между ней и Светловым вдруг появилась каким-то чудом воскресшая немка. Она оттолкнул Андрея так сильно, что он упал на кресла, больно ударившись головой, и с минуту не мог подняться на ноги, шатаясь, как пьяный. Перед глазами всё плыло, но он слышал разговор дерущихся дам:

— Неужели ты не поняла, что тебе не одолеть меня в рукопашном бою, а мне — тебя? Мы равные по силе.

— И что ты предлагаешь? — спросила Джина.

— Биться на мечах, — немка сплюнула себе под ноги сгусток крови и размазала его сандалией по полу. Пятно получилось похожим на красный череп. Светлов это видел, так как к тому времени понемногу начал приходить в себя. — На заряженных мечах.

— У меня нет с собой мечей, но я бы с удовольствием отсекала тебе башку даже простым кухонным ножом.

Последнее немка, похоже, пропустила мимо ушей.

— Зато у меня есть, — она хлопнула в ладоши.

Тут же по лестнице начал спускаться смуглый низкорослый портье с большим чемоданом в руке. Он словно всё время, пока длилась рукопашная схватка между дамами, ждал этого хлопка и стоял, спрятавшись за колонной, у входа в амфитеатр. Когда портье проходил мимо Андрея, тот обратил внимание на глаза работника отеля. Это были неподвижные, безжизненные глаза. Глаза зомби. Двигался портье тоже как существо только что вылезшее из могилы. Глядя на этого смуглого парня, Светлов подумал, что тот, скорее всего, находится под гипнозом, и завтра не вспомнит ни этот большой чемодан, ни амфитеатр, ни дам с расквашенными физиономиями.

Поставив чемодан на окропленный кровью мрамор арены, портье удалился так же быстро, как и пришел. Портье был единственным простым смертным, который зашел в амфитеатр во время боя. Больше никто не заходил, словно на поле битвы была наложена какая-то защита, исключающая появление в амфитеатре посторонних. Чтобы никто ничего не видел и не слышал. Чтобы

всё было шито-крыто, чтобы, как говорится, всё было без «палева». Уж не поэтому ли простые люди считают, что магия существует лишь в сказках, а фильм и сериал про воюющих между собой горцев-долгожителей — чистой воды вымысел?

Дождавшись, когда портье окажется наверху лестницы и скроется из вида, немка, покачиваясь, подошла к чемодану, пнула его. Чемодан тут же открылся. На синем бархате, в специальных углублениях в нем лежали два меча, поблескивая на солнце.

— Выбирай меч первой, — сказала Джине немка, отойдя от чемодана на пару шагов. — А то будешь потом верещать, что я тебе меч говенный подсунула.

Чародейка из рода Камаматов взяла меч, что называется, не глядя. Перекачанная мадам, глядя на Джину, ухмыльнулась и тоже достала меч из чемодана.

Покружив немного вокруг открытого чемодана, поигрывая мечами в ярких лучах солнца, дамы начали сходиться.

Сначала они просто делали ложные выпады, пугая друг друга, но немка всё же решилась на первый удар, который пришелся по воздуху, так как Джина от него легко увернулась и тут же нанесла ответный удар, который, если бы немка не отскочила, отсек бы ей голову.

Видимо, это была своего рода разминка, после которой дамы начали рубиться вовсе не по-женски.

Всё это сопровождалось взаимными оскорблениями и звуками: «блинк-бланк, клинк-кланк, вжух-вжух». Во все стороны летели искры.

Чародейка и бодибилдерша бились довольно-таки энергично, хотя после рукопашного боя обе еле стояли на ногах. Именно в тот момент Андрей понял, что дамочки выбрали именно заряженные мечи для того, чтобы от них подзарядиться. И это, похоже, и у той, и у другой получилось.

Они ожесточенно бились два часа. У Андрея устали ноги, и он присел на пластиковое кресло. Казалось, что эти женщины не успокоятся, пока не изрубят друг друга на мелкие кусочки. И у одной из них получилось бы это, если бы ни мощь и напористость немки, ловкость и мастерское владение мечом Джины.

Кровь из их ран от уколов и порезов от мечей залила всю арену, но, они, казалось, не замечали этого, продолжая махать мечами.

«Блинк-бланк, клинк-кланк, вжух-вжух».

Так длилось ещё часа два. И, если поначалу Светлову казалось, что его подруга может биться ещё двадцать часов, он понял, что ошибся. Джина начала уставать. Она стала медленнее двигаться, наносить меньше ударов и пропускать больше ударов

от немки. Конечно, после этих ударов оставались лишь порезы, так как прекрасной колдунье удавалось в последний момент отскочить в сторону, но даже порезы кровоточили очень сильно. Её изодранное платье было красным от крови, хотя в Челябинске оно было желтым.

Как понял Светлов, его подруга не хотела тратить драгоценную энергию или крохи этой энергии на заживление ран. Значит, пока могла терпеть. Но все равно любому терпению всегда приходит конец. Вот это Андрея и напрягало. Лишь бы сил Джины хватило надолго! Лишь бы не случилось самое страшное, о чем Светлову и подумать было страшно, ведь без своей чародейки он уже не сможет прожить и дня. Он уже стал зависим от неё, как от наркотика.

Андрей уже не мог сидеть. Он подошел к краю арены и всё ждал сиг-нала, когда можно будет кинуть Джине рюкзак с кувшином, чтобы его подруга могла хоть немного восстановиться, но никакого сигнала пока не было. И Светлов стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, сжимая потной рукой лямки рюкзака, неотрывно глядя на Джину, боясь пропустить тот самый момент, когда его помощь, как никогда, пригодится.

И вот, как ему показалось, нужный момент настал. Отбив пару сильнейших ударов, чародейка резанула немку по плечу, животу и бедру правой ноги. Когда же немка припала на одно колено, держась левой рукой за живот, Джина вдруг кинула взгляд на Андрея и показала ему чисто американский жест левой рукой. Этот жест со сведенными вместе большим и указательным пальцами, образующими кольцо или «окей». Это был единственный знак, который подала Светлову Джина за всё то время, пока длилась эта кровавая схватка в амфитеатре. И это могло означать лишь одно: «всё хорошо, всё идет по плану». А раз, согласно плану, Светлов должен был в нужный момент передать Джине рюкзак, это он и сделал, размахнувшись и кинув его изо всех сил, как раз в тот момент, когда чародейка была к нему ближе всего, когда их разделяли считанные метры.

Увы, как только лямки рюкзака оторвались от вспотевшей руки Андрея, чародейка из клана Камаматов нанесла рубящий удар сверху, который должен был разрубить тело немки от плеча до самого нижнего ребра справа. Но мужиковатая бодибилдерша, несмотря на свою грузность, лихо отбила удар своим мечом и вскочила на ноги, оказавшись в самый ненужный момент, как по закону подлости, между Светловым и его подругой.

Рюкзак, сделав в воздухе несколько оборотов вокруг своей оси, угодил немке прямо в голову и, отскочив от макушки, упал к её ногам. Перекачанная мадам тут же пинком ноги отправила его

за сцену, на противоположный край арены.

— С-сука, — выдохнул Андрей. И это емкое русское слово выражало его отношение и к немке, и к сложившейся ситуации. Дурацкой, нелепой ситуации.

Похоже, даже столь незначительного по времени прикосновения к рюкзаку, а точнее, к артефакту, который в нем находился, вполне хватило немке, чтобы зарядиться энергией. Она тут же выпрямилась, распрямила и без того широкие плечи, метнула в Светлова взгляд, полный ненависти и левой рукой послала такой энергетический удар, что Андрея отбросило метров на десять назад, на мраморную лестницу. Больно ударившись спиной и затылком о ступени, он начал скатываться по ступенькам вниз, понимая, что сломал позвоночник и разбил голову. А также, осозная, что без Джины он останется инвалидом, прикованным к постели или к инвалидной коляске. Последнее — в лучшем случае.

Где-то на третьей или на четвертой ступени его скольжение останови-лось. Голова и спина болели такой болью, которую раньше Светлов никогда не испытывал. Это была резкая, нестерпимая боль, по сравнению с которой боль в сломанном носу была детским лепетом.

Нижняя часть тела потеряла чувствительность. Всё, что раньше было ниже поясицы, осталось на месте, но оно отказывалось подчиняться сигналам мозга, поэтому Андрей не смог даже встать на колени. О том, чтобы подняться на ноги, даже и речи быть не могло. А он чувствовал, что должен встать. Должен подняться на ноги, чтобы всё-таки исправить свою ошибку и помочь Джине. Он понимал, что от его действий зависит жизнь, как минимум, двух человек.

А немка тем временем перешла в яростную атаку. Прилив сил дал ей возможность сыпать ударами, как из рога изобилия. Чародейка, пока могла, отбивала эти удары, но было видно, что ей это дается с большим трудом. Она приняла оборонительную позицию, не тратя силы на ответные удары.

В какой-то момент немка размахнулась и нанесла удар мечом, который мог бы снести Джине верхнюю половину черепа. Но чародейка отклонилась назад, и меч бодибилдерши лишь чиркнул её по лбу, оставив на нём лишь рассечение. Увы, этого рассечения вполне хватило, чтобы из него хлынула кровь, которая полилась в глаза, ослепив Джину.

Правой рукой, почти вслепую, отбивая удары, протирая левой рукой глаза и отбросив назад пропитавшуюся кровью челку, колдунья из клана Камаматов пятилась назад, пока не запнулась о всё ещё стоящий на арене чемодан из-под мечей и не упала на

спину. Упав, она сильно ударилась локтем об мраморное покрытие арены. Меч тут же выпал из руки прекрасной чародейки, чем её перекачанная противница тут же воспользовалась и, прыгнув на неё сверху, со всей силы вонзила меч Джине в живот.

Светлов и его подруга вскрикнули одновременно. Андрей — от страха за Джину, колдунья — от боли. Причем, чародейка из рода Камаматов сделала это в первый раз за время поединка.

Немка, понимая, что масть поперла и нельзя упускать такой шанс, вытащила меч из живота Джины и начала наносить им удары, явно желая превратить подругу Андрея в мясную нарезку.

Джина начала перекачиваться с бока на бок, тем самым, уходя от меча немки, оставляя за собой широкий кровавый след на мраморе.

Меч мужиковатой бодибилдерши оставлял глубокие насечки на мраморных плитах, выбивая из них искры.

Понимая, что сейчас и для Джины, и для него самого всё может закончиться, причем, плачевно, Андрей судорожно соображал, чем можно отвлечь накачанного монстра от Джины, пока его взгляд не уперся в прямоугольный предмет, лежащий под одним из кресел, в паре метров от него. Это был тот самый предмет, который выпал из рюкзака немки, пока та катилась вниз по лестнице. И это была книга в толстом кожаном переплете, с металлической застежкой. И эта книга светилась белым светом в тени кресла, чем и привлекла внимание Светлова.

Превозмогая нестерпимую боль в спине, опираясь лишь на локти, Андрей пополз к этой книге и, с трудом сдерживая крик от боли, протянул руку и подтянул книгу к себе.

На обложке было что-то написано по-тарингийски, но, пока Андрей всматривался в замысловатые закорючки и ждал, когда вдруг «вспомнит», что означает эта надпись, витиеватые закорючки вдруг превратились в ки-риллицу.

«Книга Знаний», — прочитал Светлов.

Черт побери! Да это ведь та самая книга, о которой сотни раз говорила ему Джина. Артефакт, найти который — большая удача. Значит, для немки эта книга должна быть на вес золота. И, используя эту книгу, как орудие шантажа, можно переломить ход поединка в свою пользу и избавиться от немки, пусть не навсегда, то хотя бы на какое-то время, но как это сделать?

И тут на глаза Андрею попалась зажигалка, которую, скорее всего, обронил один из отдыхающих, а уборщики не убрали её потому, что она застряла между мраморной плиткой и впереди стоящим креслом.

Скрипя зубами от боли, еле сдерживаясь, чтобы не закричать,

Светлов дотянулся до этой зажигалки и, выдернув её из-под кресла, раскрыл книгу на первой попавшейся странице.

Тем временем немке удалось схватить чародейку из рода камаматов за волосы, рывком руки поднять с залитого кровью мрамора и поставить на колени. Она уже размахнулась, чтобы отрубить Джине голову, но тут Андрей прохрипел на тарингийском языке, который всплыл в его памяти, как таблица умножения, которую он учил во втором классе:

— Отпусти её, тварь! — Он именно прохрипел, так как крикнуть не получилось из-за невозможности полноценно набрать в легкие воздуха, так как было больно даже дышать.

Светлов думал, что немка его не расслышит, но она его услышала и замерла с занесенным над головой мечем. Потом отпустила волосы Джины, отчего та упала ничком на арену, глухо стукнувшись головой об мрамор.

— Что?! — удивленно взревела мужеподобная бестия. И было непонятно, чему она удивилась больше: тому, что Андрей обратился к ней на тарингийском, тому, что посмел её оскорбить или тому, что у него её книга.

— Оставь нас в покое и вали отсюда. Иначе я сожгу к чертям собачьим твою книгу. — Боль обжигала легкие Светлова, и немка, должно быть, даже не представляла, сколько усилий приложил Светлов, чтобы сказать это. Пусть даже негромко.

— Нет, ты не сделаешь этого! — Поигрывая мечем, бодибилдерша начала приближаться к Андрею

— Сделаю, — сплюнув сгустком крови, выдавил из себя Светлов, поднеся зажигалку к Книге Знаний и крутанув колёсико.

Чирк-чирк, а пламени нет. Чирк! Чирк! Даже нет искры.

И тут на Андрея упала огромная тень. Подняв глаза, он увидел нависшую над ним немку с мечем в руке. Своей широкой спиной она заслонила солнце. На её скуластом квадратном лице застыл звериный оскал. В тот момент, глядя на мужеподобную бодибилдершу, Андрей мог чем угодно поклясться, что у немки отросли клыки, размерами не уступающие клыкам саблезубого тигра.

Мышцы на руках и ногах немки напряглись, меч, со свистом рассекая воздух, взметнулся вверх. «Сейчас она отрубит мне башку и поставит жирную точку в этом дурно пахнущем деле», — подумал Светлов.

Сам не зная почему, но он не стал зажмуривать глаза, как это в последние мгновения своей жизни делали герои фильмов, которые Андрей когда-то смотрел или герои книг в мягких обложках, не все из которых Светлов осилил до конца. Вместо этого он смотрел в глаза немке, в глаза своей смерти, словно

хотел запомнить всё до мельчайших деталей, чтобы было потом, что рассказать своим новым друзьям на том свете.

Но в тот самый момент, когда меч должен был со свистом рубануть его по шее и отделить голову от тела, бодибилдерша вдруг выронила меч. Меч со звоном упал на ступеньки лестницы и заскользил вниз. Схватившись двумя руками со вздувшимися венами, опутывающими неохватные бицепсы, за горло, она начала кашлять. Она делала это так, словно проглотила какое-то большое насекомое. Но Андрей успел заметить яркую звездочку, залетевшую ей в рот, которая начала светиться в глотке немки серебристым светом, создавая иллюзию внутреннего света, бьющего из бодибилдерши. Но Светлов-то знал, что, скорее он станет танцором балета, чем мужеподобная стерва начнет излучать свет изо рта. Таким, как она, проще изрыгнуть фонтан нечистот. Понял Андрей, что за звездочку проглотила бодибилдерша, и что сейчас с ней будет. Тем временем лицо немки позеленело, её затрясло, и глаза закатились. Когда она рухнула плашмя на ступени лестницы, от её головы отделилось темное облако и взмыло вверх.

Глядя на лежащее рядом с ним тело, Андрей не сомневался, что это — один из «фокусов» Джины. Это он уже видел в тот вечер, когда чародейка оккупировала чужое тело, вселившись в какую-то шалашовку. Неужели она и сейчас решила такое проверить?

Тело немки вдруг зашевелилось, поднялось на ноги и начало уменьшаться в размерах. Послышался треск костей. Мужеподобная обитель, как показала жизнь, темной души начала обретать знакомые округлые формы, лицо, словно вырубленное топором из полена, обрело знакомые черты, и спустя незначительный промежуток времени, который Светлову показался вечностью, перед ним стояла уставшая, но счастливая Джина. Его любимая, ненаглядная Джина.

Шорты немки оказались ей нещадно велики, поэтому они съехали по её красивым ногам и упали на мраморные ступени. И только дырявая, окровавленная футболка, провисшая на плечах, осталась на ней, как платье, изготовленное к Хэллоину, да большой рюкзак, который тоже упал к её ногам.

— С возвращением, — сказал Андрей колдунье, улыбнувшись, после чего зашелся кашлем и сплюнул кровью. — Я бы с радостью тебя обнял и поцеловал, но, похоже, у меня всё переломано, и внутренние органы отбиты.

— Ждешь, что я тебе помогу? — Прекрасное лицо Джины тронула легкая усмешка.

Не в силах ответить, Андрей просто кивнул.

— У тебя Книга Знаний под рукой. Раз она открылась тебе, это твоя книга. Так что, попробуй помочь себе сам. Это будет для тебя практическим занятием номер один.

— Ага, — дрожащей рукой Андрей расстегнул защелку. Книга тут же открылась на главе 7, которая называлась «Исцеление от различных травм». Разумеется, всё было написано на русском языке. И в этом Светлов не увидел ничего удивительного, ведь это уже его книга, а он — русский.

Прокашлявшись, и ещё раз сплюнув, он начал читать:

— О, силы земные и небесные, о...

— Ты должен читать это либо про себя, либо очень тихо. Иначе магические слова попадут в уши недостойных. И тогда будет полный пи... — Джина произнесла исконно русское слово, похожее на «песец», но только к пушному зверю никакого отношения не имеющее, а означающее, чаще всего, что всё плохо.

Андрей снова кивнул и продолжил читать про себя, удивляясь, до чего быстро слова заклинания проникают в мозг, намертво закрепляясь в памяти. Светлову казалось, что эти слова он не забудет никогда, ни через десять, ни через двадцать, ни через сто лет, если столько проживет. Вот бы так было со стихами Пушкина или Маяковского, из-за которых он возненавидел в школе уроки литературы, когда вынужден был тратить своё время на бесполезное заучивание стихов, вместо того, чтобы играть с пацанами в футбол или с девчонками в бадминтон. Но это было в далеком детстве. Сейчас же, лёжа на прогретшемся под палящим солнцем мраморе, он чувствовал, как с каждой секундой его тело болит всё меньше и меньше, наполняясь энергией, идущей от неба, земли и потусторонних сил.

Дочитав до конца заклинание, Андрей посмотрел на Джину.

— Всё! — бодро отрапортовал он. Эхо его голоса разнеслось по амфитеатру. Он уже мог и нормально говорить, и дышать полной грудью. Замечательно!

— Если чувствуешь, что всё, тогда встань и иди, — Чародейка жестом руки показала Светлову, что он может подняться на ноги.

И он поднялся. От боли не осталось и следа, каждая клеточка организма была наполнена силой, жизнью. Андрей чувствовал себя даже лучше, чем до знакомства с немкой. Чтобы убедиться, что ему это не кажется, не самовнушение, Светлов походил туда-сюда, несколько раз присел, отжался от ступенек лестницы, попрыгал.

— Супер! А я-то уже сомневался, что смогу ходить. С жизнью тоже уже мысленно попрощался. А тут, оказывается.... Кстати, чем дальше займемся?

— Избавимся от тела, — чародейка указала рукой на

лежащее на арене бездыханное, окровавленное тело, которое раньше принадлежало ей, но, после заселения Джины в немку, снова превратилось в тело той самой замарашки или «серой мыши».

— Давай его в море утопим! — не задумываясь, предложил Андрей, поймав себя на том, что думает как преступник.

Да, всё-таки магия развращает людей, ставя их над законом. А, с другой стороны, трудно быть законопослушным, когда знаешь, что тебя всё равно никто не привлечет ни к уголовной, ни к административной ответственности, так как вряд ли среди правоохранителей найдется кто-нибудь сильнее чародейки из рода Камаматов.

— Нет, — Джина отрицательно замотала головой, разбросав волосы по плечам. — Ни в коем случае нельзя этого делать. Её же найдут!

— Серная кислота? Огонь? — неуверенно предположил Светлов, вопросительно глядя на чародейку.

— Не то и не другое. Стой здесь, близко не подходи!

Джина спустилась по лестнице на арену, подошла к сцене, подняла с пола рюкзак с кувшином, легким движением закинула его себе за спину. Потом подошла к телу «серой мыши», опустилась на колени рядом с ним и принялась что-то нашептывать, то протягивая руки к бездыханному телу, то прикасаясь ими к мраморному покрытию арены. После этого она подняла руки к небу ладонями вверх, и Андрей смог заметить прозрачные волны, исходящие от ладоней колдуньи и поднимающиеся вверх. Эти волны выглядели именно так, как в мультфильмах и на иллюстрациях в книгах обычно изображают радиосигналы. Так продолжалось с минуту. После, опустив руки, Джина поднялась на ноги и отошла от мертвого тела на несколько шагов.

Тут же среди ясного неба, прямо над амфитеатром сгустились свинцовые тучи. Запахло озоном. Грянул гром, сверкнула молния, которая ударила прямо в тело замарашки. Но это была необычная молния, которая сверкает и сразу исчезает. Эта молния поджаривала тело замарашки до тех пор, пока оно не вспыхнуло ярким пламенем. Тучи сразу развеялись, вновь стало светло и солнечно. А охваченное огнем тело вдруг вскочило на ноги и начало прыгать по амфитеатру, кружась по нему в ужасающем танце смерти. Справа и слева от сцены стояло несколько статуй. Пробегая мимо статуй слева, «огневушка-поскакушка» вдруг остановилась. Пламя, бушевавшее вокруг неё, начало гаснуть. Когда оно потухло совсем, Светлов увидел, что девушка, телом которой, пусть недолго, но все же попользовалась Джина,

превратилось в статую.

Не веря своим глазам, Андрей, зажав Книгу Знаний под потной под-мышкой, спустился на арену, подошел к статуе, осмотрел её, даже потрогал. Так и есть! Мраморная статуя. Не сказать, что это — произведение искусства, но всё равно красиво.

— Вот это ты здорово придумала! — сказал Светлов, когда почувствовал ладонь Джины на своем запястье.

— Это не я придумала, — чародейка погладила руку Андрея, слегка сжала. — Это придумали колдуны тысячи лет назад для того, чтобы прятать трупы своих врагов. Ты что думаешь, остальные статуи, стоящие здесь, сделаны скульпторами?

— Минуту назад именно так и думал, — ответил Андрей. И после недолгой паузы, глянув на Джину, спросил: — А что, они все тут бились?

— Ну, да, — чародейка кивнула головой. — И те, кто погибли, остались здесь навсегда... Слушай, пойдем уже отсюда, а? Меня уже тошнит от этого амфитеатра. Так как видок у нас ещё тот, сейчас по-быстрому смоем кровь в море, переоденемся в магазине при отеле и улетаем отсюда. Нам ещё нужно спасти жизнь этому придурку, Боброву Ивану Михайловичу.

— Одежду купим за деньги? — спросил Светлов, когда они уже поднимались по лестнице.

Джина подняла со ступенек рюкзак немки, провела над ним рукой, уменьшив до размеров рюкзака, в котором был кувшин, открыв, заглянула во все кармашки и отделения.

— У нас есть доллары, евро, тунисские динары. Я думаю, их и потратим на покупку новой одежды. Незачем тратить магическую энергию на покупку всякого барахла. — И тут чародейка протянула уже бывший рюкзак немки Андрею. — А ты носи его на спине, вместе с Книгой...

— Хорошо, — Светлов засунул Книгу Знаний в рюкзак, быстро продев руки через лямки.

— Мечи сложи в чемодан. Они нам ещё пригодятся! — Чародейка указала на один мечи и начала подниматься вверх. Уже на самом верху оглянулась: — Хрен с ними, с мечами. Ты не вздумай Книгу Знаний потерять! Другой такой у тебя, скорее всего, не будет.

— Ну, что я, дурак, что ли? — Андрей подобрал разбросанные по амфитеатру мечи, сложил их в чемодан и побежал по ступенькам за Джиной. Он бежал с такой легкостью в теле, какой не чувствовал ещё никогда в жизни.

По пути в отель Светлов всё же задал своей подруге вопрос, который волновал его на тот момент больше всего:

— Как так получилось, что ты, будучи чародейкой, не

поймала рюкзак?

— Кстати, спасибо, что напомнил, а то у меня совсем из головы это вылетело, — Джина на мгновение приложила ладони к вискам и тут же убрала их. — Зачем ты вообще мне кидал рюкзак, да ещё тогда, когда между нами была эта тварь по имени Амина?

— Ну... — Андрей замялся. Он не ожидал, что колдунья задаст этот во-прос. — Ты показала знак «окей», типа, самое время, всё нормально, кидай и не очкуйся, и я подумал, что именно сейчас нужно кинуть тебе рюкзак. Вот я и бросил его...

— Вот я дура-то! — Джина хлопнула себя по лбу. — Нужно было раньше тебе сказать, что у нас, тарингийцев, этот жест означает: «кричи» или «ори громче». Я даже предположить не могла, что у вас это может означать что-то другое...

— А как же знания, которые ты скачала из моей головы? — удивленно спросил Светлов. Ему всегда казалось, что чародейка выгребла из его памяти всё, что можно.

— Или я не добралась до нужной части твоей памяти, или ты до такой степени редко используешь этот жест, что забыл о нем. — Чародейка свела вместе большой и указательный пальцы правой руки, показав знак «окей». — В любом случае, выкинь всё, что видел из головы.

— А зачем я должен был орать? — не понял Андрей.

— Чтобы отвлечь Амину. Иначе я бы не смогла попасть в её тело...

— Точно! — кивнул головой Светлов, вспомнив, как ему пришлось от-влечь внимание замарашки каким-то идиотским вопросом перед тем, как Джина вселилась в её тело. И в случае с мужиковатой немкой от него требовалось сделать то же самое: отвлечь эту суку. Только и всего.

— ...Но даже, несмотря на некоторое непонимание, у нас всё получи-лось! — продолжала Джина. — Мы — молодцы! Ты отвлэк Амину тем, что пообещал сжечь её книгу Знаний, я за это время успела доползти до рюкзака и подзарядиться от кувшина и без проблем завладела её телом, избавившись от её сущности... все равно, какой ценой, но мы победили эту тварь, да ещё в плюсах остались.

«И, пока мы эту тварь побеждали, я несколько раз чуть не обосрался, — подумал Светлов, глядя на Джину. — Сначала от страха за тебя, потом — от страха за себя, любимого».

Разумеется, вслух он ничего не сказал, многозначительно промолчав, чтобы не обламывать чародейке кайф. Именно кайф, потому что, судя по её счастливому лицу, она реально кайфовала от этой победы, доставшейся ей — что бы она ни говорила, — с

большим трудом.

Через полчаса они уже выходили из магазина при отеле и направлялись к газону, на котором остался ковер-самолет. Они, как и всякая влюбленная парочка, держались за руки и целовались через каждые пять метров, ставя большой чемодан себе под ноги. Многие отдыхающие косились на них, но никто из них не знал, что не так давно пережила эта парочка. Да любой бы обнимал и целовал свою вторую половинку, если бы каких-то сорок-пятьдесят минут назад осознал, что больше её может не увидеть, да и сам, скорее всего, погибнет.

В магазине они купили национальные Тунисские наряды. Андрей выбрал себе смешную шапочку, которая, если верить чародейке, была ему очень к лицу, расшитую золотыми узорами белую рубашку и такие же брюки, больше похожие на шаровары. Джина прикупила себе легкое платье, украшенное вышивкой и бисером. Пока они шли к аэродрому для своего перелетного средства, Светлов подумал, что в таких они выглядят как сказочные герои. И именно в такой одежде и нужно летать на ковре-самолете. Андрей выглядел как принц, Джина — как принцесса. И было немного жаль, что их фотографиями не будут пестреть глянцевого журналы. И на видеохостингах вряд ли наберет миллионы просмотров видео, на котором такая красивая пара летит на ковре-самолете. Разрушители мифов — Адам Сэвидж и Джейми Хайнеман — тоже вряд ли станут опровергать или подтверждать миф о летающем ковре.

Глава 9. Операция в Сирии

Они сели на ковер. Как и в прошлый раз, Андрей сложил ноги по-турецки, а Джина присела рядом с ним. Как только зад Светлова намертво прилип к ворсу ковер начал взлетать под облака. Андрей тут же нежно обнял свою подругу и поцеловал в щёку.

Картинка-супер! Спилберг просто отдыхает!

Сначала всё шло по плану: они летели в сторону России, но, едва ко-вер-самолет оставил позади себя береговую линию, Джина вдруг высвободилась из объятий Андрея и села впереди него. Потом, подогнув углы ковра, схватила за них, как за поводья и направила летательное средство в стиле «восточное ретро» не налево, откуда, по мнению Светлова, они прилетели, а направо, совсем в другую сторону. В тот момент, наблюдая за действиями своей подруги, Андрей понял, что она отключила автопилот и взяла ручное управление на себя.

— Мы куда? — прокричал Светлов в спину Джине.

— Тут ещё одно дельце нарисовалось, — не оборачиваясь, ответила она. — По-быстрому разберемся с ним и полетим спасать Боброва Ивана. Ты не переживай, мы всё успеем. Во всяком случае, до завтрашнего утра у нас время есть.

После мгновенного ускорения, от которого Андрей с трудом сдержался, чтобы снова не проявить свой повышенный рвотный рефлекс, ковер-самолет начал снижение.

Впереди маячила какая-то темная туча. По мере приближения к ней ковра-самолета Светлов понял, что никакая это не туча и даже не облако. Это было большое скопление скелетов, обтянутых тёмной, почти черной кожей. Все они были с крыльями и хвостами, с длинными рогами на головах. Они вылетали из дыры в земле, зияющей между развалин домов, и устремлялись вверх, где сбивались в огромную стаю, кружащуюся над дырой в земле по часовой стрелке. Он этой же дыры, которая сверху казалась бездонной ямой, как муравьи, в разные стороны разбежались такие же скелеты, обтянутые кожей, только без хвостов и крыльев.

Ковер-самолет остановился, неподвижно зависнув в воздухе.

— Что это? — спросил Андрей у Джины.

— Какая-то сволочь открыла портал в потусторонний мир, — сквозь зубы, с ненавистью в голосе прошипела чародейка. — И сейчас, как видишь, из этого портала прут тёмные силы.

— Это они всё вокруг разрушили? — Светлов указал рукой на развалины, простирающиеся внизу, под ковром, во все стороны.

— Нет, — вздохнув, ответила колдунья. — Это сделали люди.

Их называют игиловцами...

— Так мы в Сирии?

— Да, — Джина качнула головой. — И не улетим отсюда, пока не закроем портал и не перебьем всю нечисть.

— А как же Ваня Бобров?

— Насрать на Ваню! — отрезала Джина. — Если не закроем портал и не перебьем всех этих тварей, нарушится баланс сил добра и зла. Тогда погибнет всё живое, и, возможно, погибнет наша планета. Что стоит жизнь этого дурака с суицидальными наклонностями в сравнении с жизнями миллиардов людей?

— Ничего не стоит! — Светлов развел руки в стороны ладонями вверх, словно взвешивая на чашах весов жизни миллиардов людей и одного юноши с суицидальными наклонностями. Конечно, Ваню хотелось спасти, к тому же, они получили деньги от его матери, но, с другой стороны...

— Да не переживай ты за Ивана! — Колдунья развернулась в противоположную сторону и по-дружески похлопала Андрея по колену. — Этот несовершеннолетний кретин в жопу пальцем себе не попадет, даже если ему дать в руки пошаговую инструкцию с картинками. Уйти из жизни — тем более не сможет. Так что, нам торопиться некуда. Успеем всё. Спорим?

— Я тебе верю, — честно признался Светлов. Он видел фото на аватарке Вани Боброва. И на лице юного члена группы смерти не читалось даже намёков на интеллект. Такой и вправду самостоятельно уйти из жизни не сможет. Во всяком случае, с первого раза. — Итак, какой план действий?

— План предельно прост. Я управляю ковром, ты достаешь из чемодана меч и рубишь им всех выходцев из портала без разбора. Чем больше порубишь их, тем быстрее улетим отсюда.

— Согласен. — Щёлкнув застёжками, Андрей открыл чемодан, извлек из него первый попавшийся под руку меч, закрыл чемодан. Конечно, у него были определённые сомнения в том, сможет ли он справиться с поставленной задачей, ведь раньше мечи он видел только в фильмах, мультфильмах, в музеях и на картинках. Но, подержав меч в руке, он ощутил его мощную энергетику и ощутил желание вдоволь помахать им. Они с мечом словно срослись, став одним целым. И меч стал продолжением правой руки, которой очень хотелось истребить всю нечисть, выползающую и вылетающую из портала. Рука в нетерпении задрожала мелкой дрожью и сама вытянулась в направлении тучи, состоящей из нечисти. Неуверенность, сомнение в правильности выбора Джины ушли на второй план. Осталось только желание рубить, уничтожать этих обтянутых кожей тварей, чтобы ни одна из них не нарушила баланс сил добра и зла, чтобы

мир не рухнул в одночасье. — Я готов! Я порву этих тварей, как Тузик грелку!

— Отлично! — Джина повернулась лицом к тёмной туче, покрепче ухватилась за края ковра, дёрнула их на себя, громко крикнув на тарингийском: — Вперёд!

И ковер-самолет понёсся, как нетерпеливый конь, набирая скорость. Был бы он конем, наверняка заржал бы. Только приблизился к тёмной туче крылатых и хвостатых тварей быстро и бесшумно, вклинившись в неё, как дельфин в стаю сельди.

В самой гуще нечисти ковер-самолет начал совершать фигуры высшего пилотажа.

На сей раз Светлов чувствовал мощные потоки воздуха, которые он разрезал своим телом. Видать, часть защиты чародейка всё-таки сняла, чтобы он мог сражаться, а не бездействовать, сидя под невидимым колпаком. Главное, что он крепко держался на ковре, словно приклеенный суперклеем. И рука Светлова, несмотря на отсутствие у него опыта обращения с мечом, рубила и колола без усталости. Когда меч достигал своей цели — а он доставал всех обтянутых кожей скелетов, которые находились в пределах его досягаемости, — тёмные твари вспыхивали и мгновенно превращались в пепел, который быстро растворялся в воздушных потоках.

Однако чем больше нечисти истреблял Светлов, тем больше её вылетало из дыры в земле. Чтобы увеличить производительность своего «труда», Андрею даже пришлось взять второй меч и начать рубить двумя руками сразу. Это помогло, но не сильно. Поток вылетающих и вылезающих из портала чудовищ не только не уменьшился, но стал ещё больше. Именно тогда Андрей понял, что то, что он делает — мартышкин труд. Нужно каким-то образом закрыть портал, а потом перебить всех «гостей» из потустороннего мира.

— Сейчас мы чуть-чуть поднимемся, — обернувшись, прокричала Джина. Именно прокричала, так как из-за шума ветра Светлов ничего бы не услышал. — И ты кинешь меч в дыру...

— Левый или правый? — на всякий случай спросил Андрей, изо всех сил напрягая голосовые связки.

— Да пох... Главное — не промахнись. Тогда портал закроется, и мы справимся со всеми остальными.

— Согласен! Действуем по твоему плану!

Когда ковер-самолет завис над дырой, которая внутри светилась голубоватым светом, и над тучей крылатых скелетов, Андрей свесил левую руку с края ковра и разжал ладонь. Меч со слабым свистом полетел вниз, по пути пронзая пришельцев из другого мира, которые превращались в крылатые факелы,

мгновенно сгорая в воздухе.

Меч угодил прямо в центр портала.

— Бинго! — воскликнул Светлов.

— Молодец! — похвалила его чародейка.

После яркой вспышки, на мгновение ослепившей Андрея, земля задрожала, дыра в земле начала уменьшаться, голубое свечение становилось всё меньше и меньше. Соответственно, становился меньше и поток скелетов. Но, вопреки ожиданиям Андрея, полностью портал не закрылся. Осталась небольшая дырочка, сверху похожая на голубую копеечку, через которую всё ещё пролазили «гости» из другого мира.

— Почему портал не закрылся полностью? — нагнувшись вперед, про-кричал Светлов в затылок своей подруге.

— Энергии не хватило, — ответила чародейка. — Сейчас опустимся ниже, и ты кинешь второй меч. Тогда точно закроется.

«Стоп! — подумал Андрей. — Если я кину второй меч, я останусь совсем без оружия. И оставшиеся твари, пока Джина не восстановит полную защиту, попытаются причинить нам вред. И причинят, так как мне нечем будет защищаться, а Джина будет занята управлением. А зачем нам такие проблемы? Конечно, незачем. Нужно найти что-то, заряженное энергией и швырнуть в портал. Вот только что?»

Глаза Светлова начали бегать по ковру и уперлись в чемодан, с кото-рым Андрею не жалко было распрощаться. К тому же, он должен быть заряженным энергией, ведь в нём лежали мечи. Нужно попробовать, а если не получится, придется на свой страх и риск распрощаться с мечом. Ну, не с Книгой Знаний ведь прощаться, да?

Когда ковер-самолет снизился, Светилов метнул в отверстие в земле чемодан. Так как его аэродинамические свойства оставляют желать лучшего, сначала он полетел совсем не в портал, а левее. Андрей громко выругался, где-то в глубине души уже распрощавшись с оружием, к которому успела привыкнуть рука, с которым расставаться не хотелось, и которое он бы с удовольствием дома прикрепил к стене в гостиной, но тут вдруг чемодан угодил в одного из летающих скелетов, отскочил от него и попал прямо в «яблочко». Портал закрылся. Светлов облегченно выдохнул. Его расчет оказался верным.

Со всех сторон послышался злобный рёв чудовищ. Они тут же принялись атаковать ковер-самолет, как те осы, которые в своё время покусали Джину, но Андрей мечом, который ему всё же удалось сохранить, превращал их в пепел, который, кружась в воздухе, оседал на землю. Точнее, на развалины домов.

Летающих скелетов оставалось всё меньше и меньше. Со

временем туча, в которую сливались их тёмные тела, превратилась в тучку, а тучка в небольшую кучку, которая, смекнув, что дело пахнет жареным, причем, в прямом смысле, начала разлетаться в разные стороны.

Джина вдруг отпустила свой импровизированный штурвал. Ковер-самолет завис в воздухе. Поднявшись во весь рост, чародейка принялась что-то нашептывать вслед улетающим тварям, выставив перед собой руки ладонями вперед. И скелеты зависли в воздухе, беспомощно махая крыльями, не в силах двинуться ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз.

Снова опустившись на колени, чародейка направила ковер в гущу трепыхающихся скелетов, которых Андрей ударами меча превращал в ничто.

Когда последняя из крылатых тварей превратилась в пепел, Светлов уже хотел предложить Джине лететь домой, но тут случайно глянул вниз и увидел чуть в стороне от портала двух мужчин, зависших в воздухе спина к спине, расставивших руки в разные стороны и кружащихся на одном месте. От их ладоней пучками исходили белые лучи, которые поражали бескрылых скелетов, которые плотным кольцом окружили кружащуюся в воздухе парочку, словно решив отомстить тем мужчинам за своих крылатых собратьев. Их было в разы больше, чем тех, что были в воздухе. Несмотря на то, что белые лучи работали даже эффективнее, чем мечи, рогатых скелетов это не останавливало, и кольцо вокруг мужчин сужалось с пугающей скоростью.

Светлову вдруг стало ясно, почему он сразу не заметил тех двоих, на земле. А всё просто: их от его взора скрывала тёмная туча, состоящая из рогов, крыльев и хвостов. И, если бы они с Джиной не справились с летающими скелетами тех мужчин с лучами он так бы и не увидел.

— Поможем им? — спросил Андрей Джину, указав рукой вниз. Та ничего ему не ответила, но ковёр начал снижение.

Когда до земли оставалось метров пять, ковер-самолет остановился.

Чародейка отпустила края ковра, свела ладони, словно в молитве и принялась тихо шептать какое-то заклинание. С её губ начала слетать разноцветная пыль, которая поблескивала в лучах клонящегося к закату солнца. В какой-то момент облако пыли превратилось в искрящийся ручеек, который начал стекаться к ладоням колдуньи, превращаясь в шарик. Чем больше изо рта Джины вылетало блестящей пыли, тем больше становился тот шарик, тем дальше раздвигались её ладони. Когда шар дорос до размера перезрелого арбуза, чародейка замолчала, прервав течение искрящегося потока из своих уст. Посмотрев на своё

«творение», она удовлетворенно кивнула, перегнувшись через край ковра и кинула свой шар вниз. Он начал падать, хотя со стороны казался совсем невесомым, переливаясь всеми цветами радуги и издавая свист, как бомба времен Второй мировой войны.

Шар упал на землю как раз в то место, в котором не так давно был портал.

После яркой вспышки от места падения шара во все стороны побежала серая волна, сквозь которую были видны яркие оранжевые всполохи. Это загорались бескрылые скелеты. Самое большое скопление огня наблюдалось под ковром, где в воздухе висели двое мужчин, так как там темных тварей было больше всего. Со всех сторон неслись звериные вопли злобы и отчаяния. Но, чем дальше было от места падения шара, тем меньше вспыхивали выходцы из портала, из чего Светлов сделал вывод, что ретироваться хватило ума не у многих. А те, которые предпочли спастись бегством, убежали не очень далеко, километра на два-три и все равно были настигнуты убийственной волной.

Когда серая дымка рассеялась, со всех сторон к Андрею, Джине и тем двум мужчинам внизу потянулись потоки энергии, похожие на электрические разряды. Они змеились по их телам, проникая внутрь, наполняя силой. Тех, что внизу, было плохо видно, но Светлов хорошо видел свою подругу, которую потрясывало от пробегающих по ней разрядам. Нечто подобное Андрей видел в фильмах, но не думал, что такое может быть на самом деле. Также он увидел, что лучи из их ладоней уже не бьют в разные стороны из ладоней мужчин внизу. Мужчины прекратили свое вращение, опустили на землю и отошли в сторону, давая ковро-самолету возможность приземлиться.

Поток приходящей энергии прекратился так же быстро, как и начался. Но казалось, что этой энергией Светлов наполнился под завязку, и она брызгала с кончиков его пальцев. Ничего подобного в своей жизни Андрей ещё не испытывал. И он не сомневался в том, что если бы поток энергии не иссяк, его бы разорвало изнутри, и все его внутренности оказались бы на этом долбаном ковре-самолете. Интересно, смогла бы Джина в этом случае его, человека, которого она сейчас считала своим парнем, вернуть к жизни?

Еще раз глянув вниз, Светлов увидел, что от бескрылых скелетов остались кучки темной субстанции, похожей на человеческое дерьмо, вонь от которого была ощутима даже на высоте. А ведь крылатые скелеты превращались в пепел, из чего Андрей заключил, что пешие твари были рангом ниже, иначе после смерти в этом мире не превращались бы в фекалии. Именно

поэтому Джина не стала сажать ковер на землю, а остановила в десяти-пятнадцати сантиметрах над кучами дерьма. То ли для того, чтобы не испачкаться, то ли потому, что была под завязку запроважена энергией кувшина, который был у неё за спиной, то ли она просто включила «понты», чародейка не сошла с ковра, а взлетела с его поверхности и поплыла по воздуху в направлении мужчин.

Андрей таким фокусам ещё не был обучен, а потому просто соскочил с ковра и пошел пешком. Однако, как бы аккуратно он ни обходил кучи дерьма, всё равно испачкал туфли. И ему пришлось вытирать их об фрагмент разрушенного здания, на котором сохранились пестрые обои и фотография Джастина Бибера.

Закончив с соскребанием говна с подошвы туфель, Светлов подошел к мужчинам, этим борцам со злом, рядом с которыми уже стояла Джина. Лицо одного из них Андрею показалось знакомым. Слегка поработав мозгами, он даже вспомнил, что видел этого двойника Кристофера Уокена в ресторане, где они с Джиной были в новогодние праздники.

Второй мужчина, судя по виду, был моложе Светлова на несколько лет. Спортивного телосложения, он был очень похож на Элвиса Пресли в начале его карьеры, когда тот ещё не был толстым.

— Здравствуй, Джина! — Двойник Кристофера Уокена театрально опустился на левое колено и поцеловал руку чародейке. — Спасибо за помощь. Никак не ожидал, что ты здесь появишься.

— Ох, Белозар, какой ты стал обходительный! — Чародейка закатила глаза. — А в сетях про тебя пишут совсем другое...

— Fuck! — С нерусским ругательством «Кристофер Уокен» поднялся на ноги. — Прикол не получился. Я думал, что ты всё ещё в бестелесном состоянии. И где ты взяла оболочку?

— Первую в Челябинске, вторую в Тунисе, — ответила Джина.

— А это кто? — Белозар указал рукой на Андрея. — Твой ученик?

— Нет, — отрезала Джина. — Мой жених.

— О-о-о! — Лицо двойника Кристофер Уокена вытянулось. — Я понимаю, зачем тебе понадобилось тело.

— Ты никогда не был дураком, — парировала чародейка. — Может, познакомишь меня со своим напарником?

— Это... — Белозар обернулся к двойнику Элвиса.

— Евгений! — представился молодой человек. — Истребитель нечисти.

— А это — Андрей, мой жених. — Джина вцепилась в локоть Светлову, чуть заметным рывком руки нагнула его, и они поцеловались в губы. Это был мимолетный поцелуй, но Андрею он очень понравился. На всякий случай он одернул свои шаровары, ведь незачем Белозару и Евгению было видеть, насколько сильно он возбудился от этого «нежданчика». Белозар, впившись взглядом в лицо Светлова. — Он ведь из наших...

— Это он меня нашел, — ответила Джина, кинув взгляд на клонящееся к закату солнце. — Белозар, Евгений! Я была искренне рада с вами повидаться вживую, но нам нужно спешить. Есть ещё дела...

— Нам тоже нужно спешить, — двойник Кристофера Уокена глянул на дорогие часы на своей руке. — Вы нас не подбросите? Тут недалеко...

— Садитесь на ковер, — сказала Джина. Ковер-самолет тут же, пролетев над кучами дерьма, опустился рядом с компанией не совсем обычных людей, из которых только Андрей в полной мере не владел магией.

После того, как все взошли на ковер, тот поднялся над землёй, готовый к очередному полету.

— Туда, левее, — указал рукой Белозар. — Там должна быть ровная площадка, у неё нас и высадите... Кстати, мы — ваши должники. Может, я могу исполнить какое-нибудь ваше желание?

При этом Белозар вопросительно посмотрел на Андрея. В голове Светлова тут же прозвучал Джины: «Не вздумай загадывать желание! Всё выполнит через жопу! Я сама удовлетворю все твои потребности. Главное — не обращай за помощью к нему. Понял?»

— Понял, — вслух ответил Андрей и отрицательно замотал головой. — Не надо.

— Хорошо, — кинув взгляд на чародейку, и, скорее всего, уловив её мысли, произнес «Кристофер Уокен». — Ну, тогда, если когда-нибудь понадобится моя помощь, обращайтесь ко мне мысленно и зовите меня. Помогу, чем смогу.

Джина ничего ему не ответила, просто кивнув головой. Светлов сделал то же самое.

Где-то в четырех-пяти километрах от места боя с нечистью, действительно, находилась ровная площадка, очищенная от завалов. Дерьма на ней тоже не было, зато стоял вертолет, явно ожидающий Белозара и Евгения. Ковер ещё не успел приземлиться, а они уже соскочили с него и побежали к вертолету, лопасти которого уже начали крутиться, и заработал двигатель. На месте пилота сидел... черт! Самый настоящий черт, который помахал Джине и Андрею покрытой шерстью когтистой

рукой. Едва Белозар и Евгений оказались в вертолётё, тот начал взлет и очень быстро превратился в маленькую точку на горизонте, а потом и вовсе исчез.

— Мне показалось или и вправду за штурвалом сидел черт? — Светлов ткнул большим пальцем свою подругу между рёбер.

— Нет, — дернувшись всем телом от щекотки, ответила Джина. — Тебе не показалось. Он действительно черт. И зовут его Севой. Только он не выходец из другого мира. Он — человек, который хотел изменить свою внешность и образ жизни. Белозар исполнил его желание.

— Откуда ты всё это знаешь? — удивился Андрей.

— И Белозар, и Сева — мои друзья по социальным сетям, — чародейка развела руки в стороны. — И таких много. Я, знаешь ли, предпочитаю пользоваться достижениями научно-технического прогресса нашего времени и не хочу тратить магическую энергию впустую...

Она сказала «нашего времени», что Светлову очень понравилось. Это значит, что его подруга не цепляется за своё прошлое, а живет настоящим. Разве это не здорово?

— Весьма разумно! — Андрей поскреб бородку.

— ...Поэтому я всё обо всех знаю, — невозмутимо продолжала чародейка. — Кстати, тебе тут твоя бывшая с зоны писала...

— Не хочу ничего о ней слышать, — понимая, о ком идет речь, отмахнулся Светлов. — Пошла она...

— Молодец, — Джина просияла улыбкой. — Реакция правильная. Летим в Челябину?

— Да!

Глава 10. Спасение Вани Боброва

До Челябинска долетели, на удивление, быстро. Но ковер-самолет почему-то приземлился на крышу дома, в котором жил Иван Бобров, а не на землю, как того ожидал Андрей.

— Почему мы сели здесь? — спросил Светлов Джину.

— Сейчас поймешь, — она указала рукой с вытянутым указательным пальцем, проследив за которым Андрей заметил на фоне тёмного неба человеческую фигуру на краю крыши. — Это наш Ваня.

— Он что, собирается спрыгнуть вниз?

— Ага! — чародейка кивнула.

— И мы дадим ему это сделать?

— Да! — Ещё один кивок. После чего ковер-самолет поднялся над крышей, пролетел над головой Боброва и начал снижение. Похоже, ни его, ни сидящих на нем людей Иван не увидел. — Сейчас ты со стороны увидишь то, что уже испытал на себе.

— Светлов хотел спросить, что он увидит, но не успел, так как Ваня шагнул с края крыши. Сделал шаг в пустоту и полетел вниз. Но не разбился в лепешку, как должно было быть. Его стремительное падение закончилось на уровне пятого этажа, а далее он начал медленно и плавно опускаться, пока не оказался на мягкой траве, под светящимися желтизной окнами дома. Какое-то время он лежал, не понимая, как такое могло произойти, потом поднялся на ноги и даже отряхнулся, хотя для человека, который только что планировал уйти в мир иной, это было лишним. Немного придя в себя, начал ругаться, чем тут же вызвал неподдельный интерес дамы в халате, живущей на первом этаже.

— Ты чего тут шумишь? — кричала она Боброву. — А ну, проваливай отсюда, наркоман ху... Сейчас полицию вызову, бл...

Но Иван, похоже, не обратил на даму в халате внимания и продолжал истошно орать, удобряя свою речь, обращенную к неведомым даже ему силам, отборным матом.

— Как так, бл... — донес ветер обрывки его слов. И обращены они были явно не к женщине с первого этажа.

Не став дослушивать угрозы женщины, которая уже собиралась натравить на тщедушного юнца своего мужа-качка, Ваня пересек двор и остановился на обочине дороги, вытянув руку перед проезжающей мимо выдавшей вида иномаркой. Та тут же остановилась, водитель услужливо распахнул пассажирскую дверь, и машина рванула с места. Видимо, Бобров сильно торопился.

Ковер-самолет взлетел и поплыл по воздуху следом за

иномаркой, иногда чуть-чуть отставая от неё, иногда нависая прямо над крышей, обгаженной птицами.

Машина выехала за пределы Челябинска и остановилась в пригороде, у моста над железнодорожными путями.

Ваня выскочил из иномарки и начал взбегать на мост. Остановившись на середине моста, начал вертеть головой. Сомнений не было в том, что он дожидался поезда.

Ковер-самолет завис в воздухе напротив моста. И Ваня увидел бы Светлова и его подругу, если бы не маскировка ковра и его пассажиров.

— Он что, хочет с моста сигануть? — Андрей посмотрел на Джину.

— Сам-то не видишь? — вопросом на вопрос ответила она.

— Неужели он такой дурак, что одного раза ему мало? Другой бы уже отказался от самоубийства, а этот...

— Дурак! — подтвердила Джина, согласно кивнув. — Если честно, я уже жалею, что подписалась на его спасение. Если он будет жить, он ведь будет плодиться. И родятся от него такие же дураки...

— ...С суицидальными наклонностями! — добавил Андрей.

Тем временем «дурак» увидел пассажирский поезд, несущийся по рельсам и разрезающий темноту своими огнями. Бобров заметно оживился, словно в поезде ехал какой-то его родственник, которого он пришел встречать. Перекинув сначала одну ногу через ограждение моста, потом — вторую, он стоял, глядя вниз, держась руками за перила. Он ждал, когда поезд окажется под ним, и отпустил руки как раз в тот момент, когда тепловоз проскочил под его ногами.

Чародейка сделала магический пасс рукой. И Бобров полетел вниз. Причем, он даже не летел, а парил в воздухе, как осенний лист. Парил ровно столько, сколько времени потребовалось поезду, чтобы проехать под мостом и скрыться вдаль. На соседнем пути остался лежать лишь Ваня. Сначала он просто лежал, не издавая никаких звуков, глядя в тёмное небо. Может, разглядывал звёзды, может, обдумывал сложившуюся ситуацию. Потом он поднялся на ноги и начал изрыгать ругательства, грозя кулаками небесам и вслед давно уже исчезнувшему из поля видимости поезду.

Израсходовав весь свой словарный запас, Бобров поднялся по насыпи, проголосовал на обочине и остановил машину. Это была та же потрепанная иномарка, которая привезла Ваню в пригород. Но «дурака» это не смутило. Он забрался в салон, и машина покатила в сторону города. Ковер-самолет с находящимися на нем двумя членами экипажа полетел следом. Никто из людей

этого даже не заметил.

Иномарка остановилась там же, где подобрала Боброва. Кинув комок смятых купюр в приоткрытое окно пассажирской дверцы, Иван, ссутулившись и засунув руки в карманы дырявых джинсов, направился в окруженный несколькими многоэтажными домами двор. Быть может, тот самый двор, в котором прошло его детство, в котором, ещё, будучи мальчишкой, Ваня Бобров играл с мальчишками в футбол, может, дрался. Но это было тогда, а тем вечером во дворе не было ни одной живой души. Некому было набить морду и не с кем было поиграть.

Подойдя к спортивной площадке, Иван сначала уставился на высокий турник, потом начал что-то искать, подходя к урнам с мусором, роясь в них. Так и не найдя ничего, что его на тот момент интересовало, отправился на помойку, откуда вернулся с пустым ящиком и с веревкой. После этого он поставил ящик под турником, встал на него ногами и принялся закреплять на горизонтальной штанге турника петлю. Времени на петлю у него ушло гораздо больше, чем на поиск ящика и веревки, из чего Светлов сделал вывод, что парень готовился к уходу в мир иной основательно.

Ковер-самолет приземлился в паре метров от турника, но дурачок-Иванушка его не видел. Также он не видел и не слышал Андрея с Джиной, которые, глядя на его попытку самоубийства номер три, тихо переговаривались.

Светлов:

— Я-то думал, что он уgomонится. Может, станем видимыми и проявимся, наконец?

Джина:

— Пока всё идёт по плану. Смотри и не отвлекай меня. И сам не отвле-кайся.

— Ладно. Уговорила. — Андрей погладил свою бородку.

В тот самый момент Иван Бобров сунул голову в петлю, поправил мощный узел и оттолкнулся от ящика.

Раздался скрип, ящик упал на бок, под турником. Тут же рядом с ним упал юный суицидник, зарывшись лицом в пыль. А над ним на легком ветру покачивался конец веревки, поигрывая оборванными волокнами, словно помахивая рукой Ивану.

— Появляемся, — вполголоса сказала Джина.

— Понял, — тихо произнес Светлов.

Он ожидал, что их проявление просто шокирует неразумного юношу, тот падет на колени, начнет молиться и всё такое, но Иван Бобров так увлеченно крыл матом веревку, что даже не заметил появления странной парочки в национальных тунисских костюмах. Лишь только после того, как Джина окликнула юного

суицидника по имени, тот обернулся и переключил своё внимание на Андрея и его подругу.

— Откуда вы меня знаете? — без тени удивления в голосе спросил Иван, словно он был знаменитостью, и его каждая собака здешняя знала.

— Мы всё о тебе знаем. — В голосе чародейки вдруг появились нотки жесткости, как у училки начальных классов, которая отчитывает нерадивого ученика.

— Мы обо всех всё знаем, ведь мы — ангелы... — Андрей замолчал, ища подходящее слово. Джина тут же помогла ему:

— Ангелы жизни.

— Ну, да. Рассказывайте мне тут сказки, — тихим, но злобным голосом произнес Ваня, разглядывая наряды новоявленных «ангелов». — Вы- актеры. Вас моя мать наняла.

— Ты ошибаешься, — безапелляционным тоном продолжала Джина. — Мы здесь по указке свыше, чтобы спасти тебе жизнь. Ты что, не понял, что уйти из жизни у тебя не получится.

— Это почему? — Иван сдвинул брови.

— Потому, что ты должен закончить гимназию, поступить в институт, закончить его, устроиться на высокооплачиваемую работу, жениться и умереть в глубокой старости, дожив почти до ста лет, в окружении многочисленных родственников. — Джина вздохнула. — Судьба у тебя такая. И высшие силы не дадут тебе умереть сегодня.

Наверняка, такая проникновенная речь на кого угодно произвела бы должное впечатление, но, видать, Иванушка-дурачок был именно дурачком, а не кем угодно. Поэтому всё понял неправильно, по-своему.

— Я всё понял! Это вы всё подстроили! — заорал он, как пистолетом, тыча пальцем то в Светлова, то в его подругу. — А я-то думаю: что не так? Почему всё идёт не так, как должно быть?.. Конечно, за те денешки, что вам мать моя заплатила, вы и ваты, поди, подстелили, и стрелку перевели, чтобы поезд меня не задавил. Вы и веревку гнилую специально мне подкинули...

— Ты ошибаешься, — в очередной раз леденящим душу голосом повтори-ла Джина. Для пущей убедительности она даже приподняла ковер-самолет, на котором всё ещё сидели «ангелы жизни», на метр от земли. Ей бы «Оскара» за лучшую женскую роль! — Раз мы здесь, ты будешь жить.

— А вот хрен вам! — левой рукой Ваня показал кукиш, а правой рукой начал рыться в карманах своих дырявых штанишек, которые в подростковой среде, безусловно, считались модными.

Рылся долго. Когда Андрей уже начал полагать, что ничего он там не найдёт, дурачок-Иванушка извлек из заднего кармана

своих джинсиков нож-«кнопарь», нажал на блестящую кнопку. Тут же из рукоятки выскочило лезвие, гладкая поверхность которого отразила желтый свет, льющийся из окон домов.

— Парень, не дури, — Светлов погрозил пальцем. — Нас этим не испуга...

Конечно, сказав это, он думал, что Ваня решит броситься с ножом на него и его подругу, но вместо этого суицидник принялся наносить себе удары ножом в область живота и сердца. Несмотря на все его старания, нож не только не навредил ему, но даже не оставил следов на оранжевой кофте с капюшоном. А Ваня нещадно колол себя, пока лезвие ножа не сломалось и не упало в траву. Из рукоятки ножа остался торчать только неровный кусок металла, которым наш неугомонный Иванушка-дурачок принялся резать себе вены, закатав рукав кофты. Бесполезно. Даже царапин не было. Поняв тщетность всех своих усилий, Ваня бросил рукоятку ножа на землю.

— Вы точно всё подстроили! Я с самого начала это знал. Об этом меня предупреждал Ангел Смерти. А я всё равно выйду на новый уровень. Вам меня не остановить! А все эти ваши навороты... — Он указал пальцем на ко-вер-самолет. — Говно полное!

Мимолётно показав «ангелам» некультурный жест с вытянутым средним пальцем, юный суицидник побежал прочь со двора к дороге, на которой он уже сегодня ловил машину.

Ковер-самолет следовал за ним на небольшом отдалении. Джина даже не потрудилась включить невидимость. Видимо, поняла, что смысла в этом нет: никто и так ковер не увидит, а доказать дураку, что это и есть тот самый ковер-самолет, описанный в сказках, невозможно.

Подбежав к обочине дороги, Ваня посмотрел по сторонам. Тут же из-за поворота выскочила черная «девятка» с тонированными стеклами. Она словно поджидала Ивана. Наш суицидник тоже не растерялся и даже обрадовался, увидев приближающийся свет фар. Дождавшись, когда машина подъедет как можно ближе, он показал «ангелам» прощальный «фак» и прыгнул под колеса.

Стоит отдать должное водителю «девятки», реакция которого оказалась на уровне фантастики: он резко вывернул руль влево, и машина на полном ходу врезалась в фонарный столб, не причинив вреда горе-самоубийце.

Ваня ещё не успел подняться на ноги, а из «девятки» уже выскочили пять спортивного вида парней, которых в девяностые годы прошлого века смело можно было назвать гопниками.

И все они были вооружены: у двоих на руках блестели

кастеты, один в руках сжимал обрезок трубы на три четверти дюйма, ещё один был с бейсбольной битой. И только самый здоровый из них, судя по всему, главарь, держал руку под мышкой, а под его ветровкой без труда угадывался пистолет в наплечной кобуре.

— Ты чего, с-сука, в автоподставщики заделался, развести на бабло нас решил? — Сходу начал тот, что был с битой и ударил своим нехитрым спортивным инвентарем Иванушку-дурака по спине, от чего тот заорал так, что у Светлова барабанные перепонки болезненно завибрировали.

И тут они Ваню обступили со всех сторон и начали бить и пинать. Лишь главарь стоял в стороне и молча наблюдал, держа руку под мышкой.

— Они же убьют его! — Андрей схватил Джину за запястье. — Сделай что-нибудь!

— Не переживай! — Чародейка накрыла руку Светлова своей ладонью. — Он сейчас испытывает такую боль, такой страх, что больше уходить из жизни ему точно не захочется. Поверь мне, после этого он будет жив и здоров. Отвечаю!

Сказав это, Джина опустила ковер на землю и грациозно сошла с него. Она прошла мимо гопников, забивающих суицидника, которые, похоже, не видели её, подошла к главарю банды, для которого в тот момент её тоже не существовало, и что-то шепнула ему на ухо.

И тут же рука, долгое время нянчившая подмышку, взметнулась из-под ветровки. Прогремело четыре выстрела, и четыре гопника, как подкошенные, рухнули на асфальт. Убедившись, что все члены банды мертвы, попинав их для надежности, главарь приставил дуло пистолета к своему бритому виску и нажал на спусковой крючок.

Громыкнул ещё один выстрел. Дёрнув головой, главарь банды упал в лужу крови, вытекшую из дыры в затылке того, кто недавно держал в руке биту, но при этом бейсболистом не был.

На какое-то время в воздухе повисла тишина. Казалось, она будет вечной, но тихий стон Вани Боброва положил ей конец.

Джина подошла к несостоявшемуся самоубийце, склонилась над ним и, водя над его окровавленным телом руками, шепнула слова заветные, которые Андрею предстояло выучить в ближайшем будущем.

Иванушка-дурачок вдруг перестал стонать, приподнялся на локтях, потом сел, а после поднялся на ноги, ощупывая своё тело, на котором была только запекшаяся кровь, но не было и царапины.

Потом он глянул на тела гопников, распростертые на

асфальте в лужах крови.

— Что это было? — спросил он, бросив на Джину взгляд, полный недоумения.

— Ты пытался броситься под машину, в которой ехали бандиты. Они из-за тебя попали в аварию и решили тебя убить. Похоже, их главарь не хотел, чтобы ты пострадал, поэтому он убил своих товарищей. Осознав, что натворил, он и пустил себе пулю в висок. — Джина приставила к своей голове оттопыренный указательный палец, символизирующий ствол пистолета. — Бах!.. Слушай, чувак, я думаю, твой неудачный суицид слишком дорого обошелся, да? Есть ещё желание пободаться с судьбой?

— Нет, — ответил Иван.

Похоже, он не врал. Всего-то потребовалось: пять трупов, порция боли и страха, чтобы он поверил в то, что смерть страшна и ужасна. Но ещё страшнее и ужаснее смерти — боль, которая ей предшествует.

— Тогда беги домой! — Джина сделала прощальный жест рукой.

— Но... — Иван замялся.

— Поверь мне... — В голосе чародейки было столько душевности и тепла, что Светлов чуть не расплакался. «Оскара» ей! «Оскара»! И пусть Джек Николсон отдыхает, покуривая в сторонке. — Они тебя любят и ждут. Живого и здорового. Твоя мать сейчас заказала пиццы, какие ты любишь, с беконом. Она заварила чай, такой, как тебе нравится — черный, терпкий. А отец бросил свою любовницу, чтобы остаток жизни посвятить твоей маме, тебе и твоим детям. Так что, иди домой и больше не давай никому собой манипулировать. Помни, что социальные сети — зло!

— Спасибо вам, ангелы! — В тот момент на глазах Ивана Боброва блеснули слезы. До него всё-таки дошло, что он мог совершить непоправимую ошибку. — Я сначала...

Ковер-самолет исчез, а вместе с ним и ангелы жизни. Иван пришел домой, где его и вправду ждали мать и отец. И чёрный чай, и тёплые пиццы. Всё как говорила Джина. Но насчет будущего дурачка-Иванушки, как она позже признается Андрею, немного приврала. Это была, так называемая, спасительная ложь, когда чародейке просто не хотелось тратить магическую энергию на обозрение будущего. Да и времени не было. Она думала, что сила внушения изменит Ване жизнь. И в чем-то чародейка была права, так как Иван всё же взялся за ум, закончил гимназию, поступил в московский ВУЗ. Но прожить долгую и счастливую жизнь у него не получилось, так как на первом же курсе обучения его убили в пьяной драке где-то в Мытищах. Он умер с

выражением удивления на лице. Видать, искренне верил в то, что проживет долго и очень изумился, когда понял, что госпожа Смерть пришла по его душу. Пусть земля ему будет пухом.

Глава 11. Занавес

— Ну, как тебе день сегодняшний? — спросила Джина Андрея, когда они уже были в спальне, и её «господин», скидывая с себя тунисскую рубашку, уже фантазировал, как он будет спать добрую половину следующего дня, и даже пушечный выстрел его не разбудит.

— Это был бесценный жизненный опыт, — честно признался Светлов. — Ничего подобного я в своей жизни ещё не испытывал. Но те, другие, способы добывания денег как-то безопаснее и менее энергозатратные. Может, больше не будем никого спасать подобным образом?

— Как скажешь, — чародейка вздохнула. — Но я думала, что тебе понравится... В любом случае, денег у нас уже предостаточно, и в ближайшее время их добывать нам точно не понадобится. К тому же, нам будет, чем заняться в ближайшее время...

— Это чем? — Андрей заинтересованно склонил голову на бок и посмотрел на свою подругу.

— Ну... — Джина подошла к Светлову, её руки обвили вокруг его торса. — Ты начнешь изучать Книгу Знаний, а я продолжу её изучение. Но это будет позже, а сейчас мы займемся тем, что будем делать ребенка. Ты не против?

— Конечно, нет! — с готовностью ответил Андрей. — Только...

— Какие ещё могут быть «только»? — спросила колдунья, слегка сжав свои объятия.

— Мы ведь не женаты. А я бы не хотел, чтобы ребенок был рожден вне брака.

— А он не будет внебрачным, — чародейка убрала правую руку с торса Светлова, в ней тут же появились два российских паспорта.

— Что это? — спросил Андрей.

Он выдернул из пальцев подруги паспорта, открыл первый, который оказался сверху. Этот паспорт был выдан на имя Светловой Джины Александровны, 1993 года рождения, уроженке города Челябинска. Прописка — та же, что у Андрея, на странице «Семейное положение» — штамп, внутри которого значится, что она замужем за Светловым Андреем Николаевичем.

Андрей усмехнулся, оторвав глаза от паспорта и глянув на Джину. Она, действительно, выглядела на 23 года, как и было указано в паспорте.

Он открыл второй документ, удостоверяющий личность. Это

оказался его родной, до боли знакомый паспорт со слегка помятой первой страницей. На фотографии Андрей получился лет на десять старше своих лет из-за мешков под глазами. В тот день он был в состоянии «с бодуна», а потому не очень любил открывать первую страницу паспорта, так как при открытии её всегда на память приходила запойная корпоративная вечеринка, о которой вспоминать было стыдно, но после которой его повысили в должности.

В остальном же, паспорт не изменился, но на странице «Семейное положение» в штампе было указано, что он женат на Джине Александровне Камагат, 1993 года рождения.

— И когда же мы с тобой пожениться-то успели? — Светлов глянул на теперь уже супругу поверх своего паспорта.

Этот вопрос не требовал ответа, но Джина Александровна ответила:

— В тот же день, когда в первый раз занимались любовью. Неужели ты думал, что я могу переспать с мужчиной, который мужем мне не является?

— Не думал, — ответил Андрей, протянув новоявленной жене паспорта. Оказавшись в руке Джины, они сразу же исчезли. — Это всё так неожидан-но... А ты никогда не хотела пышной свадьбы, процедуры выкупа и всего прочего, что связано со свадьбой?

— Нет. Мне достаточно того, что ты рядом. Это уже праздник, причем, каждодневный. К тому же, у меня нет ни подруг, ни родственников. У меня вообще никого нет, кроме тебя. Твои родители вряд ли одобрили бы столь скорую свадьбу, так что... — Она провела рукой вдоль своего тела, в мгновение ока освободившись от тунисского платья и от нижнего белья, оставшись в том, в чем мать родила. — Начнем делать ребеночка?

— Согласен, — Светлов положил свои ладони на плечи жены, прижал её к себе и впился губами в её губы.

Далее был секс в облаках. Но, в отличие от прошлого раза, многократные извержения семени у Андрея были в Джину, а не в пустоту. И проснулись новоявленные муж и жена не через полтора месяца, а через три. Счастливые и отдохнувшие, полностью восстановившиеся после спасения Вани Боброва и после заоблачного секса.

— У нас будет мальчик, — сладко потягиваясь, сказала чародейка.

— Главное — чтобы был похож на тебя, — поцеловав супругу в плечо, произнес Светлов.

— Если будет похож на тебя, тоже будет неплохо, — Джина подарила Андрею ответный поцелуй в щеку. — Ты ведь у меня — красавец!

— Спасибо! — Рот Светлова растянулся в улыбке. — Может, ещё посексуемся?

— Нет, — ответила ему жена. — Я получила от соития с тобой всё, что хотела. Сейчас я сделаю зарядку, мы позавтракаем и начнем заниматься тем, о чем уже говорили...

— Это чем? — Как бы Андрей ни морщил лоб, напрягая память, вспомнить, о чем они говорили, не мог.

— Ты начнешь учиться, а я продолжу. — Встав с кровати, Джина вынула из стоящего на полу рюкзака кувшин и замерла, держа его в руках, восполняя свои запасы энергии.

— Точно, — Светлов кивнул. — Учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин.

Начиная с того утра, жизнь Андрея изменилась, но не в худшую сторону. Изучение Книги Знаний отнимало у него несколько часов в день, давалось ему легко и приносило огромное удовольствие.

Чтобы не спорить о том, кто и когда берет Книгу, супруги Светловы составили график и, пока кто-то один из них горбился над Книгой, второй, как мог, развлекался. Именно развлекался, так как ничем другим нигде не работающим россиянам, имеющим прямое отношение к магии, в свободное время заниматься не хотелось. Потом они менялись местами, а во второй половине дня Светловы гуляли по городу, оттачивая своё мастерство на незнакомых людях. Кому-то они помогали, кому-то, наоборот, мешали. Мешали творить зло или совершать ошибки.

Так, например, Андрей с Джиной помогали людям, куда-либо опаздывающим, успеть на поезд или на важную встречу, разгоняя пробки на дорогах.

Они не давали преступникам совершать преступления.

Они останавливали машины за доли секунд до дорожно-транспортного происшествия.

Светловы могли сходу освободить человека от тяги к наркомании или к алкоголизму, излечить от многих болезней, кроме тех, которые послал человеку более сильный маг в наказание за какое-либо плохое деяние.

Помочь полиции в поимке преступника — святое дело, потушить пожар в каком-либо помещении — как два байта переслать, а уж вытащить людей из огня или из воды — проще простого!

Пока Светловы — не столько Джина, сколько Андрей — практиковались в магии, подзаряжаясь чистой энергией благодарных им людей, Челябинск обрел двоих супергероев, которые существенно облегчили жизнь людям. В отличие от

многих мордастых, в конец заворовавшихся чиновников, многих из которых посадили или сместили с должностей только усилиями Светловых, они делали город лучше и чище.

И всё это только благодаря Книге Знаний, от изучения которой невозможно было оторваться, которая всегда менялась, обновлялась, не меняясь при этом в размерах. Она сама выбирала, какую главу, какой раздел нужно изучить магу в тот или иной день, открываясь перед своим читателем на нужной странице. Открыть её на другой странице было невозможно. Яркие, движущиеся иллюстрации делали изучение Книги лёгким и приятным занятием. И Андрею, не безосновательно, казалось, что изучать её можно вечно. Правда, он не верил, что столько можно прожить.

С помощью Книги Светловы могли бы сделать Челябинск городом мечты, в котором жаждал бы жить каждый россиянин, если бы ни череда событий, заставивших их приостановить практикумы по магии, хотя бы из соображений личной безопасности.

Всё было нормально, пока в один из холодных, февральских дней 2017 года Джина не подозвала супруга к монитору компьютера. С явным нежеланием он захлопнул Книгу и подошел к жене.

— Что-то случилось, любовь моя? — Андрей хотел поцеловать жену в щеку, но та отстранилась, что само по себе было плохим знаком.

— Да, — Джина ткнула пальцем в монитор. — Смотри!

Светлов увидел какие-то сообщения в закрытой группе чародеев, в одной из социальных сетей. Кто-то выложил фотографии окровавленных трупов и фрагментов тел.

Бегло прочитав сообщения, Андрей не сразу понял, о чем в них идет речь, так как он был всё ещё под воздействием Книги Знаний, а потому ему трудно было собрать мозги в кучку и понять, о чем судачат в сетях колдуны, поэтому он прямо спросил жену:

— Что происходит?

— Как, ты не понял? — Джина оторвала взгляд от монитора и с упреком посмотрела на мужа. — Какая-то тварь во всех уголках нашей планеты высасывает из магов энергию, а потом убивает их. Некоторых эта мерзость вообще сжирает целиком. Чародеи становятся всё меньше и меньше, а эта сущность с каждым днем становится всё сильнее и сильнее. Она находит наших людей по магическому следу...

— Думаешь, и нас найдёт? — Андрей в задумчивости почесал бородку.

— Конечно! Даже Белозар пишет мне, что мы в Челябине так наследили, что найти нас этому существу не составит особого труда! А ещё эта сущ-ность оставляет себе все артефакты...

— Понятно. — Рука Андрея переместилась с бороды на лоб и принялась потирать его. — А ты-то что предлагаешь?

— Как «что»? — изумилась Джина. — Нужно замести следы и замаскировать артефакты — Книгу и кувшин.

— Я бы ещё поставил защиту на жилище, — предложил Светлов, глядя на супругу.

— Да, — согласилась та. — Сегодня и начнем. Сейчас!

Андрей кивнул, и они начали, даже не пообедав.

Поставить магическую защиту на квартиру, замаскировать Книгу Знаний под сборник рассказов А.Темного под названием «Тёмные истории», оказалось делом несложным. Египетский кувшин превратили в обычную вазу китайского производства, какую можно купить в любом магазине, никакой ценности из себя не представляющей, но обладающей мощным запасом энергии, доступной только Андрею и Джине.

А вот стирание магических следов оказалось делом непростым и очень энергозатратным. Оказалось, что Светловы так «наследили» в городе и за его пределами, что им понадобилось две недели на то, чтобы на ковре-самолете облететь все места, где они «отметились» и провести «подчистку». Но, даже после этого, Светлов не был уверен, что они вычистили всё, а то, что не смогли вычистить, привязали к магам, которые уже находились в мире ином.

Несмотря на все предпринятые Светловыми меры, у Андрея всё равно было ощущение, что какие-то следы остались. Но, с другой стороны, Джина молчала. Значит, всё нормально. Они всё сделали правильно.

А через неделю после окончания «подчистки», во второй половине дня, в их квартире прозвенел звонок. Дверной звонок, которого Андрей уже давно не слышал и даже успел забыть, как он звучит. Ужасная мелодия, оказывается, способная свести с ума, если звонящий своевременно не уберёт пальца с кнопки звонка.

«Нужно поменять мелодию», — думал Андрей, направляясь в прихожую.

Он был ещё не столь опытным магом, как Джина, чтобы видеть сквозь двери и стены, но ощутил энергию визитеров, которых было двое. Определённо, это были кто-то из своих. Кто-то, кого Андрей знал очень давно, но долгое время с ними не общался. И было в их энергетике что-то, что настораживало, что-то темное и отталкивающее. Поэтому Светлов на всякий случай посмотрел в дверной «глазок».

У порога стояли два до недавнего времени близких ему человека — маман и папан, как он их называл. Оба улыбались, выглядели вполне здоровыми и помолодевшими, чего Светлов не мог сказать о них во время последнего сеанса связи по Скайпу.

Маман держала в руках букет цветов, а папан — бутылку шампанского и коробку конфет. На них это было очень не похоже, но Андрей привык к тому, что они всегда были немного странными, а потому и энергия у них была соответствующей. Впрочем, возможно, у них всегда была такая дурная энергетика, просто он, их сын, в последний раз смотрел на них, как обычный смертный. А сейчас, уже имея кое-какой магический опыт за спиной, он увидел их суть — неприглядную, отталкивающую. Может, поэтому он с детства недолюбливал своих родителей и был очень рад, когда их разделили тысячи километров?

С одной стороны, Светлову совсем не хотелось им открывать дверь родителям, так как он знал, что они, как всегда, будут трахать его мозги и надругаться над психикой, но, с другой стороны, это была всё ещё ИХ квартира. И Андрей не знал, как можно не пустить хозяев на принадлежащие им на законных основаниях квадратные метры. А потому его рука потянулась к дверному замку. Но, тут же отскочила, наткнувшись на поставленную им же защиту. Быстро сняв её, он распахнул дверь.

Маман с папан тут же ввалились внутрь. Вручив сыну цветы, конфеты и шампанское, они расцеловали его, чего раньше не было, дружно скинули с себя верхнюю одежду и принялись запихивать свои дубленки и меховые шапки в шкаф купе. И тут-то через их слюнявые и, одновременно, холодные и противные «чмоки» Андрей смог совершить проникновение в их сознание и прочитать то, что ранее от него было скрыто. А там было, что скрывать. И, если бы Светлов ранее научился так просто считывать информацию о человеке, сделал бы всё возможное, чтобы не подпустить родителей к своему дому на расстояние пушечного выстрела.

Он увидел, что маман и папан никакие не муж и жена, а брат с сестрой, родившиеся где-то на территории современного Пакистана около тысячи лет назад. Они оба из клана Сабритов, оба с детства занимались магией, но были настолько слабыми магами, что даже в большом семействе Сабритов их за людей не считали. Поэтому они были изгоями, ошибкой природы. Друзей у них не было, а потому они всю жизнь прожили вдвоём, изображая семейную пару и занимаясь кровосмешением. А потому от них рождались только уроды, которые либо умирали сразу при рождении, либо которых из-за их отпугивающего внешнего вида убивали люди. Единственный их нормальный ребенок — он,

Андрей, да и то приемный. Они его усыновили в годовалом возрасте и сознательно подпитывались его энергией. Именно поэтому он в детстве так часто болел. А, повзрослев, стал избегать общения с «родителями», так как после общения с ними всегда чувствовал слабость, головную боль, сильный дискомфорт, беспричинно впадал в депрессию или, наоборот, начинал паниковать. Вот, почему он так радовался разлуке с маман и папан. И де-ло вовсе не в нём, как думал Андрей, а в «родичах». Это не он — урод, дебил и ничтожество, как они внушали ему с детства, а они — ненормальные садисты, которые, наказывая его в детстве за непослушание, пару раз чуть не убили. Это из-за них у Андрея в раннем детстве постоянно болело всё тело, а не потому, что, как говорила мать, он обладал грацией мешка с дерьмом, вечно падал и «расхреначивал» какую-нибудь часть своего «охренеть, какого неуклюжего, вонючего» тела.

И маман, оказывается, никакая не Вера Павловна, её настоящее имя — Кутуш. Папан тоже никакой не Николай Степанович. Его имя от рождения — Пуфик. Да-да, как предмет мебели, на который складывают ноги. И своим поведением, сколько его помнил Андрей, для маман он был и пуфиком, и половой тряпкой, об которую она постоянно вытирала ноги.

Эти хилые маги всю жизнь мечтали стать кем-то, но ничего у них не получалось, так как у них никогда не было ни своей Книги Знаний, ни при-личных артефактов. Те артефакты, которые у «родичей» были, они или воровали, или добывали, раскапывая могилы. Никогда не покупали, так как денег хронически не было.

Впрочем, даже малой энергии тех артефактов, что у них были, им хватало, чтобы продлить свою жизнь, залечивая болезни и раны, менять тела.

Они «отметились» в Северной и Южной Америке, где местные шаманы сделали так, что у них земля под ногами горела, причем, в прямом смысле.

Они «наследили» в Африке, где шаманы натравили на них всю мест-ную фауну, от которой Кутуш и Пуфик спасались бегством, пока не покинули границы черного континента. Чудом выжили, но пришлось менять тела, так как Пуфику крокодил откусил ногу, а Кутуш после встречи со львом лишилась правой руки, правого глаза и обеих грудей.

Они могли бы сто раз погибнуть, но их всегда выручал некто Амфес — маг среднего уровня из клана Саброитов. Он вытаскивал их из костлявых рук смерти, когда, казалось бы, всё кончено. Но всегда говорил при этом: «Когда придет время, вы мне тоже поможете». И пропадал на долгие годы.

А Кутуш и Пуфик продолжали свои скитания. Однажды они

присутствовали на казни ведьмы в одном из городов средневековой Европы. Увы, город был настолько маленьким, что его название не сохранилось в исторических хрониках, но инквизиция там так хорошо работала, что жители города даже зимой не мерзли, постоянно греясь у костров, в которых сжигали ведьм.

И во время одного из таких сожжений псевдо-родители Светлова заметили, как палач кидает в костер Книгу Знаний казненной ведьмы. И тут они оба поняли, что это, возможно, их последний шанс стать магами хотя бы среднего уровня. И они начали действовать.

Собрав в кулак все остатки своих магических силенок, Кутуш создала в небе огнедышащего дракона, который летал над толпой горожан, изрыгая струи пламени.

Согласно плану Кутуш, это должно было отвлечь внимание черни, собравшейся на городской площади, и, пока они будут в страхе метаться, Пуфик вытащит из костра Книгу Знаний, и они, слившись с толпой, покинут площадь, а потом и город. После чего — весь мир у них в кармане.

Но не тут-то было!

Толпа, действительно, сначала посмотрела на небо, на плюющего огнем дракона. Но Кутуш вложила в его создание настолько мало энергии, что дракон очень быстро растворился в небе, оставив после себя лишь облачко дыма.

Толпа, несколько не испугавшаяся его появления, воспринявшая его как какой-то фейерверк, быстро переключила внимание на костёр, от которого в тот момент отбегал Пуфик, сбивая огонь с Книги Знаний и засовывая её себе за пазуху.

Как только Кутуш и Пуфик вклинились в толпу, чернь тут же начала орать, что это — пособники ведьмы, их нужно тоже сжечь.

И несостоявшиеся маги среднего уровня тут же были схвачены людьми из толпы и доставлены прямо в руки инквизиторов. Те с ними особо не церемонились, и после двух дней пыток в застенках инквизиции Кутуш и Пуфик признались во всех своих грехах, взяв на себя ещё и чужие, лишь бы их больше не мучили.

Казнь через сожжение была назначена на следующий день. И наших горе-колдунов, действительно, казнили бы, если бы ни Амфес, который явился в подвалы инквизиции и вызволил приговоренных к смерти. И никто ему не помешал, так как все жители города, в том числе, инквизиторы, умерли от чумы, насланной Амфесом.

Объяснив Кутуш и Пуфику, что Книгу Знаний, с таким трудом вытащенную из костра, инквизиторы всё же уничтожили,

он посоветовал им уйти из города и в очередной раз напомнил о том, что, когда придет время, они должны будут ему помочь.

И они снова согласились с его условиями и ушли из того города, которого сейчас нет ни на одной карте, и долго жили в лесах.

Она «косила» под ведьму, он — под ведьмака. Вроде, жили спокойно, активно используя дары природы, но в какой-то момент им стало скучно, и они решили двинуть свои стопы в Россию. Там он познакомился с Одджит — такой же, как они, неудачницей, но из клана Сабритов, у которой на тот момент не было ни Книги Знаний, ни артефактов, но было желание стать великой колдуньей.

Покупка Андреем кувшина с заточенной в нем Джиной стала для «предков» Светлова чем-то из ряда вон выходящим, но раскрывать свои карты они, наученные горьким жизненным опытом, не хотели. Поэтому, как могли, изображали добреньких простолюдинов, понимая, что в нем есть какая-то сила. Эта сила их пугала и, одновременно, притягивала. И они хотели переманить его на свою, темную сторону, если бы не появилась Джина. Она спутала им все карты.

Но тут в жизни Пуфика и Кутуш снова появился Амфес. Он пообещал им и Книгу Знаний, и артефакты, если они помогут ему открыть портал в Сирии. Этот портал нужен был ему для того, чтобы протащить через него Арину — свою возлюбленную, королеву тех самых крылатых и бегающих тварей, с которыми потом — не без труда, конечно — расправились Андрей, Джина и Белозар с его учеником.

Перед открытием портала у Амфеса, Кутуш и Пуфика были три стрелы, которые когда-то принадлежали Кощею, скрестив которые троица спровоцировала мощный выход негативной энергии, которая открыла портал и помогла приходу в этот мир Арины.

Как раз в тот самый момент, когда Белозар и Евгений садились в вертолет, Кутуш спросила у Амфеса:

— И где обещанные тобой артефакты? Где Книга Знаний?

Они были в десяти километрах к востоку от того места, где недавно был портал, через который пролезла Арина. Все чувствовали, что добрая часть подданных королевы пала в бою, но всем на это было наплевать, так как дело, ради которого Амфес, Кутуш и Пуфик прибыли в Сирию, было сделано. Остальное — мелочи.

Они находились на развалинах некогда жилого дома. Повсюду была кровь, из-под завалов торчали фрагменты человеческих тел. Но никто из магической четвёрки, которая в

квартет никогда не объединится, на это не обращал внимания.

Амфес, протягивая Кутуш свою стрелу Кощея, ответил ей:

— Я отдам тебе свою стрелу, вы оставите себе другие две, а Книгу Знаний ты заберешь у своего приемного сына. Она как раз сейчас у него...

— У Андрюшки-Говнюжки? — с сомнением в голосе спросила «маман».

Вместо ответа ей Амфес положительно кивнул. И хотя на тот момент он говорил чистую правду и верил в это, Кутуш была уверена в том, что Амфес надул её и Пуфика, подсунув разряженные, бесполезные стрелы и перспективу стать хозяйкой Книги Знаний. Не саму Книгу, а лишь гипотетическую возможность получить её. От этого «маман» рассвирепела. Она уже хотела воткнуть стрелы Кощея в глаза старому обманщику, но тут взгляд её упал на Диадему, украшавшую голову Арины. Она тут же вспомнила рассказы Амфеса о силе этой диадемы и, несмотря на страшную внешность Арины, подскочила к ней и ударом стрелы, зажатой в правой руке, сбила диадему с головы чудовища из другого мира, а стрелу, зажатую в левой руке, воткнула Арине в желеподобный живот. Страшилище тут же превратилось в обычную, ничем не примечательную женщину, которая согнулась пополам и упала на землю, истекая кровью.

Стрелу, зажатую в правой руке, Кутуш, как и планировала, воткнула Амфесу в глаз, от чего сначала лопнуло глазное яблоко, а после — взорвалась голова, забрызгав и Кутуш, и Пуфика своим содержимым.

Нагнувшись и водрузив на свою голову диадему, Кутуш поняла, что только что совершила то, о чем сожалеть никогда не придется. Она наконец-то нашла то, что искала долгие годы — источник силы.

Какое-то время «маман» стояла с закрытыми глазами, сжимая в руках стрелы и наслаждаясь вливающейся в её тело энергией. Но потом она встрепенулась, словно очнувшись после сна.

— Похоже, стрелы всё ещё заряжены, — произнесла она, глядя на начавшие разлагаться тела старого колдуна и его подруги. — Этот педик меня не нае...

Концовку фразы заглушил внезапный порыв ветра, но Пуфик понял, что хотела сказать его сестра.

— Значит, и Книга Знаний у Андрюшки-Говнюжки? — осторожно предположил «папан», испуганно глядя на сестру, которая начала превращаться в монстра. Того самого монстра, которым при жизни была Арина, останки которой лежали у его ног, успев превратиться в скелет. Только платье с пятном крови на животе не подверглось разложению.

— Ну, это мы ещё проверим, — ответила Кутуш брату.

Имея в руках энергию трех артефактов и, обладая силой двух магов, она, конечно же, увидела Книгу Знаний в рюкзаке своего непутёвого Гов-нюжки, летящего в Челябинск на ковре-самолёте со своей — гори она синим пламенем — возлюбленной. И Кутуш могла бы догнать ковер, попыталась бы отобрать у Андрюшки Книгу и заряженный энергией меч, лежащий у него под рукой, но она боялась Джину, которая — в чем Кутуш убедилась на собственном опыте, — была очень сильной колдуньей, прошедшей чертовски хорошую подготовку. И, чтобы одолеть её, нужно обладать силой сотни магов и хреновой кучей артефактов. А для этого нужно время, много времени.

Конечно, Кутуш подождет, пока не у неё не наберется достаточно сил. Сколько бы времени ни прошло, Андрюшка всё равно не избавится ни от Книги Знаний, ни от меча, ни от прочих заряженных энергией вещей, которые у него есть или могут появиться в будущем, так как Джина не даст ему это сделать. Уж она-то знает цену вещам, обладающим энергетикой. Точнее, знает, что эти вещи бесценны.

Кутуш боялась и ненавидела подругу Андрея, а должна была уважать её, ведь, по понятиям колдунов, Джина совершила весьма благородный поступок, не дав Кутуш умереть. Ведь, в тот момент, когда в финале их поединка змеи затащили её в расселину, и земля начала сходить над её головой, Джина схватила её за руку и рывком выдернула из этой долбаной трещины в земле, отрубив головы нескольким змеям, крепко вцепившихся в филейные части Кутуш. И, не умри она от давления земли, она всё равно погибла бы от укусов проклятуших змей, на которых абсолютно не действовала её магия, точнее, оставшиеся крохи магических сил, которые Кутуш, как бы ни силилась, не могла собрать воедино и направить против Джины.

А эта сучка из кувшина, вместо того, чтобы одним, даже слабым магическим ударом добить свою конкурентку на магическом поприще или просто отрубить мечом ей голову, вытянула руку, на которую тут же сверху упала золотая цепь с кулоном, и бросила этот артефакт на грудь Кутуш. И ушла, не оборачиваясь, что могло означать только одно: живи и дальше, но помни мою доброту. Помни и бойся меня, так как при следующей встрече я тебя не пощажу.

Всё это Андрей увидел за долю секунды. Увидел и ужаснулся той правде, которая ему вдруг открылась. А «маман», тем временем, глядя на своё отражение в зеркале, надела себе на голову диадему. Ту самую, которая даёт ей силу и отбирает силу у других магов, которых Кутуш убила не меньше двадцати. Это

только тех, кого она запомнила, кто активно ей сопротивлялся. Остальные убийства слились в её памяти в одно сплошное мочилово, сопряженное с кражей артефактов. Но, несмотря на это количество заряженных энергией предметов старины, которые на тот момент были у Кутуш, не делали её счастливой, так как ей хотелось иметь Книгу Знаний. И она хотела заполучить её любой ценой, пролив новые и новые реки крови.

Увидев всё это, Светлов поразился тому, какую ошибку допустил только что, какого монстра запустил в свою квартиру.

А Кутуш уже начала превращаться в Арину. В то самое существо, которое Андрей увидел глазами «маман». Её руки превратились в большие клешни, из раздувшихся боков выросли многочисленные щупальца, как у осьминогов, ноги превратились в членистые конечности краба, которых было никак не меньше шести.

Всё, как у Арины, только тело было покрыто толстыми костяными пластинами, как у крокодила. Наверняка, этот наворот «маман» добавила от себя, чтобы быть неуязвимой. Сходство с крокодилом дополнял вытянувшийся вперед рот, полный больших и острых зубов.

Выросший на спине костяной гребень разорвал по шву платье на спине, и оно упало к крабьим ногам «мамаши».

Более нелепого и страшного существа Андрей ещё не видел даже в фильмах ужасов.

Светлов хотел закричать, чтобы предупредить Джину об опасности, но было уже поздно, так как щупальца быстро обвили его тело и заткнули присосками рот. Они были мокрыми, липкими, пахли сырой рыбой.

Но самым худшим было не это. Худшее заключалось в том, что силы начали покидать Светлова. Щупальца словно выжимали из него все жизненные соки. И, если ещё пять минут назад, будучи уже не новичком в магии, Андрей мог бы с легкостью в ключья порвать эти осьминожьи конечности, переломать клешни и крабьи лапки, а потом оторвать крокодилью башку и засунуть всё это в бесформенный, покрытый костяными роговыми пластинами большой зад своей мачехи, то сейчас он смог лишь заблокировать свою голову от проникновения в память, чтобы Кутуш ничего не узнала ни про Книгу Знаний, замаскированную под простую книгу, ни про египетский кувшин, который сейчас выглядел, как простая ваза.

А щупальца трепали безвольное, обессилившее тело Андрея, как тря-пичную куклу, шлёпая им по полу, по стенам и по потолку, причиняя ему боль.

— Кто там? — слышался голос Джины.

«Беги! Я снял защиту с жилища» — послал ей Андрей мысленный сигнал, но она, похоже, не уловила это сообщение или не поняла всей его серьезности, а потому вышла из спальни, привлеченная звуками возни, доносящимся из коридора.

Щупальца тут же обвили её.

После этого, громко цокая по паркету ногами краба — переростка, «маман» затащила своего пасынка и Джину в гостиную, прижала их к стене, на которой не так давно Андрей хотел повесить меч, но руки до этого так и не дошли, так как он был занят более важным делом — изучением Книги Знаний.

Присоски щупалец начали елозить по телам Джины и Андрея, выделяя вонючую слизь, которая была вязкой, как суперклей. Эта слизь моментально застывала, превращаясь в камень, намертво впечатывая очередных жертв Кутуш в стену.

Вонючая слизь превратила тела Андрея и Джины в подобие коконов, но не тронула глаза и уши. Дескать, смотрите и слушайте! Это последнее, что у вас осталось.

Так же, цокая ногами и оставляя глубокие следы в паркете, словно по нему рубили топором, Кутуш вышла на середину гостиной, чтобы её было видно и слышно пасынку и его супруге, начала говорить. Крокодилья пасть при этом щелкала зубами, а голос шёл из утробы чудовища, словно «маман» сидела внутри его. Но Андрей-то знал, что это было не так. Его мачеха всегда была чудовищем, только маскировалась плохо и бездарно. Её звериная сущность всегда выплескивалась наружу. И лишь Андрей это знал. Знал, но боялся в этом признаться окружающим и самому себе.

— Ну, когда вы оба знаете, кто я есть на самом деле, скажу сразу, что мне нужны все ваши артефакты и Книга Знаний. Если отдадите мне всё это, я уберусь восвояси и не причиню вам вреда. Если нет... — Монстр многозначительно щелкнул своими клешнями, так громко, что завибрировали стены, что Андрей прочувствовал всем своим скованным телом.

Но, как только щупальца впервые коснулись его, он уже понял, что в живых «маман» их не оставит в любом случае. Она для этого сюда и пришла, чтобы убить их, так как ей они не нужны, как лишняя помеха на пути к могуществу, к власти, ко всему тому, о чем мачеха всю свою жизнь мечтала, хлебая дерьмо полной ложкой. И ничто её не остановит.

А потому Андрей изо всех сил послал супруге ещё один мысленный сигнал: «Она врёт! Она замочит нас! Не верь ей!»

Никакого ответа от Джины он не получил. Но она могла бы хоть моргнуть, если бы получила его сообщение. Но пока — тишина в эфире. Пугающая тишина, не предвещающая ничего

хорошего.

Посмотрев на супругу движением зрачков — а большего он сделать и не мог, — Андрей увидел, что та смотрит на «маман», словно гипнотизируя её. Значит, его мысленные потуги были напрасными.

С губ Андрея сорвался бы взглас разочарования, но, так как его рот был залеплен затвердевшей слизью, послышалось лишь мычание. Несмотря на то, что оно было слабым, Кутуш его услышала и движением клешни оторвала слизь от рта своего пасынка, чуть не отрезав тому губы.

— У нас нет ничего, — Андрей зашелся в кашле и выплюнул под ноги «маман» окаменевший кусок слизи.

— Что ты мне врешь? — Мачеха ударила своего пасынка по голове так сильно, что его подбородок ударился о еле вздымающуюся грудь, сломав каменный нарост на горле. Из разбитой головы потекла кровь, быстро залив пол-лица и пропитав собой длинные волосы, не хуже лака сильной фиксации. Самое удивительное, что Андрей после этого почувствовал себя лучше, ведь дышать стало гораздо легче. И боль в ране на голове была несильной. — Я видела Книгу Знаний у тебя в рюкзаке, когда ты летел из Сирии на куске говна под названием «ковер-самолет».

— Я всё прое... — Андрей снова закашлялся.

— Ну, не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, — «маман», громко цокая ногами и щёлкая клешнями, приблизилась к Джине. — Тогда я буду отрезать от твоей сучке по кусочку, начиная с ног. А ты будешь смотреть, как она мучается и орёт. А потом я так же убью тебя. Идёт?

Быстрым движением клешни Кутуш освободила рот Джины, а вторую клешню, кроша окаменевшую слизь, сомкнула на голени той, которая в своё время подарила ей жизнь.

— Нет, — прохрипел Андрей, так как крикнуть в полную мощь легких сил у него не было. В тот момент ему почему-то стало всё равно, найдет «маман» то, что ищет, оставит их в покое или поубивает одного за другим, лишь бы не видеть мучений своей жены. Но и дать ей то, что она ищет, не хотелось. Из вредности, из мести за испорченное детство, за эти тумачи и подзатыльники, за издевательства, в том числе и публичные, из-за которых ему всегда было стыдно, но не за себя, а за женщину, которую он считал в детстве своей матерью. — Ты кто, дерьмо или великая колдунья, обладающая силой десятков магов?

— Что? — От удивления крокодильи челюсти Кутуш разошлись на метр.

— Что слышала! — глядя ей в глаза, сказал Андрей. —

Поищи по квартире, включи все свои магические способности. Всё, что найдёшь, забирай себе, а после этого делай с нами всё, что хочешь. Я прав, Джина?

Супруга перевела взгляд на него и согласно моргнула.

Кутуш отпрыгнула от Джины, как гигантский паук. Её щупальца, уд-линяясь, расплзлись по квартире, во все стороны. В гостиной они исследовали сервант и все углы, в которые даже швабра-лентяйка никогда не пролазила. Чем щупальца занимались в спальне, ванной комнате, в туалете, в коридоре и в кухне — одному Богу известно, но возвращались они с постельным бельем, одеждой, кухонной утварью, с пыльными гантелями, о существовании которых Андрей уже давно забыл, с пустыми банками и лыжами с балкона, с инструментами, которыми уже давно никто не пользовался. Всё это Кутуш разглядывала и кидала на пол. На пол она кинула и сборник рассказов Александра Темного, и египетский кувшин в виде простой китайской вазы. К счастью, ничего из последнего не пострадало.

Взгляд Кутуш остановился лишь на мече, который был задействован сначала в Тунисе, потом — в Сирии. После этого гора под ногами «маман» перестала расти, а щупальца втянулись в тёмно-зелёное тело.

Тот, кого Светлов долгое время считал своим отцом, до сего момента находившийся вне поля зрения, вдруг подскочил к этой куче добра и начал в ней рыться, как бомж на помойке, но, поймав на себе взгляд акульих глаз Кутуш, отскочил в сторону и замер, вытянув руки вдоль тела.

— И это всё, что у тебя есть? — со злостью в голосе спросила Кутуш, зажав в клешне меч.

— А что ты хочешь? — громче, чем ожидал, спросил Андрей.

— Книгу Знаний! — Мачеха отбросила меч в сторону. Тот по рукоятку воткнулся в бетонную стену, чем, быть может, вызвал недовольство соседей. Скоро придут выяснять отношения, если их не заморочили, как большинство внушаемых. Если не внушаемые, значит, имеют отношение к магии. Но Андрей зондировал почву и точно знал, что на пять километров в округе с магией дружат только они с Джиной. Остальные — далёкие потомки колдунов, но даже не подозревают об этом. Значит, никто из людей не будет звонить в дверной звонок, никто не будет стучать в дверь с настойчивым требованием открыть её. — Хочу Книгу Знаний!

— Это и есть твоё желание? — хриплым голосом уточнил Андрей.

— Да! — «маман» подскочила к нему. Её клешни сомкнулись на его горле, как огромные ножницы, острые края разрезали

кожу. Тёплая кровь потекла по шее.

И тут в голове Андрея возник только один образ. Всплыл ли этот образ в памяти Светлова или это был мысленный посыл Джины, Андрею в тот момент было пофиг. Но это был образ Белозара, который не так давно, в Сирии, говорил: «Кстати, мы — ваши должники. Может, я могу исполнить какое-нибудь ваше желание?.. Если когда-нибудь понадобится моя помощь, обращайтесь ко мне мысленно и зовите меня. Помогу, чем смогу».

Андрей знал, что Белозар был сильным магом и, раз обещал, обещание должен выполнить. А потому, раз случай представился, почему бы не вызвать его? Всё равно, им с Джиной терять уже нечего, значит...

«Белозар! — мысленно возопил Светлов, из последних сил подключившись к каналу, который колдуны называют магическим, присоединение к которому не требует каких-либо энергетических затрат. Требуется только концентрация мыслей на том, кого вызываешь. — Мы в полной жопе! Срочно нужна твоя помощь! Выручай!»

И тишина в эфире. Такая зловещая, что у Андрея начали шевелиться волосы на затылке, хотя они были обильно пропитаны начавшей схватываться кровью.

Неужели этот старый говнюк закрылся, заблокировался, чтобы его никто не трогал, не лез к нему в голову?

Нет! Только не это!

«Белозар! Белозар! Белозар, мать твою!..»

В прихожей послышался шум, свидетельствующий о том, что распахнулась входная дверь. Причем, так сильно, что стукнулась ручкой об стену. По коридору приближался и нарастал звук шагов: уверенная мужская поступь и цоканье женских каблучков. Определённо, их было двое: мужчина и женщина.

Едва Светлов подумал об этом, в гостиную вошёл Белозар, облаченный в черный смокинг, галстук-бабочка словно приклеен к накрахмаленному воротничку.

Следом за ним вошла большегрудая стройная шатенка с пухлыми губами. Безупречно сидящий на ней строгий светло-серый брючный костюм делал её похожей на секретаршу, о которой мечтал бы любой начальник. Вот только зачем Белозару нужен секретарь?

Неважно, секретаря приволок с собой великий колдун или любовницу, визиту этих гостей Андрей обрадовался и облегченно вздохнул. Всё-таки, его сигнал достиг цели, его SOS, его крик души. Предсмертный, безмолвный крик.

Едва колдун с дамочкой вошли, Кутуш потянула к ним свои щупальца, намереваясь схватить их. Но не тут-то было: Белозар

успел включить защиту, причем, сильную. Щупальца хватали воздух, тыкаясь в пол, потолок и стены, оставляя мокрые следы, и ни одно не смогло прикоснуться ни к колдуну, ни к его подружке.

— Всем привет! — Белозар улыбнулся улыбкой, на которую способен лишь неподражаемый Кристофер Уокен, обвел взглядом комнату. Судя по его лицу, опытного мага совсем ничего не смутило: ни люди, приклеенные к стене, у одного из которых разбита голова и лицо в крови, ни монстр, которого невозможно ни в двух словах описать, ни в кино показать. — Меня кто-то звал, вот я и пришёл...

— Не я, — щёлкнула пастью «маман».

— И не я, — пожал плечами Пуфик и застенчиво спрятался за спину своей звероподобной супруги.

— Ой, что-то живот прихватило, — вдруг подала голос шатенка, развернулась и уже хотела выскользнуть из гостиной, но Белозар остановил её, схватив рукой за предплечье. Ещё раз окинув взглядом всех, присутствующих в помещении, он произнёс, чеканя каждое слово:

— Никто отсюда не уйдёт, пока я не исполню хотя бы одно желание. И я не уйду, так как я не какой-то там демон, а Белозар Всемогуший. Меня нельзя просто так вызвать, от нечего делать. Это чревато определёнными проблемами. Ты меня вызвал, Андрей Николаевич?

— Да, — Светлов тряхнул головой.

— Тогда загадывай желание, — в руках Белозара появились блокнот и перьевая ручка. Колдун всем своим видом показывал, что ему нестерпимо хочется записать желание и исполнить его. Глаза радостно искрились.

Андрей хитро улыбнулся. Сделал вид, что думает, какое желание загадать позабористее, кинул взгляд на мачеху в образе чудовища. Конечно, он не планировал ничего загадывать, так как знал, что Белозар всё исполнит через одно место на букву «ж». Просто Светлов решил потянуть время и «включить» своё актёрское мастерство.

И слава КПСС!

Сыграл он мастерски, даже лучше, чем играл на сцене школьного театрального кружка. Кутуш так испугалась, что он загадает желание, которое может помешать её планам, что тут же оказалась между пасынком и колдуном, раскрошив своим ороговевшим гребнем на спине окаменевшую слизь, сковавшую тело Андрея.

Вытянув все свои щупальца, она обняла ими шатенку и притянула к себе. Та, конечно же, пыталась сопротивляться, протестующее повизгивая, извиваясь и дергаясь всем телом, но

силы были явно не равны. Приставив к шее несчастной раздвинутую клешню, как не так давно она сделала ненавистному пасынку, Кутуш произнесла, выпустив из пасти шлейф омерзительной вони, словно всю жизнь питалась падалью, подобно большинству крокодилов:

— Я убью твою шлюху, Белозарчик, если ты в первую очередь не выполнишь моё желание. Ты меня понял?

— Понял, — кивнул старый колдун, проглотив комок слюны, спрятав блокнот во внутренний карман смокинга. Видать, жизнь и здоровье секретарши, несмотря на то, что многие маги — отшельники, были ему дороги. На долю секунды на его лице появилась маска искреннего удивления. Видать, он не ожидал, что Кутуш сможет так быстро преодолеть его защитные чары, разорвав защиту в клочья, чтобы шантажировать его, старого и опытного мага. Но — стоит отдать должное Белозару — он быстро справился со своими эмоциями, и его лицо обрело выражение полного спокойствия, словно то, что только что произошло, должно было случиться и даже входило в его планы. Может, и вправду входило. — Загадывай своё желание... Только одно, но главное!

— Ну, — чудовище закатило глаза, как акула перед тем, как схватить жертву. — Я хочу быть... Я хочу...

— Ты что, дура, что ли? — оборвал её размышления вслух Андрей. — Пять минут назад ты хотела, чтобы я отдал тебе Книгу Знаний. Ты обшарила своими слизкими отростками всю мою квартиру и не нашла её только потому, что у меня её нет! И сейчас ты тупишь...

Очередной удар клешней по макушке не дал ему договорить.

— А он не такой уж и тупой, как нам казалось, — глядя на супругу, произнес Пуфик. — Дело говорит...

— Заткнись! Тебя никто не спрашивает! — оборвало его чудовище в образе Арины, даже не обернувшись. И спросило, глядя в глаза Белозару: — ты можешь дать мне Книгу Знаний?

— Да, — не моргнув глазом, ответил ей маг.

— И мне? — спросил Пуфик, высунувшись из-за широкой спины жены.

— Так как у тебя тоже есть право на желание, тебе я тоже дам Книгу Знаний, — с невозмутимостью в голосе ответил Белозар.

— А тебе-то зачем, дурень? — Кутуш обернулась. Казалось, если он ещё что-то скажет, она откусит мужу голову. Но Пуфик, видать, решил идти до конца, каким бы плохим этот конец ни был, а потому продолжал гнуть свою линию: — Мы с тобой прожили вместе уже не одну сотню лет. Мне надоело быть твоим придатком. Я хочу расти и развиваться, хочу стать полноценным

магом, а не прятаться за твоей спиной, не быть твоим вечным слугой. Это вовсе не означает, что я хочу отпочковаться от тебя... Мы, как были вместе, так и будем, до самой смерти. Хоть убей меня, но моё самое заветное желание — иметь Книгу Знаний.

Казалось, Кутуш готова была исполнить волю своего супруга. Отпустив шатенку, она развернулась всем телом, и её огромные клешни сомкнулись на шее Пуфика. Ещё немного, и голова упала бы с его плеч, забрызгав кровью паркет, но нет. Чудовище замерло, глядя в глаза насмерть перепуганному существу, с которым прожило вместе много лет.

Выдержав паузу, тварь, источающая запах гнили, произнесла:

— А я вижу, ты не врёшь. Ты говоришь искренне. Так, почему бы и нет? Мы будем этакой магической парой, которая будет всех вертеть на... Ну, ты сам знаешь, на чем, у тебя это есть.

— Д-д-да, — тихим голосом произнес Пуфик, дернув кадыком. По его коричневым, дешевым штанишкам расплзлось тёмное пятно, но он, будучи в шаге от гибели, похоже, даже не заметил того, что обоссался от страха.

Клешни опустились. Кутуш снова повернулась к Белозару.

— Мы определились с желаниями. Исполни.

— А какие у вас желания? — Белозар обратился к Джине и Андрею.

Джина Александровна сходу сказала:

— Никаких!

Светлов же добавил:

— Если у них будут книги Знаний, наши желания будут бессмысленны.

— Хорошо, — колдун с довольным видом потер ладони. И обратился к Кутуш и Пуфику. — Только каждый из вас должен лично озвучить вслух своё желание.

— Ясно, — хором ответили те и дружно выпалили: — Хочу, чтобы у меня была Книга Знаний.

Белозар расставил руки в стороны, повернув их ладонями вверх, и закрыл глаза, шепча магические фразы, одному ему лишь известные.

По гостиной начал гулять ветер, но окно было закрыто. Пару раз загорался и гас свет в гостиной, но к выключателю при этом никто не прикасался.

Внезапно над ладонями старого мага возникли две книги Знаний. Они были такими же, как Книга Знаний Андрея, в таком же кожаном переплете, с металлическими застёжками, вот только надпись на них он прочитать не мог, так как она была ни на русском, ни на английском, ни на тарингийском языках. А запустить в своей голове всемирный переводчик он не мог, так

как в запасе было слишком мало времени. Так как, едва он вспомнил про этот переводчик, вспыхнула яркая вспышка, ослепившая его. После вспышки обе книги исчезли.

Кутуш вдруг приняла свой человеческий облик — облик старой, толстой бабы с отвисшими до пупа грудями, заорала во всю свою глотку и рухнула на пол, схватившись за раздувшийся живот.

Живот Пуфика тоже раздулся. Он тоже, скрючившись, грохнулся на паркет, закричал, обхватив руками живот.

И, если Кутуш напоминала в тот момент беременную женщину, у которой начались предродовые схватки, Пуфик напоминал лягушку, которую надули воздухом, вставив ей в зад соломинку.

Это длилось несколько секунд, после чего они синхронно взорвались.

Два взрыва слились в один — мощный, разрушивший стены и потолки в квартире, выбивший входную дверь и окна.

Землю затрясло, в окнах дома напротив разбились все стекла.

Звук взрыва был слышен во всех районах Челябинска. Люди крестились, глядя на небо, думая, что на город опять упал метеорит или началась война.

Разрушители легенд — Адам Сэвидж и Джейми Хайнеман — обмочились бы от восторга, если бы они могли лицезреть этот взрыв. Но они ничего не видели, так как на тот момент их не было ни в России, ни в Челябинске. А потому их штаны остались сухими. И они не смогли бы повторить тот взрыв даже при желании, потому что они не владеют магией. Может, это даже к лучшему.

А те, кому «посчастливилось» увидеть взрыв своими глазами, уверяли, что видели в тот момент на небе лицо Сатаны, а один носатый горожанин, давая интервью журналистам, сказал, что это был «полный апокалипсис», какого он не видел даже во время землетрясения в Армении. Также он высказал предположение, что «здесь тоже погибли люди».

Отчасти он был прав, но лишь отчасти, так как вряд ли кто-нибудь смог бы назвать человеком Кутуш в образе Арины.

Эпилог

На следующий день, в коттедже покойного Сергея Сергеевича, недалеко от озера Увельды, Белозар и его очаровательная подруга сидели в гостиной, за столом из канадского дуба и играли в карты. В камине горел огонь, потрескивали дрова.

— Вот тебе шестёрочка на погоны, — шатенка шлепнула

картой по крышке стола и самодовольно улынулась, откинувшись на спинку стула.

— Ладно, в этот раз я — дурак, — вздохнув, Белозар достал из кармана халата сверток и протянул его подруге.

— Что это? — спросила шатенка, с хрустом разворачивая бумажную упаковку.

— Это пакет твоих документов. Здесь твой паспорт, страховое пенсионное свидетельство, ИНН и водительское удостоверение. Сейчас ты — полноценная женщина.

— Ой, Белозарчик, спасибо! — Шатенка принялась рассматривать документы. — Если бы ты разрешил, я бы расцеловала тебя...

— Не надо! — Рука колдуна потянулась к коробке стоящей на столе под его правой рукой. Выудив из неё сигару, он сделал ей обрезание гильотинкой, щёлкнул золотой зажигалкой, раскурил и выпустил в потолок струю дыма, пробормотал, прикрыв глаза: — Редкостная, вредная для организма гадость, но прикольная, блин! Тебя угостить?

— Нет, — ответила та, которую Светлов принял за секретаршу, не отрывая глаз от документов. — А почему у меня такое странное имя — Северина?

— Потому, что я привык к тебе, Сева. Сева то... Сева сё... На то, чтобы привыкать к твоему новому имени, у меня просто нет времени, понимаешь?

— Ясно, — шатенка кивнула. — А что было бы, если бы я проиграла? Ты бы превратил меня в жабу?

— В бабу-жабу! — Белозар рассмеялся.

— Нет, я серьёзно!

— Если серьёзно, я бы выдал тебе документы на имя Чертовой Насрии Адольфовны, но ты выиграла, так что...

— Странно, — задумчиво произнесла Северина. — Ты сделал меня только сейчас полноценной женщиной, о чем я мечтала, большую часть своей жизни находясь в мужском теле. Но почему нельзя было сделать это сразу, в день нашего знакомства?

— Ну... — Белозар задумчиво посмотрел на окно, за которым на ветке голубой ели сидел ворон Карл — его верный помощник, которого великий маг всея Руси никогда не пускал в дом из-за отвратительной привычки последнего гадить, где ни попадя. — Ты же знаешь, что ни один исполнитель желаний не исполнит желание клиента так, как тот хочет. Наша фишка — импровизация. Поэтому, когда ты, будучи ещё в теле Всеволода Землянникова, по пьяни, обратилась ко мне с просьбой изменить твою жизнь, твою внешность, я превратил тебя в черта. Пофиг, что ты до этого полтора часа промывала мне мозги, рассказывая о

том, как тяжело тебе в мужском теле. Важно, что я изменил твою жизнь и облик, как ты и хотел-ла. С Евгением произошла такая же история, только я его сделал девкой. Почему я сделал тебя именно чертом? Да потому, что видел и сейчас вижу в тебе огромный потенциал. Когда ты изучишь Книгу Знаний, ты станешь изгонять нечисть не хуже Жени. Но, чтобы понять, что ты мне подходишь, я вынужден был сделать тебя чертом. Ибо, как я полагал, если ты сможешь жить в теле черта и учиться, и у тебя не сорвет башню, ты сможешь жить в любом теле и работать со мной в паре. И я не ошибся в тебе. Ты — стрессоустойчива, настойчива, легко обучаема... Да у тебя полно положительных черт, которых нет ни у кого. Разумеется, после твоего прошлого проигрыша в карты я превратил тебя в женщину, но это уже было не столько твоё желание, сколько моё. Мы же договаривались, что в случае проигрыша ты выполняешь моё желание, а я — твоё. Ты выполнила моё желание и стала женщиной, причем, очень даже неплохой. При смене тел тоже, знаешь ли, многое зависит от человека.

Северина усмехнулась.

— А я-то думала, что ты сделал меня женщиной для того, чтобы я могла скрасить твоё одиночество, чтоб тебе было, с кем... Ну, ты понимаешь.

— Нет, — Белозар выдохнул очередную струю дыма и мотнул головой. — Мне просто надоело появляться в обществе в компании черта и прятать тебя от глаз простых людей. Маги надо мной, понимаешь ли, стали посмеиваться...

— А-а-а! — протянула Северина, понимающе кивнув. — А я-то думала...

— А ты не думай. Лучше включи телик.

— Хорошо, — девушка вытянула указательный палец, направила его на телевизор. Тот сразу же включился.

Как раз в это время транслировали выпуск новостей. Показали полуразрушенный дом, в котором жили Андрей и Джина.

«...По предварительной версии, произошёл взрыв бытового газа, — тараторила ведущая новостей. — На месте трагедии были обнаружены фрагменты тел. Скорее всего, это хозяева квартиры на восьмом этаже, в которой и произошел взрыв».

Ещё раз направив палец на экран телевизора, Северина выключила его, потом посмотрела на Белозара глазами, полными грусти.

— Как ты думаешь, они выжили?

— Ой, не знаю... — Колдун вздохнул. — Джина — очень сильный маг, и она никогда не допустила бы трагедии, всё

предусмотрев заранее. Но, с другой стороны, если Кутуш высосала из неё всю энергию, превратив тем самым в обычную смертную женщину, возможно всё... Я могу посмотреть, что с ними, если тебе интересно...

— Интересно! — Северина качнула головой.

— Ладно, если ты, Сева, так хочешь... — Белозар сначала посидел неподвижно с закрытыми глазами, потом достал из кармана халата косточки, разбросал их по столу, долго разглядывая. Потом он сгреб кости в кулак, убрал их назад в карман и достал из-под стола сундучок. Из сундучка он извлек магический шар, долго держал над ним руки, словно грея их над огнем, вглядываясь в свечение, идущее изнутри шара. Похоже, ничего шар не показал, поэтому, нахмурившись, маг закинул шар в сундук, который пинком ноги отправил назад, под стол.

Раскинул карты по столу. Долго сопел, глядя на них, потом перевел взгляд на свою ученицу.

— Ну, что? — с надеждой в голосе спросила та.

— Ничего не понимаю, — хмурясь, Белозар пожал плечами. — Их нет ни в мире живых, ни в мире мёртвых. Я так думаю, нужно подождать дней сорок, тогда, если они погибли, мы увидим их в мире мёртвых. Если их там нет, увидим их в мире живых.

— Логично, — согласилась с ним Северина. — Хотя они для меня — чужие люди, и я видела их всего два раза, мне они показались такими классными! У них такая любовь, такие отношения!

Ты мне напомни о них дней через сорок. Я посмотрю, что там с ними. Мне уже самому интересно, живы они или нет...

Ворон Карл за окном издал гортанный звук. Видать, его тоже интересовало, где сейчас Андрей и Джина.

Старый маг не увидел Светловых ни в мире живых, ни в мире мёртвых ни через сорок дней, ни через месяц, ни через полгода. А потом Белозар с Севериной о них просто забыли, полностью погрузившись в свои дела, заботы.

Но один полярник утверждает, что видел на Антарктиде мужчину славянской внешности и женщину восточного типа, разгуливающих на немыслимом холоде в восточных одеждах. При этом полярник уверял всех, что женщина была на последних месяцах беременности. Это, если судить по большому животу,

Военный лётчик, недавно вышедший на пенсию, утверждает, что много раз видел мужчину и женщину, «перемещающихся в воздушном пространстве на ковре-самолёте». Но, при каждой попытке лётчика приблизиться к ним, они исчезали.

Известный олигарх, бороздя на своей яхте воды Средиземного

моря, видел русского мужчину и восточную женщину, которые летели над морем на ковре-самолёте. С ними был ребенок — маленький мальчик с небесно-голубыми глазами, как у мужчины и с черными, как смоль, волосами, как у женщины.

Известный дайвер из Республики Беларусь, погружаясь на дно Атлантического океана, видел мужчину и женщину, ведущую за руку ребёнка. Они были без какого-либо подводного снаряжения. А ребенок — красивый мальчик с голубыми глазами — помахал дайверу ручкой, распугав стаю рыб.

Один альпинист, совершавший восхождение на Эверест, клянётся-божится, что видел на вершине горы светловолосого, голубоглазого мужчину, брюнетку и маленького мальчика, одетых в странные одежды. Троица, заметив его, улетела на ковре-самолёте.

А один археолог, вернувшись с раскопок в Южной Америке, рассказывал своим друзьям, что нашёл там золотой медальон, с одной стороны которого изображено лицо красивой женщины, а на другой стороне написано кириллицей: «Джина». И занял бы медальон почетное место в каком-нибудь музее, но возраст медальона — более десяти тысяч лет, а официальная наука считает, что в те времена, когда было изготовлено это украшение, русского языка и русской письменности не существовало. Поэтому и пылится медальон в квартире археолога, на стеллаже между увеличительным стеклом и глобусом.

И полярник, и лётчик, и олигарх, и дайвер, и альпинист, и археолог рассказывая о своих встречах с людьми, похожими по описанию на Джину и Андрея Светловых, на их сына, были, мягко говоря, в состоянии опьянения, а потому их рассказам особо никто не верил.

Эти уважаемые люди очень известны в определённых кругах, а потому свои имена они попросили не называть. Ну, и правильно. Пусть их имена останутся за кадром.

Можно до бесконечности спорить о правдивости истории о Джине, которая кардинально изменила жизнь Андрея Светлова, но истина, как говорится, где-то...

14.04.2019-31.10.2019